

ХОЛИЗМ И ЗДОРОВЬЕ

от мировоззрения к практике

Выходит с мая 2009 г.

№ 2 (10) 2014

Тема номера: «ЖИЗНЬ. ИСЦЕЛЕНИЕ. ВОСКРЕСЕНИЕ»

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. ВЛАДИМИРЦЕВ,
к.мед.наук,
д.психол.наук, проф.;	3	От редакции
Ю. М. ГУБАЧЕВ,
д.мед.наук, проф.;	4	<i>Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)</i> Человек в Священном Писании (экзегетический подход)
О. Е. ИВАНОВ,
д.филос.наук, проф.;	10	<i>Щепановская Е.М.</i> Проблема бессмертия в мифологии и философии
О. В. КРЕЛЬ,
президент
ассоциации «АнтЭра»;	17	<i>Шестерикова О.А.</i> Дробление и внутренняя дифференциация современного медицинского дискурса и попытки обретения целостности
В. А. ЛИЩУК,
к.техн.наук,
д.биол.наук, проф.;	25	<i>Ольшанский Д.А.</i> Психоанализ и Психиатрия: смысл и значение клиники
В. В. МАЙКОВ,
к.филос.наук;	30	<i>Соловьёв С.Л.</i> Очерк о значении сновидений
В. В. МАКИЕНКО,
к.мед.наук;	36	<i>Добрынин В.А.</i> О некоторых подходах к обоснованию наглядной модели жизни творческой личности
А. В. ОЛЕСКИН,
д.биол.наук, проф.;	52	<i>Сомов А.Б.</i> О воскресении в Библии
Н. Б. ПОКРОВСКИЙ,
ректор НГУР, проф.;		НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ:
М. А. САВЕНКО,
д.мед.наук, проф.;	58	Николай Гартман на «Днях философии в Санкт-Петербурге – 2014»
Н. М. СЛАНЕВСКАЯ,
к.политол.наук;		ИНТЕРВЬЮ:
С. И. ТРОИЦКАЯ,
к.филос.наук;	63	«Господь все делает только к лучшему для человека» - интервью со священником, д.м.н., профессором Г.И.Григорьевым
С. В. ЧЕБАНОВ,
д.филолог.наук, проф.		ЗАРИСОВКИ ИЗ ЖИЗНИ:
РЕДКОЛЛЕГИЯ:	68	<i>Романов С.А.</i> Она видела ад и рай
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
И. К. Нурмеев		
ХУДОЖНИКИ:
С. Л. Соловьёв
Т. Л. Никифорова		

СОДЕРЖАНИЕ

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ:

Н. К. Доманская,

О. Г. Тагель.

ПОЭЗИЯ:

- 69 *Валерий Родченко*
Всю нашу жизнь, буквально каждый миг...
Ностальгия (Мне бы выйти из себя когда-то...)
Смешинка тает (В этот самый, в этот вечный миг...)
А что потом? (Проблема вечного покоя...)
Расплескались потёмки лица...
Есть в Церковь Дверь...
Воистину Христос! (Опять закат распят...)
- 71 *Петр Салецкий*
Нас манять незвідані далі...
У кожного у серці місце є...
Кругом в природі рівновага...
На світі є планет багато...
Сяє із неба проміння величне...
Дивлюсь у вікно...
Батькам на родість народився...
- 74 *Наталья Кошина*
Есть (Есть что-то очень важное на свете...)
За что? – я знаю сама...
“Любовь не ищет своего...”
Дольше всех вела беседы...
Мои песочные дворцы...
Все короче стих...
Скучание по Богу (Скучаю по старым друзьям
и веселому лету...)
- 77 *Наталья Хаустова*
Господи, за радость ожидания...
- 78 НАШИ АВТОРЫ
- 80 **CONTENTS**

Журнал издается под эгидой Ассоциации АнтЭра –
Института клинической медицины и социальной работы имени М. П. Кончаловского
www.celenie.ru

Все права защищены.

Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения редакции журнала.

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Лиговский проспект 56-Е, офис 95
тел.: (812) 764-71-21; www.holiz.ru (www.journal.celenie.ru); эл. почта: holiz@inbox.ru

Журнал основан в 2008 году. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-38506 от 18.12.09.

ISSN 2305-5650 (Print), ISSN 2305-5677 (Online)

Тираж 1 000 экз.

ОТ РЕДАКТОРА

Сергей Соловьёв «Осень в деревне»

Сергей Соловьёв «Стена плача»

Сергей Соловьёв «Прованский пейзаж»

Дорогие читатели!

Перед Вами юбилейный, 10-й номер журнала «Холизм и здоровье», который по своей заявленной теме «Жизнь. Исцеление. Воскресение», является естественным продолжением предыдущего номера, посвященного смерти и бессмертию.

Основным лейтмотивом жизни представляется творчество, как целостное напряжение всего человека-творца, стремящегося прорваться к смыслу мироздания.

Творческая **жизнь** – это то, что может способствовать выходу за пределы природной бесконечности и обретению целостности и, соответственно, освобождению от обусловленности, связанной с пребыванием в рамках этой материальной действительности.

Обретение целостности рассматривается как процесс и находит своё выражение в понятии «целение». Целение – это путь восстановления целостности во всеобъемлющей полноте, когда едиными становятся дух, душа и тело. Само же **исцеление** скорее результат пройденного пути, цель, состоящая в преобразении и просветлении этого природного мира.

С другой стороны, упоминаемые в евангельских повествованиях чудеса исцелений, имели своей задачей символически прообразовать окончательное «целение» человека.

Идея воскресения выражается через метафору пробуждения и вставания от сна смерти, чтобы быть в бодрствовании полноты жизни. В Новом Завете **воскресение** мертвых связывается с воскресением Христа, в котором и обретается победа над смертью.

И, как отметил в своей статье «Человек в Священном Писании» архим. Ианнуарий (Ивлиев): «Истинную целостность, неделимое, неразложимое тело человек обретает только в телесно Воскресшем Господе, в «теле воскресения». Только в Господе человек исцеляется от болезни греха и смерти».

Всего вам доброго,

И. Нурмеев

ЧЕЛОВЕК В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ (ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Аннотация

Автор рассматривает человека через призму Священного Писания, проводит экскурс в этимологию термина, рассматривает понятие целостности человека с разных сторон. Он утверждает, что антропология неразрывно связана с сотериологией и христологией. Soma (тело) есть человек как целое, неделимое. «Целение», восстановление целого-тела – *sōteria*, т.е. спасение. Спаситель соответственно Целитель. Цель жизни – обретение подлинной Целостности.

Ключевые слова: антропология, сотериология, христология, человек, тело, целение, целитель, спаситель.

I. Ветхий Завет.

В Священном Писании Ветхого Завета нет систематического учения о человеке, то есть нет антропологии как науки, равно как нет и систематического учения о Боге, то есть нет теологии как науки. Всё Писание повествует о Боге и о человеке не как о научных абстракциях, но как о живых личностях, которые находятся в личных отношениях. Но если всё-таки говорить о библейской антропологии, то прежде всего следует указать на то место из книги Бытия (2,7), в котором повествуется о сотворении человека: **«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его [в нос ему] дыхание жизни, и стал человек душою живою»** (Быт 2,7). Это предложение, согласно Герхарду фон Раду (Gerhard von Rad), содержит «locus

classicus» ветхозаветной антропологии. В нем сущность человека описывается в двойном высказывании:

Человек есть **прах**, как «Адам», взятый от «адамá» (евр. «пахотной земли»), и снова вернется в пахотную землю (ср. ст.19). Здесь внимание обращается на тварность человека, на его существо, полностью привязанное к земле, на его бренность и слабость.

И все-таки этот комок земли становится живым человеком! Господь Бог вдыхает ему «в нос» дыхание жизни и делает его «живым существом». На этом месте текста речь идет не о бессмертной душе, не о вдунутой божественной искре. Речь идет о дыхании, о силе жизни, дающей человеку жить и двигаться, пока Бог удерживает за ним этот дар. Ибо это дыхание идет от Бога и целиком остается во власти Бога. **«... отымеши дух (дыхание) их, и исчезнут, и в персть свою обратятся. Послещи духа (дыхание) Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли»** (Пс 104(103),29-30; ср. Иов 34,14-15).

Жизнь человека – жизнь взаймы. Бог в Своем распоряжении держит дыхание жизни. Итак, человек одновременно полностью земной, взят от земли. И в своей жизненности он полностью привязан к Богу, в каждый момент и в каждом вздохе зависим от Бога и Его дара.

II. Апостол Павел и эллинизм.

Говоря об антропологии в Новом Завете, мы будем рассматривать антропологические понятия, используемые в посланиях апостола Павла. Во-первых, потому, что апостол Павел – наиболее «теоретизирующий» из авторов новозаветных книг. Во-вторых, потому, что этот предмет наиболее изучен. Хотелось бы выделить те основные моменты, которые могут показаться необычными и весьма отличными от традиционных представлений о человеке. Разумеется, всем известно то большое влияние, которое испытало на себе христианское богословие со стороны древнегреческой философии, прежде всего со стороны так называемого идеализма Платона. Это влияние было естественным следствием перемещения центра тяжести христианства из Палестины в эллинистический мир. Для этого мира с глубокой древности был характерен дуалистический взгляд на человека (в различных вариантах). Условно говоря, греческий дуализм можно охарактеризовать древним изречением «*sōma – sēma*», т.е. «тело – гроб, гробница». Гроб чего? – Гроб души. Тело и душа мыслятся как две разные субстанции. Душа вечна, и родина её – мир идеальный. Тело – временно, материально и является источником страданий и страстей души. И с этой точки зрения представляется нелепой и даже кощунственной сама мысль о телесном воскресении, что и было продемонстрировано апостолу Павлу в Афинах (Деян 17, 32), а также отчасти в Коринфе (1 Кор 15, 35). Основная причина того, что греки не могли понять апостола Павла, в том, что они говорили на разных «антропологических языках». Одни и те же слова обозначали у них разные понятия. Движение их мысли происходило в разных «системах координат» – библейской и эллинистической.

III. Эллинизм и интерпретация библейских текстов.

Дальнейшая интерпретация библейских текстов в духе эллинистической антропологии прочно утвердилась в христианской догматике и ещё прочнее в народном сознании. Так происходило с конца I века до последнего времени. Схематический «анализ» человека на взаимозависимые, но субстанциально разные части породил учения о дихотомии и трихотомии, отразился в церковном фольклоре и в аскетической практике, в гимнографии, поэзии и литературе. Можно сказать, что вся европейская культура следовала эллинистической схеме в антропологии. Даже предельно далёкий от религии психоанализ Фрейда пользуется трёхчастной схемой: *Ego*, *Id* и *Superego*.

Разумеется, всё это показывает жизнестойкость и практическую пользу эллинистической схемы. Но при детальной экзегезе библейских текстов эта схема может приводить к ложной интерпретации, и исследователь не имеет права рассматривать их с точки зрения привычных для нас, но чуждых ему антропологических постулатов и аксиом.

IV. Особенности антропологии Апостола Павла.

В Писании нет абстрактной теологии и абстрактной антропологии. Когда, например, апостол Павел говорит о человеке, он всегда рассматривает его в отношении к Богу. Всякое высказывание о Боге есть в то же время высказывание о человеке и наоборот. В этом смысле богословие Павла есть одновременно антропология, неразрывно связанная с сотериологией и христологией. Отсутствие научной схемы отражается в весьма свободном использовании антропологических терминов.

Фундаментальные антропологические понятия у апостола Павла суть тело, дух, плоть, совесть. Менее значимы такие понятия как душа, ум, сердце, внешний человек, внутренний человек и некоторые другие. Апостол в своих посланиях, которые очень конкретны и обусловлены ситуацией, не строит никакой научной антропологии, которая описывает «феномен человека». Когда апостол Павел говорит о человеке, он всегда рассматривает его в отношении к Богу. Всякое высказывание о Боге есть в то же время высказывание о человеке и наоборот. В этом смысле богословие

Павла есть одновременно антропология, неразрывно связанная с сотериологией и христологией.

Отсутствие научной схемы отражается в весьма свободном использовании антропологических терминов. В экзегетическом анализе необходимо помнить о том, что Павел одни и те же термины может использовать в разных смыслах. Причин такой неоднозначности несколько. Дело в том, что апостол происходил из среды умеренно эллинизированного иудаизма. Язык его посланий – греческий; строй мысли определен семитскими, библейскими корнями; цитирует он преимущественно Септуагинту, в которой, как известно, одни и те же еврейские слова часто переводятся разными словами греческими; наконец, Павел не избегал и конвенционального, общепринятого языка своего эллинизированного окружения.

V. Цельность человека.

Рассмотрим некоторые основные антропологические понятия, используемые в посланиях апостола Павла. Основное понятие, которое характеризует у апостола Павла бытие человека, – *sōma*, тело. Вполне возможно мысленно заменять слово «тело» в его посланиях словами «человек», «индивидуум», личными местоимениями: моё тело = я, его тело = он и т.д. По выражению Рудольфа Бультмана, «человек не имеет тело, но человек есть тело» (R. Bultmann, *Theologie des Neuen Testaments*, 8. Aufl., Tübingen 1980, 195). Павел не мыслит человека без тела. Именно поэтому и бытие человека после смерти он не представляет себе без тела, хотя «тело воскресения», разумеется, не есть физическое тело, «тело душевное», но есть «тело духовное» (1 Кор 15, 44), «тело славы» (Флп 3, 21). При этом не следует понимать тело как форму, заполненную различной материей (плотской или духовной). Тело – человек в его целостности. Примечательно, что Павел никогда не употребляет слово тело как труп, мёртвое тело, хотя в конвенциональном языке и в Септуагинте это было возможно.

Мы видим, ощущаем, познаём другого человека и ощущаем самих себя как тело. Иначе говоря, тело есть человек в его объективной действительности, то есть человек как объект. Любопытно, что такое понятие тела отражено

не только в греческом языке, но, например, и в английском: anybody, everybody, somebody. Как объект, тело может быть подвержено действию внешних сил, которые поработают его: «тело греха» (Рим 6, 6), «тело смерти сей» (Рим 7, 24). С другой стороны, тело может быть освобождено от рабства греху и смерти в усыновлении, в искуплении (Рим 8, 23).

VI. Некоторые недоразумения в толкованиях.

В качестве примера непонимания тождества понятий «тело» и «человек» можно сослаться на толкования 1 Кор 6, 13-18. В отрывке 6, 12-18 апостол прибегает к стилю диатрибы, т.е. к мысленному диалогу с оппонентами. Этот стиль он часто использует, особенно в послании к Римлянам. Некоторые коринфяне понимают свою свободу во Христе как свободу грешить. «Всё мне позволительно», – утверждают они. Павел возражает: «Но не всё полезно, ... но ничто не должно обладать мною» (6, 12). Коринфяне легкомысленно заявляют: «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое». То есть они сводят человеческое существование к деятельности материальной смертной организмы. Мысль их такова: потребность в пище, питии, сексе относится к *этому* миру и никакого значения для *вечной* жизни не имеет. Павел им возражает: «Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела» (6, 13). Для Павла думать о человеке как о «чреве» – унижительно. Человек – не просто «чрево»: он есть «тело», целостная личность. И как таковая, как «тело», принадлежит Господу, равно как Господь принёс Себя в жертву для человека, для «тела». Это место всегда вызывало затруднения у толкователей. «Это место темновато», – пишет св. Феофан Затворник (Толкование на первое послание к Коринфянам, изд. 2-ое, М. 1893, 235). Трудность возникла не только потому, что толковники не заметили полемического стиля диатрибы у апостола Павла, но и потому, что «тело» уже не понимали павлинистически, как человека в его целостности, но понимали как физическое плотяное тело. Впрочем, св. Феофан далее пишет: «Чтобы сколько-нибудь просветить /это место – а.И./, не следует в мыслях своих в нас тело отделять от души».

Ещё сложнее с толкованием 6, 18. Те же коринфяне не сдаются и возражают апостолу Павлу: «Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела». То есть всякий грех, в том числе блуд, касается лишь внешней, тленной стороны человека. Павел отвечает: «Блудник же грешит против собственного тела». То есть в действительности секс затрагивает всего человека, в том числе его глубинную суть. Толковники снова не отличают лозунга коринфян от слов апостола Павла и объясняют блуд просто как телесную нечистоту: «После дел корыстолюбия и мщениа никто не заботится омыться, ... а после любодения идут омыться...» (св. Иоанн Златоуст, там же, 242).

Безусловно, очень важно указанное специфическое значение слова «тело» в словах Иисуса Христа, произнесённых на Тайной Вечери: «Сие есть Тело Мое» (1 Кор 11, 24 пар.). Всем известно, к каким отвратительным последствиям иногда приводил факт изменения семантики этого слова, когда «тело» понималось односторонне, как материальная плоть, почти как труп. (Достаточно вспомнить знаменитую сцену описания евхаристии в романе Л.Н.Толстого «Воскресение», где святое причастие представляется как некий извращенный каннибализм.) Здесь следует заметить, что у евангелиста Иоанна в том же контексте употреблено слово «плоть». Но словарь Иоанна отличен от словаря Павла, и у него «плоть» означает то же, что у апостола Павла «тело».

VII. Связь антропологии с сотериологией.

Сотериологический аспект самого понятия человека как $\sigma\mu\alpha$ виден уже в самом звучании этого слова, в его этимологических корнях. И так soma (тело) есть человек как целое, неделимое (как синоним можно указать греч. *atomos*, лат. *individuum*). Soma есть *a-tomos* (не-делимое), отрицание всякой *tome* (деления), в том числе дихо- и трихотомии. Но в реальности этого мира человек «делим»: он болеет, страдает, разлагается в смерти. То есть он не обладает подлинным $\sigma\mu\alpha$, подлинным телом, целостностью. «Целение», восстановление целого-тела именуется *sōteria*. «*Soteria* означает: я становлюсь *sōs*, целостным» (С.Хоружий. К феноменологии аскезы, М. 1998, с.47). Переводится – «спасение», но

фактически означает «целение» (обретение целостности, истинного тела). Соответственно *Sōtēr* (Спаситель) фактически означает «Целитель». Чудеса исцелений, играющие столь заметную роль в евангельских повествованиях, имели своей целью символически преобразовать окончательное «целение» человека. Истинную целостность, неделимое, неразложимое тело человек обретает только в телесно Воскресшем Господе, в «теле воскресения». Только в Господе человек исцеляется от болезни греха и смерти.

VIII. Эсхатологический аспект.

Неотделимая от человечества вера в существование после смерти в древних обществах приобретала самые разные формы. Очень условно эти верования можно разделить на три основные группы.

1. Учение о перевоплощении, которое характерно для мира Древней Индии.

2. Пессимистический взгляд, согласно которому люди, умирая, попадают в подземный мир (греч. Аид). Там пребывают, собственно, уже не люди, а их тени. Само слово *haidēs* некоторые лингвисты производят от *a-idēs*, то есть нечто «не-видимое», место, которое не видно и из которого ничего не видно. О нём и сказать почти ничего невозможно. Частичное и временное оживление этих теней возможно только магически: либо кровавым жертвоприношением, либо спиритическим действием. Такой взгляд был характерен для Месопотамии и архаической Греции.

3. Оптимистический взгляд, согласно которому люди и после смерти сохраняют своё индивидуальное сознание. Переходя в иной мир, люди сначала подвергаются суду. При этом они «по ту сторону» существуют или вполне «материально», почти как на земле (Египет), или «идеально», как бестелесные «души» (классическая Греция и эллинизм).

Священное Писание не знает единого учения о посмертном существовании. Израиль заимствовал свои представления от окружающих народов и культур. Учение о перевоплощении для Библии не характерно. Наиболее устойчивым было представление об аде (аиде, шеоле). Шеол – подземное царство мёртвых. Следует подчеркнуть: именно **мёртвых, а не живых**. Жизнь даёт только Бог Своим Духом. Когда

Дух отнимается, человек перестаёт быть живым и, собственно, перестаёт быть человеком. В шеоле обитают не люди, а их мёртвые тени («нефаим»). Библейский мир велик и разнообразен. Конечно, в Писании можно найти и отражения анимизма, который был неотделим от всякой древней культуры. Но при этом можно утверждать, что ничего подобного греческой «душе» каноническое Писание вплоть до эллинистических времён не знает. Шеол – не место пребывания душ (нефешим, живых дыханий).

«Редеет облако и уходит; так нисшедший в преисподнюю не выйдет, не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его» (Иов 7,9-10).

«Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем. ... Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Еккл 9,4-6.10).

Душа – жизнь. А шеол, то есть могила, – место пребывания не живых, а мёртвых. Эти мертвецы иногда могут подавать лишь некоторые признаки жизни, как в случае некромантии (1 Цар 28), строго запрещенной Законом. Мертвецы оставлены Богом, не знают Его (Пс 88(87),5-13), они – прах, ничего живого в себе не имеют (Быт 1,24-25; Пс 104(103),29; Сир 16,31). Следовательно, мёртвые, как и животные, не несут никакой ответственности за прожитую жизнь:

«Участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом» (Еккл 3,19).

Даже после того как было получено откровение о телесном воскресении, многие иудеи придерживались старой **пессимистической** точки зрения (саддукеи).

Оптимистическая надежда на оживление (или воскресение) сосуществовала с отри-

цанием такового и нашла себе выражение уже в очень древних книгах Ветхого Завета. **«Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит» (1 Цар 2,6).** **«Бог избавит душу мою от власти преисподней, когда примет меня» (Пс 49(48),16).** **«Я всегда с Тобою: Ты держишь меня за правую руку; Ты руководишь меня советом Твоим и потом примешь меня в славу» (Пс 73(72),23-24).** Сказания о Енохе и об Илие также вселяли надежду на то, что шеол – не обязательная участь человека. Наиболее явственно эта надежда на возможную жизнь после смерти выражена у пророка Исаии (Ис 24-27).

В середине II века до РХ вера в воскресение мёртвых и в посмертное воздаяние становится уже очень распространённой. **«И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, вовеки, навсегда» (Дан 12,2-3).** **«Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной» (2 Макк 7,9).**

Впервые начинают молиться за усопших: **«Если бы он не надеялся, что павшие в сражении воскреснут, то излишне и напрасно было бы молиться о мертвых. Но он помышлял, что скончавшимся в благочестии уготована превосходная награда, – какая святая и благочестивая мысль! – Посему принес за умерших умиловительную жертву, да разрешатся от греха» (2 Макк 12,44-45).**

В апокрифической литературе возникает образ «геенны огненной». Платоническое влияние эллинистического времени вносит в иудейство диаспоры понятие бессмертия души: **«Души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас – уничтожением; но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия» (Прем 3,1-4).** Это учение частично отражается и на поздних новозаветных писаниях. **«И когда Он снял пятаю печать, я увидел под жертвенни-**

ком души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели» (Откр 6,9). «Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжес-

твующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства» (Евр 12,22-23).

Archimandrite Januarius (Ivliev). The man in the Scriptures (exegetical approach)

Summary

The author considers the person through the prism of Scripture, conducts insight into the etymology of the term, explores the notion of the integrity of the person from different sides. He argues that anthropology is inextricably linked with soteriology and Christology. Soma (body) of a person as a whole, indivisible. "Healing", the restoration of the whole-body – sōteria, i.e. salvation. The Savior is Healer, respectively. The purpose of life is the attainment of genuine Integrity.

Keywords: anthropology, soteriology, Christology, the person, body, healing, healer, Savior.

ЩЕПАНОВСКАЯ Елена Михайловна

ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ В МИФОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Аннотация

В статье бессмертие рассматривается как эволюционная возможность человечества. Мифологические представления о бессмертии показывают, что суть его – не в сохранении себя, но в постоянном обновлении, что делает ключевым образ перерождения и вечного материнства. Однако со временем возрастает и стремление сохранить человеческую индивидуальность (увечивание имени в древнем Египте), и в статье приведены более близкие к нашему времени философские идеи, которые доказывают онтологическую возможность и необходимость этого.

Ключевые слова: бессмертие, мифология, философская антропология, танатология, возрождение, воскресение, перевоплощение, душа, индивидуальность, телесность, вечность, материнство.

Даниилу Козыреву посвящается

Если даже до конца придерживаться атеистической позиции, следует признать, что бессмертие – мечта человека, которая им движет с древнемифологических времен до наших дней, а значит, его эволюционная мечта. То есть, даже если оно недостижимо сегодня, человечество к этому стремится. И поскольку человек является не только природным созданием, но и творцом своей реальности, то человечество всё более полно реализует это стремление: сперва в мысли, но и мысль – это уже шаг к практике.

Образ бессмертия души – один из основополагающих мифологических архетипов¹. В древней мифологии мы видим постановку

проблемы бессмертия и удивление перед тем, что его невозможно достичь: мифы часто объясняют это ошибкой или неправильным поведением героя-первопредка.

В древнейшей цивилизации Вавилона и в первом записанном эпосе о герое Гильгамеше мы уже находим миф о бессмертии. Если бы первочеловек *Адап*, взойдя на небо, взял предложенные ему там хлеб и воду жизни, то вслед за ним стал бы бессмертным человеческий род. Но он отказался от них по совету коварного бога Энки: создателя людей, определившего их смертную судьбу.

А новозеландский первопредок *Мауи*, чтобы обеспечить бессмертие людям, должен был войти внутрь повелительницы смерти и выйти у неё изо рта – умереть и возродиться, пока она спит. Он строго-настрого запретил всем птицам пить и смеяться, пока он будет это делать, чтобы не разбудить владычицу Ночи. Но маленькая птичка тивакавака не смогла удержаться и громко расхохоталась, увидев его влезавшим в старую повелитель-

¹ Щепановская Е.М. Генезис и классификация мифологических архетипов. Дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2011 СС. 181-191; в более популярном виде: Семира и В.Веташ. Астрология и мифология. СПб., 1998 СС.645-692

ницу. Та проснулась, крепко схватила Мауи и не выпустила его больше. Так смерть вошла в мир, и вслед за Мауи стали умирать другие люди.

Поскольку смерть предстает непререкаемым фактом жизни, идея бессмертия обычно связывается с образом преодоления смерти: *возрождения* и *перевоплощения*. Символом этого процесса для древних была **Луна**, которая, бледнея, тая и исчезая с неба – умирая – вновь появляется на нём в обновленном виде молодого месяца. На всех концах земного шара мифы о бессмертии связаны с Луной: лунный символизм объединил в сознании людей такие жизненные факты, как рождение, изменчивость, смерть и новое рождение, позволив наглядно осознать фазы существования. Согласно М. Элиаде, «можно говорить даже о «метафизике Луны» как о стройной системе «истин»: о становлении, росте, «уменьшении», «смерти» и «воскресении»... Луна открывает религиозному человеку не только то, что Смерть неотделима от Жизни, но также и в первую очередь то, что Смерть не окончательна, за ней всегда следует новое рождение»².

Но и мифы о бессмертии Луны несут налёт странности и ошибки. Так, в южноафриканском мифе Месяц, чтобы сообщить людям весть о бессмертии, посылает к ним зайца (символ самого Месяца, который каждую ночь оказывается в иной точке небосвода, двигаясь как бы прыжками) и велит сказать: подобно тому, как он умирает и возрождается, и они будут, умирая, воскресать. Однако Заяц, в спешке перепутав слова послания, говорит людям, что они будут умирать, подобно Месяцу, а воскресать не будут – что и предопределяет их отношение к жизни. Посланниками Месяца к людям выступают и другие звери – и иногда боги посылают для верности даже нескольких гонцов – но до людей доходит всё же перепутанное и неправильное сообщение, оставляя проблему нерешённой³.

Порой послание богов к людям нарочно искажается змеёй, и та присваивает себе дар бессмертия, которое боги уготовили челове-

ку. Она крадет цветок вечной молодости, который Гильгамеш достал со дна моря, и его стремление даровать людям бессмертия оканчивается неудачей. Научившись сбрасывать свою кожу, змея сама овладевает искусством обновления. Смена кожи делает **змею** ещё одним повсеместным символом перерождения, она часто отождествляется с Луной. Об индийском месяце Сома Веды говорят, что он, «как змей Ахи, выползает из своей старой кожи». Греки, литовцы и африканцы считали, что в змеях продолжают жить души умерших, а древнеегипетские тексты называют змей «живыми душами». Есть гипотеза, что и современный знак бесконечности – лежащая восьмёрка – восходит к образу двух переплетённых змей⁴.

В мифологии индейцев вопрос о бессмертии беспокоил первую женщину, которая спросила творца Напи: будут ли люди жить вечно? Тот бросил в реку ветку и сказал: если ветка всплывет, то люди будут воскресать на 4-й день (что ассоциируется с возрождением Месяца), а если утонет, то они будут умирать окончательно. Ветка, конечно же, поплыла, но женщина, объясняя слова творца людям, вместо ветки бросила в реку камень. Камень утонул, и люди приняли весть о бессмертии за весть о смерти. Здесь снова налицо ошибка – и характерен образ текущей **реки**, который ассоциируется с изменчивостью жизни, и контрастный к нему образ камня, символизирующий статичность и неизменность, связанную с образом смерти.

Мифы констатируют неудачу человека обрести бессмертия – но только ли? Ведь, сколь бы примитивными они нам не казались, они вполне конкретно указывают на средства этого: развитие способности к перерождению – быстроты и изменчивости своей природы, которую наглядно являет небесный образ Луны или змеи, выползающей из своей кожи, и текущей реки, ассоциативно связанной со змеёй и этим архетипом. В священных текстах Индии «сбросить свою кожу» означает обрести молодость и более высокий уровень духовного существования. Эти образы доносят идею следования неуловимым трансформациям самой жизни, преодоления инертности тела и души, и достижения такого состояния

² Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994 гл.3 «Священность природы и космическая религия»

³ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980

⁴ Голан А. Миф и символ. М, 1993, СС.82-83

безинерциальности, которая могла бы преодолеть тяжесть и распад материи. В свете современных представлений о том, что тело состоит из заряженных частиц, скрывающих в себе колоссальную энергию, это не выглядит столь уж невозможным (рождая, например, утопию К.Э.Циолковского о будущем преобразовании человеческого тела в форму лучистой энергии. Согласно ему, наше тело может быть столь же самодостаточным жизненным организмом, как и Земля, уравновешивая в себе качества сохранения и изменчивости).

Если мы серьёзно отнесёмся к тому, что мифы безуспешно пытаются донести людям, то даже увидим путь: одинокий, то есть индивидуальный, и связанный с проникновением в сферу сна, то есть уходом от привычного разумного восприятия в другие, бессознательные доселе сферы. Так греческому прекрасному юноше *Эндимиону*, боги по просьбе его возлюбленной Луны Селены даровали бессмертие и молодость в обмен на вечный сон. Но жизнь во сне предстаёт лишь иллюзией бессмертия: сон – аналог смерти, столь же цепко держащий человека в своих объятиях, как и она. Недаром в шумерском мифе Гильгамеш, стремящийся победить смерть, получает мудрый совет: «Одолей сначала сон».

Подчеркивая неспособность людей правильно воспринять божественную весть о бессмертии, как и то, что вера человека в окончательную смерть с самого начала является ошибкой, мифы отразили образ некоего знания, доступного древним не хуже, а, может быть, и лучше, чем нам. И всё же – они усомнились в идее индивидуального бессмертия. Почему? Может, не в этом был кардинальный путь человеческой эволюции?

Идея индивидуального бессмертия, как чего-то окончательного и застывшего, в отличие от текучести жизни, в мифах имеет негативный оттенок: оно порой выглядит хуже смерти (наш сказочный образ Кощея). И если герою удаётся обрести такое бессмертие, оно устраняет человека из мира людей и потому выглядит ущербным. А герой китайских мифов, стрелок И, добыл у владычицы страны мёртвых эликсир бессмертия и думал разделить его со своей женой *Чан-э*. Но снадобье могло вознести на Небо только одного, а выпив его вдвоём, они вечно жили бы на Земле. И Чан-э, желая стать богиней, приняла

эликсир одна. Она улетела на Луну и стала её божеством, вечно одиноким и печальным. Вместе с ней там живёт только лунный заяц, толкущий в ступке снадобье бессмертия.

Индивидуальность – центр, объединяющий мир вокруг себя своим особым образом. На каком-то этапе она приобретает ценность большую, чем сам мир. Но подчинение Вселенной индивидуальному центру является эволюционным тупиком. Обретая самостоятельность, душа стремится обособиться, замкнуться в себе, чтобы себя сохранить. Стремление себя сохранить – это то, что создаёт память, отличающую человека от животных. Но стремление к индивидуальному бессмертию мешает обновлению, которое делает душу вечно живой. Поэтому Христос говорит: *кто будет хранить свою душу, тот её потеряет, и только тот, кто её потеряет, её сохранит*. В этих словах, как и в грустной окраске мифов об индивидуальном бессмертии, звучит требование открытости миру. Это требование выйти за границы себя, нынешней данности своего сознания и своего личного существования – *требование себя не хранить*, будучи открытым миру – является ключевым для развития индивидуальности.

В понятии *души*, как и в образе Луны, подчеркивается вечное движение – изменчивость, нестатичность, невозможность и нежелание хранить себя прежней. Чем более душа жива, тем более она отзывается на процессы, происходящие и в обществе, и земной коре, и солнечной системе. Не рамки времени и материи тела, но сама космическая ритмика воспроизводит и тем хранит индивидуальные особенности души. Материя и время образуют лишь многократный и бесконечный повтор того, что всегда есть: в способности повторения – суть телесности, суть материи и времени. Но Духу-Творцу интересна лишь новая уникальная комбинация того, что всегда есть. Он дает силу жить лишь тому, чего никогда не было, поэтому душа находится в постоянном движении. Она смеётся над человеческими рациональными потугами к бессмертию как птичка тивакавака над усилиями Мауи. Она не боится потерять себя и раствориться – худшей карой для неё является застывшее бессмертие богини Луны Чан-э. В этом смысле повтор – это обреченность на небытие, когда тема индивидуального бессмертия мелька-

ет в современных фантастических книгах и фильмах – фильмах ужаса, оно так же страшит нашу душу, предстает такой же безрадостной участью и получает столь же негативную нравственную оценку, как это было в давние времена.

Здесь можно вспомнить ещё один печальный образ бессмертия: древнегреческий миф о *Титоне* – супруге юной зари Эос, по её просьбе получившем от богов вечную жизнь. Но она забыла попросить богов даровать своему возлюбленному также и вечную молодость, и он, постарев, оказался вынужден прозябать в дряхлости. Когда он стал стариком, Эос покинула его и превратила в светлячка. Он стал богом вечернего сумеречного света, подобно-го тусклому мерцанию Луны.

В мифологии истинное бессмертие – это вечное *обновление*, а обновление жизни делает явным прежде всего процесс **рождения**. Мифы находят решение проблемы в образе *вечного материнства* (типический образ матери-Луны, рождающей ребёнка-месяца) и преемственности *течения жизни* (устойчивый образ реки-матери в индийской мифологии). Река поит людей живительной влагой, как мать – молоком, и образ напитка бессмертия восходит к материнскому молоку. Архетип бессмертия запечатлён на небесах в образе Млечного пути (у греков – то молоко, которым коза Амалфея вскормила царя богов Зевса, в других мифологиях это небесная река, например, в Египте – животворные воды небесного Нила). Через материнское молоко, по линии передачи генетической и культурной памяти человек связан с древнейшими предками и далёкими потомками. Перевоплощаясь, подобно Луне, душа человека продолжает жить в своем роду. Он бессмертен, пока жив человеческий род. Но это только древне-мифологическое решение проблемы.

Мифологическое представление о *воскресении и перерождении* души стало основой представлений о бессмертии в более новых мировых религиях, которые развили представление об индивидуальном бессмертии. На христианское понятие бессмертия повлияла мифология Египта, где каждый умерший уподоблялся богу Осирису и где важным считалось сохранение имени (*рен*) – то есть сохранение индивидуальности, для чего и строились такие монументальные памятники,

как пирамиды. На пирамидах писали: «*Как крепко имя бога, так крепко имя царя, так крепка эта пирамида во веки веков!*» Или: «*О царь! Твое имя живет во главе живых. Ты не погибнешь, ты не кончишься во веки вечные!*»⁵ Так в Египте идея индивидуального бессмертия, воплотившись в образе имени, впервые обрела позитивную форму.

Что значит уподобление богу каждого умершего? Как это можно понять с точки зрения современного интеллекта? Философ А. Бергсон доказывал, что сознание и даже память человека не помещается в мозг: мозг – только биологический инструмент, связанный с механизмом отбора практически полезной для деятельности человека информации, это орган, должный обеспечить реакцию на стимул, как и у всех животных. Сознание же находится в окружающем мире, черпается из него и хранится в нём, как в естественных, так и созданных человеком формах мира. С. Франк называл такое представление абсолютным реализмом. Сегодня в духе данной концепции мы говорим о ноосфере В.И. Вернадского, хранящей наработанные людьми интеллектуальные достижения, или о коллективном бессознательном К.Г. Юнга, хранящем всю культурную память человечества. Ноосфера или коллективное бессознательное – не в мозгу отдельного человека, они выходят за его пределы, но у каждого есть к ним доступ.

И если смерть размыкает границу личности, человек оказывается равным человечеству, его сознание сливается с сознанием мира. Исчезают его индивидуальные комплексы и проблемы (поэтому все религиозные традиции учат думать об умерших светло и легко, смерть закрывает личные счета), также, возможно не сразу, исчезают уже практически ему ненужные интеллектуальные и эмоциональные привязанности и память обо всём том, что не составляло сути его существования (так происходит и при жизни, и потому легко спроецировать это и на смерть как на решающий переходный момент, оставляющий в уме близких людей слепок личности человека как всё лучшее, что было в нём). Но естественно также представить, что внутренняя

⁵ История древнего Востока (под редакцией Г.М.Бонгард-Левина) М., 1988 С. 386

связанность с человечеством, которая была при жизни, хранила и питала жизнь личности и которую прежде всего и обозначает слово *душа*, остаётся. Поэтому мысль и память об умершем связывает нас с единством человечества, даёт возможность почувствовать единство мира. Увидеть нечто выходящее за жесткие рамки видимых объектов. В образе умершего невидимая реальность Единого, парменидовского или платоновского Бытия обретает форму.

Отсюда поклонение душам умерших предков, сохранившееся не только в «примитивных» племенах Африки, но и в современном Китае и Японии (синто), и повсеместное представление о том, что они нам чудесным образом помогают. Люди в нашей стране тоже нередко чувствуют именно так, испытывая теплоту к умершим близким – и не потому, что обязательно подавлены горем, такое чувство возникает как непосредственное ощущение. Скорбь об умершем во многом – переживания о себе самих, оставшихся здесь, в ней есть элемент эгоизма. Поэтому на Востоке не принято драматизировать переживания по поводу смерти, похороны могут быть даже радостными: это радость за умершего, что его душа освободилась от материальных ограничений и перешла в состояние единства, которое изначально присуще ей и воспринимается как блаженство и высшее благо. Да и в христианстве считается, что уныние – грех, а Христос говорит: «Иго моё благо, и ноша моя легка». Это можно отнести и к переживанию смерти. Ощущая связь с умершим, мы прикасаемся к человечеству. К уже завоёванному им бессмертию нашего сознания, развитости и осознанности движений души.

Человечество в целом онтологически выглядит более реальным, чем отдельная человеческая личность. Об этом говорил русский философ В.С.Соловьёв: единое человечество причастно абсолютному бытию, в то время как индивидуальность – лишь феноменальная иллюзия. В причастности общечеловеческому процессу мышления видел бессмертие П.Я.Чаадаев: для него собственное усилие мышления, которое движет мышлением человечества и созидает его – это и есть воистину жизнь без смерти, имеющая отношение к вечности. «Христианское бессмертие – это жизнь без смерти, а не жизнь

после смерти»⁶: последнее ограничивает бессмертие. Бессмертие превосходит дуализм жизни и смерти, оно стоит над ним. Открывая единство сознания как «великое Всё» Чаадаева и видя себя его проводником, человек при жизни прикасается к бессмертию.

Однако, начиная с египетских пирамид, современность становится всё более и более внимательной и к индивидуальности. И насколько формируется понятие уникальности личности, настолько развивается представление о личном бессмертии. Лев Толстой доказывает его тем, что каждый человек имеет собственный взгляд на мир, особый, присущий только ему угол зрения. И если ничто в бытийном основании мира не может быть утрачено, то эта личностная точка зрения должна сохраниться: «Может уничтожиться моё тело, связанное в одно моим временным сознанием, может уничтожиться и само моё временное сознание, но не может уничтожиться мое особенное отношение к миру, составляющее моё особенное я, из которого создалось для меня то, что есть»⁷. То, что повторяется в людях, может быть, конечно, утрачено. Но правда в том, что человек насквозь индивидуален, и даже повторяя нечто, он оживляет его своим, только ему присущим способом.

Русская философия персоналистична: как пишет Н.А. Бердяев, «принцип человеческой индивидуальности остается до самого дна бытия»⁸. Поэтому и смерть выступает в ней как некий личностный акт, духовное свершение, возвышающее индивидуальность до неё самой. Эта тема развёрнута, например, в философии войны у И.А.Ильина, который считает, что смерть ещё нужно заслужить. Она наступает лишь тогда, когда человек совершил всё, что мог, и не может подняться к большему совершенству в условиях земной реальности, когда он «созрел к смерти». Исчезновение из мира субъекта, вопрос авторства текста, который мыслится набором цитат, – проблемы западной философии, в полной мере

⁶ Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли // Полн. собр. соч. и избр. письма. Т.2 М., 1991 С.466

⁷ Толстой Л.Н. О жизни // Толстой Л.Н. Избр. филос. произв. М., 1992 С.496

⁸ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т.2 М., 1994 С.158

не затрагивающие душу русского человека, хорошо способную чувствовать внутри себя некий стержень божественного присутствия. А без этого он впадает в полную аморфность: не в порядок автоматических действий и формальных симулякров внешнего мира, а в хаос за пределами всяких форм. И это страшно: аморфность хаоса мыслится хуже смерти, поскольку смерть как-то оформлена для нас. А потому исчезновение неуловимого «я», даже если оно о себе не заявляет – это смерть хуже смерти.

Хотя, по-видимому, насколько при жизни индивидуальность человека была проявленной для сознания, лишь настолько и в акте смерти он может явить её для других. Если предположить, что центр взгляда на всеобщее сохраняется, активна или пассивна воля личности после смерти? Образ неподвижности, присущей смерти, распространяет её и на представления о пассивности воли и сознания: коль скоро человек не действует внешне, нам кажется, что он не способен действовать и внутренне: если даже сознание сохраняется, ему остаётся довольствоваться чистым созерцанием. Однако при жизни это не так: и внутренняя работа обнаруживает себя как реальное действие, формирующее дальнейшую судьбу человека, за которым нередко следуют его видимые достижения. Не так это может быть и после смерти. В.В.Бибихин писал о Ницше, что его нигилизм, отказ от «воли к власти» заходит так далеко, что «оставляет для поступка уже не оперирование предметами, а *только перемену глядящих глаз*»⁹: обратим внимание, что перемену взгляда философ характеризует как поступок, и с этим стоит согласиться. Нередко для созерцательной деятельности требуется бóльшая активность воли, чувства и рассудка, чем для обычного внешнего действия. Поэтому, если сознание способно созерцать, воля личности может и действовать. Более того, как считает Ильин, поскольку смерть есть самый напряженный творческий акт бытия, «то, что предстоит совершить человеку посмертно, есть главная и существеннейшая часть его бытия»¹⁰. Но, ко-

нечно, насколько внутренняя активность и её творческая составляющая – других людей и даже своя собственная – недоступна непосредственному видению современных людей (или доступна лишь в опосредованных образах мистики, а не реальной жизни личности), насколько же мы неспособны и узнать о креативной активности души после смерти.

Поэтому наш менталитет трогают вопросы осознанности, совести, близкие восточной духовной парадигме, где «всё есть сознание». Но как выражение самой жизни, истинная осознанность не замыкается в границы этических шаблонов, она гибка, текуча, внимательна к моменту и внешним обстоятельствам. *Личность – это поток ассоциаций*, по Д.Юму, – и истинное «я» может сохраниться только как такой поток, а не как застывшая форма, к которой столь негативно относятся древние мифы и которая сразу разрушается образом вечного преобразования всего, который рисует круговорот жизни и смерти.

Вселенная – безостановочное фонтанирование новшеств (А.Бергсон), личность – продолжение становления бытия: «Что она хранит, так это свою новизну, неповторяемость, неподражаемость. *Тождество здесь красиво равно изменению*: одна и та же – непрерывность обновления. И когда поверхностное я застывает в статических позах социального театра, глубокое я в своей далёкой глубине возвращается к самому себе, т.е. к источнику новизны»¹¹. Так современная философия возвращается к архетипу бессмертия как самообновляющегося жизненного потока древнейшей мифологии.

Круговорот фаз Луны в древнейшей мифологии выводит к идее непрерывного возрождения мира – это возвращение, соприкасающее нас с изначальным, но всегда новое и юное. Описывая символизм «вечно возвращения», связанный с Луной, М.Элиаде так говорит об этом: «Нет событий необратимых и преобразований окончательных. В каком-то смысле можно даже сказать, что в мире не происходит ничего нового, ибо всё есть повторение тех же изначальных архетипов. Это повторение, актуализируя мифический момент, в котором было явлено архетипическое

⁹ Бибихин В.В. История современной философии. СПб., 2014 С.263

¹⁰ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993 С.43

¹¹ Бибихин В.В. История современной философии. СПб., 2014 С.279

действие, бесконечно удерживает мир в одном и том же рассветном мгновении начал»¹². И бессмертие – это постоянный возврат к истоку, хранящий вечную молодость мира, – и тот индивидуальный ритм души, который осуществляет это движение.

Начав с атеизма и сделав темой статьи мифологию и философию, мы нарочно не акцентировали религиозно-христианское понимание бессмертия как всем знакомое и даже слишком само собой разумеющееся, что может даже несколько помешать понять его смысл. И всё же нельзя его не коснуться. Стремление к бессмертию души является сутью этой религии, именно поэтому и составляющей эпоху в эволюции человечества. Это приобщение к бессмертию через веру – очень интересную способность человека, дающую ему возможность по своему усмотрению изменять свой разум, освобождая сознание от стереотипов прошлого. Христианин спорит со стереотипом неизбежной смерти, вера возвышает его над предъявляемой ему очевидностью: «Я согласен умирать героически, но не согласен умереть окончательно, и в этом я прав». Такое движение души прежде всего, и ритуалы, во вторую очередь, физически настраивают человека на духовные процессы, которые осуществляли бы телесную трансформацию и регенерацию (как это происходит и в других мировых религиях, например, йоге). Исцеляли тело, так же как и душу – от неверных уклонов, замыкающих человека в стереотипный панцирь наработанного данной социальной ситуацией (воспитанием и социализацией) Эго и мешающих раскрытию более живых

движений его истинной индивидуальности (индивидуации, по К.Г.Юнгу).

Ведь личность не подчиняется времени, но стоит над ним: время – её внутренняя психическая характеристика, как убедительно показал уже А.Бергсон. И вечность должна быть не пустой, но наполненной: всеми временными моментами осознанного бытия, которое проживает личность, как утверждал русский религиозный философ Л.Карсавин: «Эта вечность уже в нас, как семя, как закваска, пронизывающая мир. Не будет иной такой же жизни и такой же смерти; эта жизнь – единственный в неповторимости своей миг вечности. Но без неё нет вечности, она не существует»¹³. В этом брезжит онтологическая необходимость бессмертия личности, разных граней которой касаются и другие православные философы.

Бессмертие – не очень простое понятие, его аналог – не однообразное существование человека в теле, как обыденно понимается телесность, а существование сознания, которое вспыхивает и гаснет, или неуловимый образ души, которая всегда новая, как новый момент времени, которая жива, как новый день. Можно по-разному описывать образ ауры, поскольку видение её пока не стало всеобщим достоянием человечества и консенсус здесь не достигнут. И можно не верить в бессмертие – но верить интереснее. Это даёт простор для внутреннего творчества. – Для сотворчества Богу, которое, как считал Н.А.Бердяев, искупает грех отделенности человека от Него. Или просто для развития умения приглядываться к волшебству окружающей жизни.

¹² Элиаде М. Космос и история. М., 1987 С. 91

¹³ Карсавин Л.Н. Noctes Petropolitanae. Малые сочинения. СПб., 1994 С. 197

Elena M. Schepanovskaya. The problem of immortality in mythology and philosophy

Summary

The article deals with the problem of immortality as an evolutionary opportunity of the mankind. A row of mythological representations shows that the gist of immortality is not in conservation of self but in constant transformation. That develops the key-image of rebirth and eternal motherhood. But furthermore, in the course of time, tendency to save individuality increases (immortalization of names in Egyptian pyramids). So in the article philosophical ideas, which ontologically verifies the aspiration to immortality, are considered.

Keywords: immortality, social anthropology, mythology, rebirth, revival, renaissance, soul, individuality, eternity, motherhood.

ДРОБЛЕНИЕ И ВНУТРЕННЯЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА И ПОПЫТКИ ОБРЕТЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ

Аннотация

В статье рассматривается изменение оптики медицинского взгляда в медицинской лаборатории или клинике от эпохи Нового времени до наших дней на фоне общекультурных тенденций. Распространение неклассических медицинских теорий, биоэтики, возрождение семейной медицины и института врачей общей практики трактуется автором в качестве культурных компенсаций и попыток обретения целостного восприятия человека, утраченного в современной европейской медицине.

Ключевые слова: медицина как форма культуры, медицинский дискурс, целостность в медицине, холистические теории и практики, биоэтика.

Со времени зарождения клинической медицины произошло значительное изменение фокуса рассмотрения проблемы, стоящей перед врачом или исследователем в медицинской лаборатории или клинике. В эпоху становления клинической медицины взгляд исследователя направляется философией, прежде всего трудами Декарта и Бэкона. Взгляд продвигается от простого к сложному, с тяготением к поиску мельчайших частиц, выступающих в качестве точек опоры для сложных конструкций. При этом, как можно предположить на основании идеи Фуко, задачей врача является прийти к единственному правильному ответу в результате мысленной калькуляции или дифференциации болезней. Основы медицинского дискурса формируются на результатах наблюдений и, соответственно, изменение оптики взгляда маркирует и одновременно стимулирует развитие профессионального поля медицины. В

«Рождении клиники» Фуко приводит два медицинских текста, описывающие различные патологии для сравнения их стилей текста середины XVIII и XIX веков. Оба текста описывают результат наблюдения. В первом случае – этот опыт получается непосредственно, он наблюдается врачом и досконально описывается, т.е. демонстрирует «совпадение видеть и говорить», а второй, более поздний текст, «говорит нам о фантазмах языком, не имеющим перцептивной поддержки»¹. Как заключает Фуко, в более позднем варианте «глаз становится хранителем и источником ясности, располагая властью заставить выйти на свет истину, которую он принимал лишь в той мере, в какой она была освещена»². Данные характеристики обозначают тенденцию развития естественнонаучного знания и трансформацию взгляда-исследователя в

¹ Цит. по Фуко М. Рождение клиники. Пер. с фр. - М.: Академический Проект, 2010. С. 7.

² Цит. по: Там же. С. 10.

расстояние в два века, проложенное медицинской с помощью философии и непосредственных наблюдений. К XIX веку исследователь стремится «договорить» недоступное взгляду, описывая наблюдаемое, он, тем не менее, делает выводы, не замыкаясь на результатах наблюдения. Если доверие взгляду *здесь и сейчас*, постулированное Декартом, или «совпадение видеть и говорить», подмеченное Фуко, ужесточает оппозицию между субъектом и объектом, сковывает поиск истины, то в более поздних примерах медицинских текстов можно наблюдать, как взгляд исследователя освобождается.

Безальтернативность результата в целом характерна для классического периода, на что указывают такие критерии истинности Декарта как достоверность и очевидность. Согласно формам научного мышления, сложившимся в культуре XVII века и не потерявшим актуальности до наших дней, человек рассматривается в качестве объекта, помещенного в математическую систему координат. Такой подход предполагает определенность в решении конкретных задач на основе визуализации процессов, происходящих в организме. О необходимости визуализации истины гласит следующий пассаж Декарта, основателя европейской парадигмы научного мышления: «Касательно обсуждаемых предметов следует отыскивать... то, что мы можем ясно и очевидно усмотреть...»³. Такая модель изучения человеческого тела дает импульс развитию патологической анатомии, утверждавшей «господство взгляда», что стимулирует развитие клинической медицины, так как обогащает эмпирическими данными медицинское знание.

В целом европейская наука продолжает базироваться на данных критериях достоверности знания. Более того – наблюдается сужение оптики исследователя с появлением микробиологии и гистологии, или, по Фуко, наблюдается «углубление взгляда», подтверждаемое также появлением психоанализа на базе психиатрии. При этом медицинский дискурс в целом имеет тенденцию к внутреннему дроблению и дифференциации.

³ Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинение в 2-х томах. Т.1. М.: Мысль, 1989. С. 82.

Медицинский дискурс постиндустриальной эпохи расширяет границы, включая в свои области немедицинское содержание, и дробит свое пространство, подобно дискурсивным практикам других форм культуры. Изменяется «ландшафт» искусства, порождая новые стили, множественность и эклектичность которых делают спорными их строгую идентификацию, появляются узкие научные области. Данные образования стимулируются поиском новых путей и экспериментов на фоне неудовлетворенности настоящим положением вещей и невозможностью статичности в контексте парадигмы современного мышления, обещающего бесконечное прогрессивное развитие. Согласно общим культурным трансформациям, медицинский дискурс также изменяет «ландшафт» появлением узких медицинских специальностей и областей медицины, некоторые из которых граничат с искусством, такие как «арт-терапия» или многочисленные практики альтернативной медицины. Таким образом, пространство медицинского дискурса постиндустриального общества предполагает наполнение содержанием, автономным от авторитетов, в том числе и от авторитета науки, на котором базируется клиническая медицина, при этом, оно не является однородной структурой с верифицированным содержанием, а сливается с другими формами культуры, становится достоянием массовости. Проблемы медицины подаются в формах шоу и обсуждаются в медиасреде. Медиасреда предлагает свои модели здоровья или болезни, физических параметров и способов их достижения. Человек формирует себя в пространстве нестабильности, плюрализме мнений по фундаментальным характеристикам бытия и собственного здоровья. В такой «подвижной» ситуации формируется представление человека о себе самом и о мире, в обстановке иллюзорной свободы, плюрализма и предельной открытости культурным влияниям.

Дифференциация областей медицины в рамках медицинского дискурса становится более «размытой» в результате смешения дискурсов, вовлекающих в себя медицинские проблемы. Об этом говорит обилие рекламы медицинских препаратов. Где заканчивается косметика и начинается косметология – проследить довольно трудно, как трудно опреде-

лить, какая рекламируемая продукция является медицинской, а какая – не медицинской в профессиональном смысле. Здесь налицо смешение дискурсов – общество потребления все предполагает в качестве продукта потребления и торговли, для себя, в качестве «заботы о себе», которую культура истолковывает как заботу о собственном теле.

Как уже говорилось, дробление и внутренняя дифференциация происходит во всех сферах современной культуры: полистилистика видна в музыке, литературе, живописи. Эксперименты в искусстве открывают новые стили, базируясь при этом, прежде всего, на изменении взгляда художника, исследователя, т. е. новые формы создаются в поиске новых ракурсов. Те же явления происходят и в медицине. Взгляд современного врача-исследователя «работает» в узкой профессиональной области, выделенной анатомией, при этом его интересы пересекаются с множественными узкими профессиональными областями медицины, которые также имеют свою структуру и содержание. Профессиональное дробление происходит на основе сосредоточения интересов на том или ином органе (например, пульмонология, офтальмология, кардиология и т.д.), целых систем организма (иммунология, эндокринология и проч.), патологий (онкология, фтизиатрия и т.д.), согласно практикам и методам лечения (хирургия, терапия и т.д.). Пульмонология в себя включает специфическую хирургию на легких, хирургия в свою очередь включает хирургию на легких, абдоминальную, общую, челюстно-лицевую и т.д. При этом существуют «вспомогательные» научные области – гистология, микробиология, рентгенология и т.д. Составить нечто вроде генеалогического древа современных медицинских областей является проблематичным на основании того, что многие области пересекаются. Например, такие области как хирургия, онкология, иммунология, эндокринология и др. перекрываются с гинекологией, офтальмологией и проч. Отдельными областями знания при этом выделены методологические вопросы – например, пропедевтика, общие теоретические вопросы – нозология, общая патология. Внутренняя дифференциация приводит к деформации из-за «наложения» друг на друга различных дискурсивных полей медицинской науки.

Пересечения и перекрывания, наслаивания и одновременно дробление ландшафта профессиональной медицины похоже на хаотичную конструкцию, подобно тому, как работает сознание современного человека, собирая и конструируя реальность. Рассматривая способ конституирования реальности нашего современника, Б.Г.Соколов отмечает: «Современная вещь – это сериальная вещь, вещь, единственная цель которой – обеспечение функциональной результативности<...>. Ликвидируются те модели сборки реальности индивида, которые обретают свое онтическое алиби в любых видах историчности. То есть речь идет о том, что сборка по параметрам, которые ссылаются на историческую идентификацию не действуют»⁴. В данном случае вещь – это обособленная вещь, «вырванная» из исторического контекста. Основательность и четкая структура, где каждая вещь имеет место, заявленная в Новое время – не действует. Внутренняя логика конструирования определяется необходимостью текущего момента и собирает реальность в своем сознании фрагментарно, согласно функционированию одной вещи, отвергая встроенность вещи или события в исторический контекст. Так работает медиасреда, так работает сознание эпохи постиндустриального общества и, соответственно, так выстраиваются различные культурные практики современного мира, в том числе медицинские.

Отсутствие историчности исключает наличие исторического опыта и дает возможность свободной интерпретации тех или иных фрагментов. Хайдеггер в статье «Время картины мира», указывает на специфическое свойство «картины» – не взгляд на мир как картину, а представление мира как картины, характерное в классическую эпоху, тем самым подчеркивая целостность восприятия, наличие точки центрации взгляда, смотрящего на мир и «переживающего» свою включенность в него. Таким предстает перед нами модель знания классической эпохи. Фрагментарное конструирование реальности, характерное для современности, дает особую модель восприятия ок-

⁴ Соколов Б. Г. Монтаж современной реальности // Культура как стратегический ресурс России. Сб. статей. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 293-295.

ружающего мира, именуемую информацией.

Применительно к разговору о медицинском дискурсе это означает, что человек в медицине как объект исследования переживает «безличность». Обезличенность человека приводит к подмене знания о нем, как о целостном существе, на информацию, «нейтральную по отношению к своему носителю»⁵, а именно – к объекту изучения. В конечном итоге мы получаем набор исследовательских данных, которые предполагается собрать воедино для постановки диагноза, при этом в условиях отсутствия центрации, характерной для целостной картины знания, мы получаем наличие «интерпретационного участия индивида, ситуационной формы центрации»⁶, то есть опять же – не историчной, а вырванной из контекста. Для выведения «опоры» требуется утверждение целостности разрозненным показателям, не просто калькуляции множественных данных для постановки диагноза, а их смысловое оправдание. Здесь имеется в виду смысловое оправдание выбранных методов диагностики, которые во многом предсказывают и навязывают перспективу лечения. В конечном итоге мы получаем информацию о состоянии здоровья человека, которую предстоит «стягивать» воедино для постановки правильного диагноза. При этом такое знание оставляет за рамками личностные характеристики, которые могут быть полезны для постановки диагноза и прогнозирования, обстоятельства и свойства, в конечном итоге – самого индивида и его болезнь. Не случайно Бодрийяр указывает на невозможность говорить о болезни: «В лучшем случае больному предоставят возможность «самовыражения», возможность высказывать свою болезнь, говорить о своей жизни и тем самым реконтекстуализироваться, в общем не слишком негативно переживать эту свою временную аномальность. Но чтобы признать это безумие под названием «болезнь» как некую отличность, обладающую смыслом и смысловым богатством, как исходный материал для реструктуризации обмена, не стремясь «вернуть больного к нормальной жизни», — такое предполагает полную ликвидацию медицины

и больницы, всей системы заточения тела в его «функциональной истине»⁷. То есть «выговаривать» болезнь в условиях госпиталя – это не то же самое, что быть воспринятым больным в своей целостности. Одновременно «поставить диагноз» не то же самое, что признать болезнь в ее экзистенциальном переживании.

Автономность знания по отношению к носителю и собственно объекту диагностики приводит к развитию нового типа отношений между врачом и пациентом, называемого «технический». Современная медицина, оснащенная технически и организованная по принципу клиник, становится все более похожей на заводской конвейер, теряя отчасти при этом человеческое лицо, что не может не сказаться на отношениях врача и пациента. Врач клиники не имеет возможности на длительное и детальное изучение природы и условий возникновения заболевания конкретного пациента. От него требуется лишь максимально быстрое принятие решения и действие, упор делается на диагностические мероприятия, при этом роль больного остается пассивной, несмотря на признание положения об автономии личности, предполагающее осознанный выбор пациентом тех или иных врачебных манипуляций. То есть лечение человека организуется по принципу технического осмотра и технического ремонта по типу конвейера.

Тенденции подобного подхода наблюдались во время становления госпитальной медицины. Врач в госпитале на заре становления медицинской науки был непререкаемым авторитетом и частью властной структуры, при этом пациент лишался активности в принятии решения по вопросам лечения и диагностики. В условиях современных клиник пациент все также исключен из процесса обсуждения своего состояния, но при этом вынужден подписывать «Информированное согласие», документ о том, что он полностью информирован о состоянии своего здоровья, выбранном лечебном методе, возможных альтернативах и осложнениях, принимая на себя ответственность за результат лечения. «Информированное согласие» имеет целью обезопасить и врача и пациента от нежелательных последствий

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 325.

⁷ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., «Добросвет», 2000. С. 321.

взаимодействия, что, разумеется, не лишает возможности манипулирования пациентом в силу его некомпетентности или внушаемости в связи с закономерной растерянностью в болезненной для него ситуации. Таким образом, «информированное согласие», в первую очередь, не облегчает жизнь пациента, а скорее – помогает юридическим и этическим комитетам разбирать спорные ситуации врачебной практики, изначально задавая формальные правила общения.

При всей связанности узкопрофессиональных областей медицины, их внутренней сопричастности друг другу, можно наблюдать тенденцию к обособлению частей. Экономическое, функциональное обособление приводит к внутренней несогласованности и проблемам экономического, этического и правового характера, которые вступают в противоречие друг с другом. Необходимость разрешения данных противоречий приводит к возникновению биоэтических комитетов.

Согласно замечанию Г.Зиммеля, в культуре существуют механизмы саморазрушения и, одновременно, самосохранения, благодаря фундаментальному единству жизни как таковой, заставляющую чуждую жизни объективность подчиниться ее источнику. Эти механизмы «срабатывают», в качестве компенсации и «стягивают» распадающиеся части воедино. Так реагирует искусство и философия на «вызовы» культуры в вопросах идентичности и «обезличенности» новоевропейского субъекта, о которых говорилось выше. Такой компенсацией представляется биоэтика, область междисциплинарного знания, выросшая из общественных комитетов, разбирающих спорные ситуации экономического, этического и правового характера.

«Правило информированного согласия», как и другие правила регулирования взаимоотношений врача и пациента, являются прерогативой биоэтики. В целом, биоэтика позиционирует себя как учение о нравственной стороне деятельности человека в медицине и биологии, пытаясь подвести общую основу под разрозненные области наук, имеющие непосредственную власть над жизнью. Объединение невозможно без актуализации исторического опыта, который выполнял бы роль своеобразной «центрации» или опоры в рассуждении о той или иной проблеме. За-

нимаясь регулированием правовых, экономических аспектов современной медицины, биоэтика является попыткой сообщить целостность разрозненным областям, разрастание которых могут представляться бесконтрольными, регламентированными только экономической заинтересованностью. В таком контексте, заданном рассмотрением трансформации медицинского дискурса, возникновение биоэтики можно трактовать, как попытку вернуть культурному полю медицины утраченную целостность и историчность, т. е. «стянуть» воедино все разрозненные области современного медицинского дискурса регламентацией правил их функционирования, этических, юридических и экономических.

Попытка вернуть пациенту активную роль во взаимоотношениях с врачом, вновь рассматривать болезнь с учетом особенностей конкретного больного, его образа жизни, окружения, наследственности и т.д. в силу большого количества больных и чрезвычайной загруженности медиков представляется проблематичной. В настоящее время предпринимаются усилия изменить ситуацию, сообщить целостность взгляду врача на пациента, сделать осуществимым учет как объективных так и субъективных данных через возрождение института семейной медицины или подготовки «врачей общей практики». Наряду с этим, попыткой обретения целостности или обретения «центрации», которая компенсировала бы недостаточность сколь угодно полной информации для создания картины болезни, представляются медицинские теории, имеющие в себе изначально постулат о взаимодействии всех систем организма. Одной из таких теорий является психосоматика, возникшая на почве психоанализа и предлагающая психоаналитическое и психологическое воздействие на пациента для лечения соматических заболеваний.

Психосоматическая медицина предлагает список заболеваний, имеющих психосоматический характер, чье возникновение связывается с теми или иными невротическими расстройствами⁸. Предлагаются описания

⁸ См.: Александер Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. Пер. с англ. - М.: Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2002. 352 с.

характеров, несущих в себе предрасположенность к определенным заболеваниям, и утверждения, что все заболевания можно отнести к психосоматическим, и, соответственно, лечить их надо с применением практик, воздействующих на психику. Многочисленные медицинские центры предлагают лечение психосоматических заболеваний, исходя из признания влияния эмоционального фактора на их возникновение. Например, при анализе бронхиальной астмы как психосоматического заболевания на основании того, что при астматическом приступе нарушается функция выдоха, делается вывод о том, что астматик «подавляет плач». В качестве причин подавления выдвигается предположение о подавленной любви к матери, чувстве вины и боязни отвержения⁹. Кроме того, высказывается предположение, что в жизни больного непременно должны быть такие ситуации, которые действуют на него негативно, но при этом он вынужден подавлять свои эмоции. Таким образом, возникновение приступа бронхиальной астмы представляется выходом подавленных эмоций и лечение астмы с необходимостью, согласно психосоматике, должно включать психоанализ для выявления травмирующего фактора и его коррекции.

Следующей попыткой обретения целостности в медицине можно считать обращение к восточным медицинским практикам, предполагающим целостность человеческого организма, постулирующим связность всех органов и взаимозависимость их функций. Популярность иглоукалывания и различных видов массажей китайской медицины также говорят о недоверии фрагментарному восприятию в европейской медицине и о попытке обретения «целостности медицинского взгляда».

В качестве «теории целостности» набирает популярность холистическая медицина. **А.А.Крель**, профессор медицины, основатель центра холистической медицины в Санкт-Петербурге, пишет о концепции холиз-

ма следующее: «Наш путь к осмыслению и разработке концепции холистической лечебной деятельности проходил на протяжении первых тридцати лет в контексте эмпирической, методически разрабатываемой, фармакотерапевтической лечебной практики и в последующие пятнадцать лет в концептуальном осмыслении и практической организации многоуровневого междисциплинарного взаимодействия различных специалистов в целях формирования качественной (исцеляющей) лечебной практики»¹⁰. «Многоуровневое междисциплинарное взаимодействие» включает использование медицинского опыта, не только основанного на научной медицине, ставшей традиционной для современной европейской культуры, но и привлечение психотерапии, восточной медицины, гомеопатии. Термин «*холизм*» происходит от греческого слова «целый», «весь». Ключевым моментом здесь является цель лечебной практики, которая понимается как «исцеление» - то есть обретение организмом нарушенной целостности и гармонии. Соответственно холистическая лечебная практика подразумевает как целостное воздействие, так и обретение целостности, понимаемое как «исцеление».

К выбору такого пути также приводит разочарование в подходе европейской медицины: «Первоначально занимаемая нами телесно ориентированная, жёстко позитивистская, фармакотерапевтическая парадигма претерпела изменения в сторону холистического подхода к лечению с ориентацией на активизацию путей самоисцеления. Концепция «лечить болезнь» через концепцию «лечить больного» эволюционировала в направлении – «*стремиться к умвельту самоисцеления*» с использованием современных научных достижений»¹¹. Таким образом, механизм «самоисцеления» запускается при помощи медицинских практик, но при активном участии пациента, и, наряду с научными достижениями включается опыт «ненаучного свойства», основанный на наблюдениях над характеристиками больных. Например, при работе с боль-

⁹ Психосоматика бронхиальной астмы // Дом диагностики. [Электронный ресурс] URL: <http://diagnostichouse.ru/bronxialnaya-astma//1849-psixosomatika-bronxialnoj-astmy.html> (дата обращения 13.12.2014).

¹⁰ Крель А.А. Концепция холистической терапии (на основе опыта 45-летней врачебной практики). Холизм и здоровье. СПб, АНО «КИО». 2009, №1. С. 4.

¹¹ Там же. С. 5.

ными ревматоидным артритом автором были сделаны следующие выводы: «... Терапия достигала оптимальных результатов, когда она могла опираться на целостную сущность пациентов, независимо от их социального статуса или формального образования. Это даёт нам основания с большой убеждёностью полагать, что устойчивый выраженный фармакотерапевтический эффект достигается в тех случаях, когда с уровнем душевного и духовного бытия пациентов создаются адекватные предпосылки на биологическом уровне для организмического восприятия фармакотерапевтической коррекции в случаях её необходимости и для её удержания»¹². Здесь следует отметить заявленный автором «уровень душевного и духовного бытия», который предполагает, что его высокий уровень способствует исцелению: «Почти всегда, когда удавалось достичь выраженного, глубокого, устойчивого терапевтического эффекта, пациенты характеризовались открытыми душевными качествами»¹³. Помимо этого, характер пациентов, оказавшихся наиболее восприимчивыми к холистическим лечебным практикам, описывается следующим образом: «Они являлись трезвенными нестяжателями, были несуетливы и смиренны, но сохраняли достойное мужество в преодолении своих подчас очень тягостных страданий и тем всемерно помогали в наших терапевтических действиях»¹⁴. Как видно, здесь предлагается высокий уровень духовности с позиции христианства, сам дискурс, включающий такие характеристики как смирение, нестяжательство и т.д. относит к подобным заключениям. Тем не менее, как можно убедиться при посещении сайта и аккаунтов в социальных сетях общества, за источник духовности принимается не только христианство, а любые духовные практики, не противоречащие концепции холистической медицины, т.е. могущие послужить источником вдохновения для обретения здоровья.

В холистическом Санкт-Петербургском центре получает вторую жизнь гомеопатия, заключающая в себе целостный подход на

основании концепции «жизненной силы». В данном контексте, при рассмотрении проблемы фрагментарности взгляда современной медицины, гомеопатия оказывается востребованной в силу того, что, подобно холизму, предлагает концепцию целостности. Как пишет Ганеман, основатель учения, в своем «Органоне врачебного искусства», болезни являются «ничем иным как динамическим поражением жизненной силы»¹⁵. Согласно Ганеману, лечить болезни, соответственно, надо не вызывая противоположные заболевания воздействием или подавляя симптомы и причины их возникновения, как действует классическая европейская медицина, а *воздействуя на организм в его целостности, организуя «возвращение жизненной силы к нормальному состоянию»*¹⁶, а значит и – самоисцеление.

Таким образом, в современной медицине можно наблюдать как сужение поля зрения врача и фрагментарность взгляда, очевидно по дроблению пространства медицинского дискурса на узкие специализированные области, так и попытку обретения целостности. Медицина как феномен культуры демонстрирует те же явления, что видны в других культурных формах, презентующих изменения характера восприятия окружающего мира (или объекта) в сознании субъекта. Биоэтика, возрождение семейной медицины и института врачей общей практики говорят о констатации этого явления в качестве серьезной проблемы и выглядят культурными компенсациями на фоне общего дробления и дифференциации. Современные медицинские практики, получившие широкое распространение в последнее время, такие как психосоматика, холистическая медицина и гомеопатия, выглядят попытками обретения целостности. При этом, претендуя на научность, они вводят в область медицинского дискурса этические, философские и даже религиозные представления, тем самым расширяя его границы.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. Ганеман С. Органон врачебного искусства или основная теория гомеопатического лечения Радость здоровья – сила красоты [Электронный ресурс]. URL: <http://mshealthy.com.ua//medik-book//gomeopati//ganeman-organon//8.htm> (дата обращения 13.12.2014).

¹⁶ Там же.

Olga A. Shesterikova. Fragmentation and internal differentiation of modern medical discourse and attempts at gaining wholeness

Summary

This article explains how to change the optics of a medical view in a medical laboratory or clinic from the era of Modern Times to the present day on the background of general cultural trends. Distribution of non-classical medical theories, bioethics, the revival of Family Medicine and the Institute of General Practitioners is interpreted by the author as a cultural compensation and attempts of gaining a holistic human perception lost in modern European medicine.

Keywords: medicine as a form of culture, medical discourse, integrity in medicine, holistic theory and practice of bioethics.

ОЛЬШАНСКИЙ Дмитрий Александрович

ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХИАТРИЯ: СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ КЛИНИКИ¹

Аннотация

Психоанализ и психиатрия работают с разными моделями психики, разными антропологиями и разными человеческими существами. Настолько разными, что между ними не возникает противоречия: медицинское мировоззрение не исключает психоаналитическое и наоборот. Дискуссия между психоанализом и психиатрией возможна только в поле клиники. Как поступать с симптомом? Как относиться к пациенту? – Вот то поле, в котором психиатрия и психоанализ могли бы встретиться.

Ключевые слова: психоанализ, психиатрия, симптом, значение, субъект бессознательного.

Когда разговариваешь с практикующими врачами, не возникает вопросов, каким образом психоанализ и психиатрия могут быть полезны друг другу и как они могут сотрудничать. Многие психиатры жалуются на то, что, увы, не имеют возможности выслушивать всех пациентов и разбираться в их душевной жизни: «мы просто прописываем таблетки для устранения симптомов, но понятия не имеем, что происходит у больных в голове», - часто говорят нам. И если коротко отвечать на вопрос, что психоанализ может дать психиатрии как практике, то это умение слушать человека и воспринимать его как уникального субъекта, внутренний мир которого представляет нечто неповторимое и совершенно

отличное от нас самих. Некое удивление и интерес перед человеком – вот то, что может посеять психоанализ в среде докторов, в этом же и я отчасти вижу свою задачу.

С другой стороны, нельзя не признать ту помощь, которую оказывает психиатрия в работе аналитика. Например, если человек скован своей депрессией и неделями не выходит из дома, как может он прийти к аналитику, чтобы заняться проработкой своей психической структуры? Без помощи препаратов часто бывает не обойтись. Чтобы человек мог говорить, рефлексировать, совершать внутренний поиск, проделывать психическую работу – для этого нам часто бывает нужно помощь психиатрии.

Но разговор о взаимоотношениях психоанализа и психиатрии следует начать с обозначения тех аксиом или гипотез, на которых зиждется каждая из этих наук. Гипотез, не сводимых к общему знаменателю, гипотез изначально внеположенных друг другу, лежащих в разных плоскостях.

¹ Лекция на Кафедре Психиатрии и наркологии СЗ-ГМУ им. И.И. Мечникова 16 октября 2014

Гипотезы о психике

Психиатрия исходит из гипотезы, что все психические процессы имеют органическую природу, поэтому как и остальные разделы медицины психиатрия занимается лечением органов. Органов, но не человека. Надо понимать, что медицина строится на аксиомах, хотя мы не имеем прямых доказательств и абсолютной уверенности в том, что психика сводится к органам тела. Мы можем предположить, что, например, головной мозг имеет какое-то отношение к психическим процессам, но безоговорочных доказательств этому нет, это всего лишь гипотеза.

Психоанализ исходит из другой гипотезы, что человек укоренён в означаемом и берёт своё начало именно от него. Не органика и не духовные сущности, как в религии, а именно отношения со словом и делают человека – человеком. Следовательно и клиника психоанализа работает с помощью языка, того, что Фрейд называл *talking cure*. Речь, конечно, не идёт о том, чтобы при помощи бесед снимать симптоматическое напряжение, а именно о лечении, о реконструкции тех означаемых, которые стоят в основании и участвуют в формировании психического аппарата субъекта. Иными словами, целью психоаналитической клиники является пересборка психической структуры субъекта.

То есть, говоря кратко, психиатрия и психоанализ работают с разными моделями психики, разными человеческими существами. Настолько разными, что между ними не возникает противоречия: медицинское мировоззрение не исключает психоаналитическое и наоборот. Например, дисфункции в том или ином центре головного мозга не противоречат идее форклюзии, а невротическая структура субъекта не исключает и не отрицает каких-то сбоев в нейронной сети. Каждая из наук исходит из настолько разных гипотез и имеет настолько разную антропологию и мировоззрение, что столкновения между ними возникать не может.

Дискуссия между психоанализом и психиатрией возможна только в поле клиники. Например, как поступать с симптомом: медикаментозным стимулированием коры головного мозга или интерпретацией эдипова комплекса? – Вот то поле, в котором психиат-

рия и психоанализ могли бы встретиться.

«Не пытайтесь никого лечить в анализе» - Зигмунд Фрейд

Психиатрия, будучи частью медицины, ориентирована на то, чтобы устранять болезни и восстанавливать здоровье. Хотя в скобках стоит заметить, что медицинские традиции Востока ориентированы не на лечение болезни, а на восстановление здоровья и поддержания целостности организма, они формируют совершенно иное представление о задачах медицины.

Психоанализ же изначально отказывается от таких понятий как «здоровье» и «болезнь», «норма» и «патология», поэтому и лечением он не занимается. Мы имеем дело не с отклонениями и ремиссиями, а с феноменами структуры психики, Фрейд выделил три такие структуры – невротическая, психотическая и перверсивная. Он же отметил, что переходности между ними не существует, поэтому из психотика нельзя сделать невротика, да в этом и нет смысла.

Психоанализ никогда не ставил перед собой терапевтических задач. «Если психоанализ в дополнение ко всему, ещё и помогает кому-то – то нам это только на пользу» - говорит Фрейд. С самого момента возникновения, психоанализ не преследовал цель излечения симптомов, а все попытки поставить психоанализ на рельсы служения медицине, гармонизации или идее всеобщего блага, потерпели крушение.

Не редко приходится слышать упрёк в том, что психоанализ не достаточно эффективен в лечении болезней по сравнению с психотерапией. На это можно было бы возразить, что зубная щётка не достаточно эффективна для зачищения гаек, просто потому что она не была создана для этого, значит ли это, что зубные щётки вообще бесполезны? То же самое относится и к психоанализу: мы не ставим перед собой цели вылечить болезнь, следовательно, и эффективность в лечении болезней у психоанализа минимальна.

Некоторые направления психотерапии используют открытия Фрейда и даже считают его своим предшественником, тем не менее, психотерапия и психоанализ и по сей день

остаются диаметрально противоположными мировоззрениями. Было создано такое оксюморонное направление как «психоаналитическая психотерапия», которая пыталась соединить наработки Фрейда с задачами по психотерапии невротиков, но этот кентавр, как можно судить сегодня, оказался нежизнеспособен: большая часть учения Фрейда осталась за кадром внимания таких психотерапевтов, не говоря уже об аналитическом дискурсе.

Если для медицины вопрос о смысле симптома не стоит вовсе: если есть болезнь – её нужно устранить, поэтому медицина не проблематизирует симптом и не ставит вопрос о его смысле (во всяком случае, мне не удалось найти медицинских монографий о герменевтике симптома), то для психоанализа вопрос о смысле симптома является ключевым.

Психоанализ как раз начинается с вопроса о смысле: что значит симптом? Для чего он нужен? В чём смысл того, что производит психический аппарат? – С этих вопросов Фрейд и начинает работу с истериками.

Клинический случай как истина о Другом

В таком случае может возникнуть вопрос, почему аналитики говорят о клинических случаях, если они никого не лечат? Для ответа на него давайте обратимся к тому, что такое случай, и чем он отличается от истории болезни. Достаточно открыть первую книгу Фрейда и Бройера «Исследования истории», чтобы заметить, что с жанром истории болезни их работа не имеет ничего общего. Она представляет собой именно случаи.

Жанр случая возник совсем не в медицине, а был заимствован Фрейдом из философии. Первым случаем следует считать «Казус Вагнер» Ницше, который представляет собой первый «случай» в истории европейской мысли. Иными словами, тот формат изложения, который предлагает Ницше, Фрейд будет использовать в качестве образца для своего собственного опыта. То, как Ницше анализирует Вагнера – это и есть пример работы со случаем, который заимствует Фрейд. Это способ записи человеческого состояния. Не обязательно болезни или патологии, а именно форма исповеди о Другом. Изложение истины

Другого – вот что такое клинический случай. Из этого мы можем заключить, что истина является особым эффектом письма Другого, сам субъект не может встретить её напрямую или прописать самостоятельно. Для этого ему нужен кто-то ещё.

Если история болезни представляет собой некое объективированное изложение наблюдений за пациентом, в котором сам доктор фактически не участвует, т.е. всё равно кто пишет историю болезни, в любом случае она состоит из одних и тех же данных, то клинический случай – это запись субъективной истины. То есть случай – это предельно авторское произведение, и мы знаем примеры того, что один и тот же пациент был описан разными аналитиками абсолютно по-разному. Значит ли это, что один из этих аналитиков ошибался или в заблуждении пребывали они оба? – Нет, это говорит лишь о том, что каждый из них сконструировал и прописал разную истину о Другом, прописал разные клинические случаи. И действительно, когда читаешь клинические случаи Сергея Панкеева, записанные Фрейдом, Рут МакБрюнстик и Мюриел Гардинер, невольно задумываешься, действительно ли они работали с одним и тем же человеком.

Теперь нам становится понятна разница между случаем и изложением картины болезни и дневником наблюдения за больным. Мы помним, что некоторых своих героев Фрейд вообще не видел: с Шребером он даже не был знаком, а с Гербертом Графом он впервые встретился через 14 лет после того, как случай был завершён и опубликован. Тем не менее, и тот и другой входят в пятёрку основных клинических случаев Фрейда. Равно и Лакан никогда не работал с сестрами Папен, но в основном на основании их случая была написана его докторская диссертация.

Не стоит забывать и о важной юридической коннотации понятия «случай», которую Фрейд также имеет в виду. В Римском праве случай – это событие, которое происходит помимо воли человека, это нечто, за что сам субъект не отвечает, то, чем он не распоряжается, но то, что руководит им, обязывает его действовать так, а не иначе. То есть бессознательный характер случая прописан и в юридическом дискурсе. Латинское изречение гласит «Causa a nullo praestantur» - «За случай

никто не ответственен», поэтому в Римском праве «случай» противопоставляется понятию вины. На что Фрейд, конечно, не мог не обращать внимания.

Про понятие «клиника» тоже надо помнить, что оно не является синонимом «лечения», и в медицинском дискурсе оно является пришлым. В греческом языке глагол «*klino*» означало «наклонять, прикладывать» и никак не связано лингвистически с «*terapeia*». В наши дни существует, например, юридическая клиника, которая к лечебной деятельности никакого отношения не имеет. Автор этого понятия Мейер говорил о клинике как «приложении теоретических знаний к практике». Таким образом, можно выделить и медицинскую клинику (в противовес теоретической физиологии), и юридическую клинику, и психоаналитическую.

Случай vs Диагноз

В медицине клиникой называют совокупность проявлений болезни или набор симптомов, претерпевающих процесс развития. Это и называется клинической картиной или клиническим течением болезни.

Психоанализ же работает со структурами психики, разными формами организации психического аппарата, ни один из которых не имеет привилегии над остальными. В психотерапии совсем иначе, психотерапевты часто используют понятия «дорастить» пациента до Эдипа, «достроить» невротические защиты, и т.п. – это цели ничуть не совпадающие с задачами психоанализа, хотя формально используют понятия, введенные Фрейдом. Это может создавать путаницу.

В психоанализе мы не разделяем эволюционистскую идею о более примитивных и более высоких ступенях развития. Невроз, психоз и перверсия – это три способа организации психического мира, каждый из которых работает по своим законам. Можно сравнить их с разными транспортными средствами: двухколесным велосипедом, трехколесным и самокатом – каждый из них ездит, и ездит по-своему, но если вы попытаетесь переделать самокат в велосипед, у вас вряд ли получится транспортное средство, а только разрозненный набор деталей. С такой разваленной структурой мы часто встречаемся в результате попыток «вы-

лечить» или «помочь» пациенту, которые иногда предпринимают врачи.

Важно понимать разницу между болезнью и структурой. Структура – это способ функционирования психики, это не дисфункция, не заболевание. Психотик отлично устроен, многие из них даже проявляют недюжинный талант в создании своей собственной картины мира, своего бреда, который мы, конечно, должны аккуратно поддерживать и развивать. В работе с психотиками нужно исходить из того, что у них просто другая психическая структура, не менее успешная. Как сказал мне один доктор: «У сумасшедших вообще всё хорошо. Но хорошо по-другому».

Часто возникает недопонимание в силу того, что психоаналитики и психиатры используют одни и те же слова, но вкладывают в них абсолютно разное значение. Например, «невроз»: в психиатрии так называется нарушение в работе высшей нервной деятельности, выражающаяся в ряде проявлений – проблемы с самооценкой, эмоциональная нестабильность, повышенная тревожность, навязчивые действия, демонстративность поведения и пр. То есть, с одной стороны, причины заболевания органические, с другой стороны, все симптомы проявляются не в органике, а в поведении. Диагноз представляет собой предельно объективированное описание внешних проявлений. Когда мы читаем медицинское заключение о неврозе, мы не видим там самого субъекта, мы видим только характеристики поведения. На это указывает и само слово – «*dia-gnosis*» – буквально «отделённое» или «отстранённое познание».

Здесь уместно было бы противопоставить случай и диагноз. Если случай представляет собой субъективное письмо об истине Другого, то диагноз – прямо противоположное – объективное описание характеристик предмета, поведения предмета и состояния органов предмета. И предметность эта обоюдная: пациент не выступает субъектом для того, кто прописывает диагноз, равно и сам диагност не является автором этого письма. Способ написания диагнозов у всех врачей один и тот же, тогда как способ прописывания случая индивидуален не только для каждого аналитика, но и для каждого пациента он будет своим. Например, нам известно, около сорока клинических случаев Фрейда, и все они написа-

ны в разных стилях: некоторые как детектив, некоторые как диалог перипатетиков, третьи как педагогическая поэма. Есть и те случаи, которые Фрейд вообще не записывал. Почему? Может быть, потому что он не изобрёл тот способ письма, которым можно было бы зафиксировать открытую им истину?

Случай повествует о чём-то неповторимом, он записывает ту истину, которая никогда и нигде больше не появится. Он прописывает саму случайность истины, которая не существовала прежде и не повторится в будущем, но сам факт её открытия меняет наше представление о реальности. Открытие истины меняет настоящее, а следовательно, и будущее. В этом смысле, случай торит новый путь, через который открывается Реальное. Тем он и интересен для науки, как говорит Аристотель в трактате «Физика»: случай создаёт мир, поскольку случай необратим. Об этом надо помнить, когда работаешь с пациентом. Каждый человек, пришедший в твой кабинет, может изменить не только клинику психоанализа, но и прорубить новое окошко в Реальное. Не

будем забывать, что все основные концепции психоанализа были придуманы пациентами Фрейда: свободные ассоциации, трансфер, влечение к смерти. Поэтому нужно быть столь же внимательным к своим пациентам.

Психоанализ всегда работает с тем, что не повторяется. Поэтому для статистики наш опыт вряд ли пригодится, равно как и закономерности и обобщения совершенно бесполезны для психоанализа. Что толку знать количество фобий на душу населения, если каждая фобия имеет свою историю, свою субъективность и свою природу?

Подводя итог, можно сказать, что задачей анализа является – создать случай. Создать неповторимое и необратимое событие, которое положило бы начало иной реальности. Несмотря на то, что мы не можем изменить структуру человека, мы можем изменить его психическую реальность. Здесь нельзя не вспомнить слова Лакана, которыми стоило бы закончить сегодня: **«Не стоит человека адаптировать к миру, нужно мир адаптировать к человеку»**.

Dmitry A. Olshansky. Psychoanalysis and Psychiatry: The Sense and Meaning of Clinics (Lecture at the Chair of Psychiatry and Narcology of North-Western State Medical University on 16 October 2014)

Summary

Psychoanalysis and psychiatry work with different models of psychics, different anthropologies and human beings. They are so different that it could be none confrontation between them: medical world view does not contradict psychoanalytical one. Discussion between psychoanalysis and psychiatry could be in the field of clinics only. How to do with the symptom? How relate to the patient? – That is the field, where psychoanalysis and psychiatry could meet each other.

Keywords: psychiatry, psychoanalysis, symptom, meaning, subject of unconscious.

ОЧЕРК О ЗНАЧЕНИИ СНОВИДЕНИЙ

Аннотация

Данный очерк объединяет обзор значений сновидений в медицине, психологии и культуре с авторскими свидетельствами о творческой и обучающей роли сновидений. Автор напоминает о важности экологии внутреннего мира человека, о возможности использовать работу со сновидениями для этой цели.

Ключевые слова: сновидение, душа, дух, сознание, качество сна.

Почти все люди, как и высокоорганизованные животные, видят сны. Большинство из тех, кто утверждает обратное, просто не помнят своих сновидений. Правда, можно предположить, что если у животных сновидение обеспечивает переработку актуальных жизненных ситуаций, то у человека эти функции значительно шире. Пространство сновидений можно рассматривать как творческую зону роста, где отражено как современное состояние культуры и цивилизации, так и память обо всех предшествующих их состояниях, а также информацию о возможном будущем. Сновидение призвано разрешать неизбежные конфликты между прошлым, сиюминутным и потенциальным будущим для всех уровней нашего бытия. Сновидения помогают совладать с осознанием неопишуемой Реальности вокруг нас, которую мы воспринимаем лишь в скромном чувственном диапазоне. Однако также подсознание и бессознательное – уст-

ройства для производства смыслов и нашего обучения через сновидения. В дальнейшем попробуем проиллюстрировать это положение на некоторых примерах.

В современной медицине принято говорить о *качестве сна* применительно к определению здоровья, в психологии, и, реже, в педагогике – применительно к творческому и духовному развитию. *Качество сна* включает в себя правильное чередование его фаз, сюжетную и эмоциональную составляющую сновидений; их нарушения являются важным критерием в диагностике душевных и психосоматических расстройств. К нарушениям, свидетельствующим о психических и психоорганических расстройствах, относятся графические и цветовые изменения, например, чёрно – белые сны, «геометрические» и «мультипликационные» сновидения, сны наяву – галлюцинации. Повторяющиеся (неоконченные), либо развивающиеся по принципу сериалов сновидения, несомненно намекая на невротическую организацию пси-

хической активности, имеют важное адаптивное значение, выполняя роль аутотерапии.

Диагностический, адаптивный и исцеляющий аспекты сновидений стали одними из ключевых практических подходов в психоанализе. Вместе с тем, ранний психоанализ выполнял роль «буфера» между содержанием снов и бодрствующим сознанием, когда последнее оказывалось в конфликте и не могло совладать с морально – этическими провокациями подсознания. Та лёгкость, с которой в снах взламываются личностные конструкты и социальные табу, всегда приводила в отчаяние не только добропорядочных обывателей, но и, к примеру, духовных практиков разных традиций.

Осмысление роли сновидений получило дальнейшее развитие в Юнгианском психоанализе. К.Г.Юнг не поленился в течение многих лет не только изучать различные культурные подходы к сновидениям в мировых традициях, но и лично практиковать их осознание. В результате грандиозного труда по осмыслению роли сновидений, было в частности доказано, что в мире бессознательного человек совсем не одинок. В некотором смысле пространство бессознательного, через архетипы, прочнее сплавливает людей, чем личностно-социальное пространство. Целостность и внутренняя непротиворечивость мира архетипов заставляет вспомнить ситуацию, описанную в мифах о доавилонских временах, когда все люди пользовались общепонятным языком...

Наряду с этим, следует отметить, что указанные подходы всё же принижают роль сновидений по отношению к значимости бодрствующего сознания, как «жизненного пространства» личности. Так, например, лечебный транс, включающий в себя техники наведённых сновидений, служит в конечном счёте адаптации к социальной норме в соответствующем обществе. В результате области психической и душевной жизни оказываются в нашей системе ценностей второстепенными, в значительной степени обесцениваются. Отсюда массовое пренебрежение невербальной составляющей общения, уязвимость перед лицом внушений и манипуляций, пренебрежение законами душевной и духовной жизни. При этом не стоит забывать, что морально – нравственные императивы коренятся глу-

боко в бессознательном, что, в частности, показывают эксперименты с гипнозом.

В некоторых эзотерических школах перед практикующими ставятся, в контексте отношения к сновидениям, достаточно амбициозные задачи. Так, например, первым этапом работы со сновидениями служит концептуальное повышение значимости мира сновидений через смещение заинтересованного внимания в соответствующую область переживаний. Далее практикуется осознание сновидений, контроль их сюжетов, произвольный переход между ними, формирование и практическое освоение «тела сновидений». Шаман в своей практике странствует по «тонкому» миру при посредстве особой души (кроме присущих всем остальным людям душ сна и бодрствования), которая может общаться с духами, получать от них информацию.

Религиозные традиции, впрочем, настороженно относятся к миру сновидений, тем самым подчёркивая его отдельную значимость и негативную силу влияния на обычного человека, в смысле соблазнов и искушений. Контроль внутриспихической жизни через «внутреннюю брань», гармонизация пространства души при посредстве духовной благодати есть предмет практических многолетних усилий христианских монахов и мистиков. В *христианской традиции* в основном используется персонификация явлений внутреннего мира, олицетворяющих определённые свойства, проявления и склонности души: бесы, демоны и т. д. Борьба с этими силами ведётся с позиции дуализма, причём заранее декларируется немоть человека перед их лицом, невозможность совладать с ними без помощи Божией. Молитва служит мостом между миром земным (пространство бодрствования) и миром духовным (пространство глубокого сна), и только их союз гарантирует победу над «тонким» миром (пространство сновидений). В *буддизме* для выполнения тех же задач подход несколько иной – содержание психики, включая деятельность сновидений, созерцается как иллюзия, аналогично иллюзорности всего воспринимаемого мира и собственного независимого существования. Действительно, одним из результатов подобных практик является заметное изменение субъективного восприятия реальности в сторону её иллюзорности, или *сновидности*.

При этом критерием психической нормальности практикующего будет сохранение или увеличение целостности его восприятия при сохранении способности социальной адаптации (кроме тех случаев, когда в обществе отсутствуют потенциальные ниши для носителей подобного опыта). Ряд традиций, как, к примеру, *индуизм*, рассматривает весь воспринимаемый мир как сновидческую игру Бога, которая приведёт к исчезновению мира в конце времён с его пробуждением. В *йоги-ческих практиках* наивысшим достижением адепта является становление Пробуждённым (Просветлённым) – такой человек преодолел иллюзии мира, и больше не спит в обычном смысле этого слова. Для остального большинства, к сожалению, остаётся в силе обидное определение человека Г.Гурджиевым как «человека спящего», а поэтому подверженно-го манипулятивным внушениям, неосознанного «человека – машины».

Следует заметить, что, с точки зрения нейрофизиологии, в человеке всегда представлены все ритмы мозговой активности, только в разных соотношениях в разные моменты времени. Из бытового опыта известно, что под действием разных обстоятельств мы бываем в разной степени включены в бодрствование, сон со сновидениями и в глубокий сон. В состоянии бодрствования предполагается, что наше внимание, а вслед за ним и восприятие, направлено в большей степени на объекты внешнего мира, что позволяет адекватно ориентироваться в нём и избегать потенциально опасных ошибок. Когда человек чуть глубже погружается в транс, просто, «задумавшись», идёт под машину, ему так и кричат: «Ты что, заснул?!». Но, даже если мы «нормально» бодрствуем, фоном сознания сохраняется образный ряд и внутренний диалог, как правило не осознаваемый, что соответствует сну со сновидениями. Иногда же мысли и образы прерываются, обычно на короткое время, незаметно для нас, и в эти моменты доминирует ритм глубокого сна. Случаются проблемы с переходами из одних ритмов активности в другие, «наложения» ритмов друг на друга: бессонница, патологический сон (сомналенция), образные «наводнения», «обрывы мыслей» (так называемые шперрунги), галлюцинации, состояния «повышенного бодрствования». Многие из этих состояний свидетельствуют о

психической декомпенсации, являясь симптомами в психиатрической диагностике. Однако, следует быть осторожными, когда речь идёт о сознательно вызванных и контролируемых состояниях, культивируемых в определённых целях, или в случаях спонтанного изменения сознания, мистического опыта.

Некоторые, так называемые деловые люди, воспринимают время, необходимо отведённое для сна, как неизбежное зло, выброшенное время. Им порекомендуем практики, влияющие не только на качество сна, но и на качество жизни в целом. Например, если человек практикует медитацию, постепенно потребность во времени для сна сокращается, сон становится более качественным за счёт увеличения удельного веса дельта и тета-ритмов, повышается осознанность и ясность восприятия, способность к внушению и саморегуляции. Если же применять стимуляторы психики либо, наоборот, транквилизаторы, качество сна нарушается с риском неконтролируемых трансовых состояний и снижением адаптации.

Особо, на мой взгляд, следует отметить существование многочисленных эмпирических приёмов в использовании снопоподобных (трансовых) и пограничных со сном состояний для достижения разных практических целей. Сюда отнесём практики внушения и самовнушения, или в расширенном смысле – саморегуляции состояния, наиболее эффективные на границе сна и бодрствования. У отдельных людей фазовые переходы из быстрого сна в глубокий сон и обратно происходят очень быстро: они буквально «проваливаются в сон, и так же мгновенно просыпаются. Для таких людей практики работы со сновидениями и самовнушением на первых порах вызывают затруднения, но это преодолимо. Здесь же вспомним различные методики обучения в гипнозе (во сне), а также использование «заказанных» снов для поиска ответов или решений проблем. Не стоит забывать о ночных бдениях творческих людей, как своеобразных ритуалах служения Музе, как источнику и Богине вдохновения. Упомянем лечебно – психологический эффект дозированной депривации сна и сенсорной депривации, а также методы психологического давления, пыток, допросов и «промывки мозгов», применяемые на аналогичной основе.

Всё вышеизложенное представляет собой краткий вступительный обзор, предваряющий следующую, иллюстративную часть статьи. Речь пойдёт о некоторых субъективных переживаниях из жизненного опыта автора, с апелляцией к личностному знанию, по определению М.Полани.

Разумеется, сон – важная часть жизни маленького ребёнка, для которого картина мира – ещё не сложившаяся мозаика, да и сам мир воспринимается сквозь базовые потребности, удовлетворение которых на 99% зависит от родителей и ближнего окружения. Сон помогает упорядочивать воспринимаемый мир, в первую очередь через память коллективного бессознательного. Бессознательное вторгается в пространство бодрствования и сна (которые у ребёнка не очень-то разграничены) и напоминает о нашей причастности к колоссальному эволюционному потенциалу, наследниками которого мы являемся. Во сне мы можем проявлять любые способности, трансформироваться, становиться множественными, отождествляться с любыми объектами. Кстати, теми же характеристиками, как следует из духовно-эзотерических текстов, обладают, скажем, великие йоги. Здесь надо видеть прямое указание на то, что наш физический мир стал для них так же пластичен и подконтролен, как для нас, потенциально – мир сновидений. Мир сновидений может помочь искателю обучиться чему угодно, при условии достаточной мотивации и наличия хороших психических защит. К сожалению, второе проверяется только экспериментально.

Первый опыт обучения во сне моя память предоставляет из возраста примерно 3-5 лет. Это переживалось как достоверный, яркий, реалистичный сюжет обучения полёту из сновидения в сновидение, повторения которого я научился ждать с вожделием изо дня в день с приближением отхода ко сну. Помню, что внутренний голос делал акцент на том, что надо научиться летать, как человек, а не подражая, например, птицам. Опыты были успешны – во сне я умел летать, с удовольствием засыпал ради этих уроков. Теперь я знаю, что такие переживания не уникальны, свойственны многим, но тогда я умел летать, а теперь...

Следующую серию ярких до ошеломления

сновидений я пережил в возрасте около 7 лет. Хотя и плохо, но уже умел писать, поэтому смог лаконично зафиксировать их содержание на клочке бумаги. Там была записана «в столбик» иерархия областей сверхсознания: радужный, блистающий ум, сверх-ум, и так далее, согласно классификации Ауробиндо Гхоша; об этом авторстве я узнал лет через 12, когда познакомился с интегральной йогой. Но все эти годы советского «застоя» я помнил и твёрдо ЗНАЛ, что указанные пространства существуют. Разумеется, мировоззренчески это не могло не повлиять на мою жизнь, на формирование интересов. Эзотерические традиции полны свидетельств о том, что дети в определённом возрасте получают в снах информацию о пренатальном опыте, информацию из области коллективного бессознательного и касающуюся вариантов – сюжетов своей дальнейшей судьбы.

В возрасте около 18 лет, по совету друзей, я начал «шлифовать» своё сознание, читая работы Д.Кришнамурти. Результатом, в частности, стали замечательные опыты изменённых состояний сознания, несколько глубоких самадхи, но в нашем контексте важнее другое. Начиная с определённого момента, на протяжении достаточно долгого периода времени, сон превратился в учебный процесс: некие «высокие сущности» последовательно совершенствовали мою систему восприятия, подвергая мои органы чувств иногда довольно болезненным оперативным вмешательствам, например, сверлили глаза и уши, с целью создать более совершенные духовные их аналоги. Примечательно, что в то время я не читал те места в Новом Завете, где говорится о том, что духовный мир воспринимается духовными аналогами наших физических органов чувств. Более того, только спустя пару лет мне довелось прочесть книжку Кришнамурти «У ног Учителя», где автобиографически описан опыт, абсолютно идентичный моему.

Вот пример, связанный с тем, как сновидение «сработало» в качестве арт-терапевта. Дело было на даче в Пушкинских горах, когда лето выдалось необычайно жарким для Псковских широт. Как часто случается в жару, иммунитет падает, вирусы активизируются, и я заболел. Почему-то решил обойтись без лекарств, хотя двое суток температура чуть не доходила до 41 градуса по Цельсию. Во время

одного из провалов в беспмятство, я вдруг попал в чистое светлое пространство, наполненное свежестью и прохладой. Некий голос произнёс стихи:

Покрылась пылью ветхая котомка,
И в сундуке истлел походный плащ.
Простывший след оставил я потомкам,
И долгий эпос личных неудач.

Года осыпались седыми волосами
На плечи тяжелеющей Земли,
И облака уплыли куполами
Над храмами несбывшейся любви.

На тропах осмелевшая крапива,
И глухо заколоченный подвал.
Плеснул на стол истёртый капли пива
В неловких пальцах треснувший бокал...

Всё это в снах я видел не однажды:
Дорогу. Путь, ведущий в никуда...
Поэтому – проснусь! Проснусь от жажды
Искрящегося золотом вина.

Рассыплюсь смехом умиротворённым,
Прочту молитву; молча подожду...
Напысь ответом, Духом принесённым,
И наконец-то Реку перейду!

Кто написал эти стихи, и почему они явились избыточным знаком исцеления? Я проснулся здоровым, записал стихи, прочно запечатлевшиеся в памяти, оделся и пошёл на реку купаться. После этого, в последующие годы, стали случаться моменты вдохновения, иногда сочинялись стихи.

Последний сюжет, который хотелось бы здесь привести, развернулся после нелепой, ранней и трагической гибели моего отца, мне тогда было 16 лет. Мы только-только начали знакомиться, уже на основе взрослых отношений, но новые отношения оборвались, едва начавшись. Продолжение следовало в течение 20 лет в сновидениях, сначала практически ежедневных, потом более редких. Наши встречи происходили в разных ситуациях, от обыденных уличных встреч до общения в других, зачастую совершенно фантастических мирах, где он выступал моим проводником. В тех мирах мы оба проживали разные варианты судьбы. Мой привычный мир казался

всего лишь одним из элементов гигантского калейдоскопа. Расставания в каждом сне происходили неотвратимо-внезапно, хотя со временем я научился предугадывать эти моменты и слегка смягчать неизбежную грусть очередной разлуки. Каждую ночь я испытывал радость встречи с отцом, как очередного волнующего урока, и одновременно предчувствовал горечь неизбежного, по опыту, расставания. Я вырослел в сновидениях, он внешне оставался тем же, но внутренне тоже как-то менялся. Последняя встреча в этой «серии» произошла, когда я физически достиг возраста, в котором он умер. Тогда произошла духовная инициация: отец передал мне посвящение в Главу рода, сказал, что теперь мы выполнили свои задачи и можем отпустить друг друга. Мы встречались в сновидениях ещё пару раз за последующие несколько лет, очень позитивно, на уровне «Как дела? – Всё хорошо». Спустя годы я понял, сколь многому он меня научил в этих сновидениях, а может быть, и он учился через меня...

В перечисленных примерах я сознательно ограничился случаями спонтанных сновидческих переживаний, с целью хотя бы условно отграничить их от подготовленных, смоделированных сюжетов, которые возможны через соответствующие психофизические практики. Здесь, на мой взгляд, интересно наблюдать кажущуюся автономной скрытую работу бессознательного через условно выделенный канал сновидений. Если бессознательное во что бы то ни стало «захочет» донести до нас информацию, оно может «вклиниться» и в разгар обычного бодрствования. Так, например, раньше трактовали переживания, сопутствующие эпилептическому припадку, считая подверженных эпилепсии богоизбранными людьми, пророками. Но мне представляется, что наиболее экологичный способ общения с бессознательным – через пространство сновидений. Пока мы не освоили свой внутренний космос, коим мне представляется мир сновидений, он будет оставаться полем экспериментов по воздействию на наше сознание, разного рода манипуляций. В той мере, в которой содержание сновидений определяется актуальным вниманием, отношением к событиям и переживаниями, это в значительной степени наш собственный выбор. Сейчас, как никогда, с развитием виртуальной среды

(квази – пространства сновидений), важно научиться осознанно противодействовать агрессивной рекламе и пропаганде.

Пока мы не озаботимся экологией своего внутреннего мира (души), мы обречены будем видеть чужие дурные сны.

Сергей Соловьёв “Предчувствие весны в горах”

Сергей Соловьёв “Сад Петрарки. Прованс”

Sergey L. Solovyov. Essay on meaning of dreams

Summary

The essay unites medical and psychological meanings of dreams with author's experience of learning and creative dreams. Author calls to pay more attention to space of dreams in order to support our psychic ecology, by using practice of dream's control.

Keywords: dreaming, soul, spirit, consciousness, sleep quality.

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ОБОСНОВАНИЮ НАГЛЯДНОЙ МОДЕЛИ ЖИЗНИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация

В статье делается попытка изложить некоторые подходы к обоснованию модели формирования и жизни человека, как творческой личности, при определенной объективно-субъективной зависимости от круга потребностей, определяющих пределы его возможностей. Разработка такой наглядной модели позволит содействовать пониманию и контролю, как процесса личного самосовершенствования творческой индивидуальности, так и пониманию процесса воспитания и формирования творческой личности в условиях семейного и общественного воздействия и обучения. Предложен ряд понятий, которые позволят каждому человеку, от школьника до пенсионера, осознанно оценивать изменения своего творческого роста.

Ключевые слова: творчество, творческая личность, сознание, потребности, модель.

Создание реальных возможностей для творческой самореализации граждан является одним из условий, позволяющих жителям страны участвовать в процессах сохранения и укрепления государства. Решение этой трудной задачи невозможно без творческих усилий, как со стороны тех, кто принимает решения на всех уровнях управления, так и тех, кто эти решения реализует и исполняет.

Творчество – это специфический компонент деятельной активности человека, любого вида осознанной им деятельности, содержанием которой выступает восприятие и превращение предметного смысла известных знаний в некоторую объективную новизну. Чем выше потребность общества в творческой деятельности людей, в реализации их творческого начала, тем необходимость получения такой новизны в большей степени востребована. Творческие возможности человеческой личности с одной стороны ограни-

чены рамками личных и общественных потребностей, с другой – степенью развитости его сознания, способного адекватно отражать реалии бытия.

Рассмотрим некоторые особенности и взаимозависимости сознания и потребностей.

1.

Термином «сознание» характеризуют главное свойство человека, отличающее его от животного мира. Сознание человека является той характеристикой личности, которая каждый день, как лакмусовая бумажка, определяет его творческие возможности, его соответствие тем реалиям бытия, которое сознание отражает. Сознанием, с его изначально огромными потенциальными возможностями, обладает каждый здоровый человек, от природы. Но в процессе воспитания в детстве и юности, а затем и на протяжении всей своей жизни каждый человек испытывает на себе прессинг условий и условностей, задаваемых ему социумом. Влияние социума, частью которого человек является с детства, приводит

к формированию в нем определенного круга потребностей, что в свою очередь ведёт к ограничению вариантов осмысления окружающего мира, к конкретизации потенций сознания. В итоге совокупного воздействия всех жизненных факторов в каждом человеке формируется индивидуальная внутренняя модель мировосприятия и миропонимания. Перефразируя известную всем поговорку, можно сказать: «расскажи каков круг, сформировавшихся у тебя потребностей, и я скажу каковы потенциальные возможности твоего творческого сознания, потенциальные возможности реализации твоей творческой личности».

О сознании говорят возвышенно и приземленно, ссылаются на его консерватизм и на необходимость его развития, совершенствования, пишут о его особенностях и недостатках, несовершенствах и деформациях. Иногда говорят о неизменности сознания при качественном изменении внешних, технических и экономических условий жизни. Но однозначного понимания этой характеристики человеческой личности нет.

В процессе научного познания давно и широко применяется способ «препарирования» того или иного явления на «составляющие его части» для более полного и глубокого понимания взаимосвязей внутри него. Таким же образом поступают, исследуя и сознание человека. Чаще всего его характеризуют и оценивают большим количеством относительных и условных словосочетаний, например:

- примитивное сознание.
- (не)сознательный человек.
- бессознательное состояние.
- высшее сознание (высший разум).
- (очень) умный человек.
- (очень) глупый человек.
- разумный человек.
- неразумный человек (дурак)
- и т.д. и т.п.

Кроме того, используют следующие сочетания:

- уровень сознания (ниже) выше
- осмысление на уже освоенном уровне
- осмысление на новом уровне сознания
- сознание политическое
- сознание правовое
- сознание моральное
- сознание эстетическое
- религиозное сознание

- идеологизированное сознание
- плюралистическое сознание
- обывательское сознание
- поле сознания
- поток сознания
- перечень можно продолжить.

Реальное сознание человека, тем не менее, едино и люди, общаясь между собой, воспринимают друг друга, как целостную субстанцию, с индивидуальным и целостным сознанием. К сожалению, наука не дает однозначного определения термина «сознание». Она продолжает быть в поиске. Известная многим формулировка, из которой следует, что сознание – *высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности, способ его отношения к миру и к самому себе, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей* – не всех устраивает. Например, относительно недавно появилось определение, при котором сознание рассматривается, как – *высшая форма развития информации, творящая информацию* – с соответствующей обстоятельной аргументацией. Другие связывают сознание с многоуровневой системой энергетических вибраций, чем выше уровень сознания, тем выше уровень вибраций. А группа голландских ученых под руководством Пима ван Ламмеля пришла к выводу, что *«вполне вероятно, что мозг – никакая не мыслящая материя, и возможно, такой материи вообще не существует»*. Почти одновременно с голландцами к аналогичным выводам пришли английские исследователи из клиники в Саутгемптоне. Исследователи доказали, что сознание (или то, что мы называем этим словом) существует независимо от работы мозга.

В итоге: нет общепринятых, четких критериев оценки сознания, не обоснована единица его измерения.

Наш подход будет состоять в том, что мы будем рассматривать сознание здорового человека, сложившееся в процессе его становления и жизни, через призму его целостности. Поскольку принято полагать, что процесс познания бесконечен, то применительно к нашей задаче будем считать, что и количество уровней сознания (уровней отражения в сознании), необходимых человеку для осмыс-

ления реалий окружающего мира в полном объеме также бесконечно. За свою жизнь человек, осмысливая реалии бытия, формируя своё мировоззрение, осваивает, и в итоге опирается на вполне конкретное индивидуальное количество уровней отражения в сознании, образующих реальное поле сознания – **РПС**. Потенциальное поле сознания творческого человека – **ППС**, характеризует индивидуальные, предельные возможности человека по осмыслению и отражению реалий окружающего мира. РПС является частью ППС. Остальные, уходящие в бесконечность уровни отражения в сознании, остаются неосвоенными, неосмысленными.

Положим также, что, будучи целостным, РПС распределяется по четырем группам уровней, расположенных снизу вверх и находящихся в динамическом взаимодействии. Каждая из этих групп характеризует разные степени раскрытия творческих возможностей конкретных людей, через осмысливаемые постепенно, по ходу жизни, реалии бытия.

I группа – НС – уровни фактически нетворческого сознания **Н1**, заложенные в природно-генетическом коде. Они реализуются в первый год – два жизни нового человека и характеризуют освоение необходимых для жизнеобеспечения физиологических побуждений и потребностей. В дальнейшем, если они сохраняются у человека как основные, то это является признаком нарушения деятельности центральной нервной системы или следствием других болезней, не позволяющих сформироваться сознанию, стремящемуся объективно отражать реалии окружающего мира.

II группа – ТТС – традиционно-творческое сознание, с уровнями **Н2**.

III группа – НТС – нетрадиционно-творческое сознание, с уровнями **Н3**.

IV группа – ГС – гениальное сознание, с уровнями **Н4**.

Особенности сознания этих групп будут рассмотрены далее, по ходу изложения текста. Уровни отражения в сознании находящиеся выше **IV** группы и уходящие в бесконечность составляют пятую группу **/V/**. Обозначим эту группу, как запредельно-гениальное сознание **/ЗГС/**, с количеством уровней **Н5**. Эти уровни требуют отдельного рассмотрения.

2.

На протяжении всей своей жизни человек

каждый день сталкивается с массой проблем, задач, целей, которые старается разрешать, иногда более успешно, иногда менее. Сложность этих проблем, задач и целей, возможности их осмысления и последующего разрешения определяются, прежде всего, теми потребностями, которые возникают у человека по ходу жизни и тем, как человек, собирает их разрешить или удовлетворить. Разные потребности требуют от человека, как творческой личности, разных усилий, разного напряжения человеческих качеств, которые по-разному осмысливаются и отражаются в сознании.

Особенности творческого сознания, относящиеся ко II-IV группам, лучше всего понять через соответствующую им творческую деятельность. Для этого введем два понятия:

ВР-ТПЛ – вертикальная реализация творческого потенциала личности и

ГР-ТПЛ – горизонтальная реализация творческого потенциала личности.

ВР-ТПЛ характеризует стремление и возможности индивидуума по творческому освоению и использованию доселе ему неизвестных знаний. Благодаря чему происходит качественное их осмысление, с последующим переосмыслением личностью реалий бытия, что способствует развитию и формированию у нее увеличенного РПС.

В дошкольном, школьном, студенческом возрасте, это постижение новых знаний и нового опыта для себя – что ни день, то открытие. После получения образования, открытие нового знания, через новые интересы, через свою профессию, через общение в своей профессиональной группе (имеющей научную или прикладную ориентацию) ею ценимое, в ней чаще всего и реализующееся, через нее и востребуемое обществом. ВР-ТПЛ в этом случае профессионально значима и может стать при определенных условиях общественно значимой.

ВР-ТПЛ можно считать общественно значимой, в случае, если творческим индивидуумом познано и осмыслено ранее забытое знание или, тем более, познано и осмыслено новое знание, которое оценено и поддержано интеллектуальным слоем общества. В этом случае новое знание передается для осмысления и реализации единомышленникам, заинтересованным в нем людям, а в перспективе

и всему человеческому сообществу. Признаками ВР-ТПЛ для пользы всего человечества является: выдвижение новой гипотезы, формирование на ее основе новой теории, и как следствие – ее проверка экспериментом, опытом, а далее, корректировка этой новой теории уже в обобщенном виде, опять проверка опытом, и т.д.

Чем шире и глубже знания, которые необходимо усвоить, тем в большей степени от творческой личности /ТЛ/ требуется овладение умозрительными и абстрактными формами мышления, далекими от конкретики жизни. Для осмысления современных гипотез, выдвигаемых учеными, математиками, физиками, астрономами, биологами, представителями других наук, ТЛ необходимо развитое поле сознания, с большим количеством уровней отражения в сознании, освоенных при осмыслении реалий бытия. И процесс этот в будущем будет только усложняться.

ГР-ТПЛ присуща всем людям Земли, любого возраста. Человек, являясь малой частичкой человеческого сообщества Земли, живет не изолированно от людей, а среди них, тех, кто составляет население планеты. Население земного шара существует благодаря постоянному труду большинства для нужд потребления всех, для поддержания, развития и совершенствования условий жизни, науки, техники, искусства. ГР-ТПЛ реализуется в творческом подходе к практическим делам и устремлениям, в конкретной работе, результаты которой можно увидеть и оценить. При этом решаются проблемы выживания и потребления в текущей жизни, как в самом общем плане, так и в индивидуально-личностных интересах. ГР-ТПЛ закладывается в каждом человеке в детстве и юности. В основе её опыт родителей, предков, дидактически обработанные школьные и учебно-профессиональные знания, основы профессии, общение с учителем, педагогом, наставником, мастером. ГР-ТПЛ, как творческая характеристика, человеческой деятельности не стимулирует значительного расширения поля сознания, а, прежде всего, закрепляет уже достигнутый уровень, повышает приспособляемость индивида к жизни на Земле, к жизни в человеческом обществе. Признаками ГР-ТПЛ являются: стремление от обучения перейти к практике, от практики к обобщению, от него к

новой практике...

Многие виды творческой деятельности носят комплексный характер, имея в своем составе в том или ином соотношении, как ГР- так и ВР- составляющие. Однако достичь гармонии ГР-ТПЛ и ВР-ТПЛ часто является сложной задачей.

У большинства людей в течение всей жизни востребуется только малая часть возможностей их поля сознания. В первую очередь востребуется потребности примитивно рабочей или повседневно бытовой стороны жизни. Неправильный выбор жизненных приоритетов и неправильная расстановка жизненных акцентов, довольно часто является причиной не только неудовлетворенности человека своим положением в обществе, но и многочисленными жизненными драмам и даже к трагедиям. Можно вспомнить слова Л.Н.Толстого, записанные им в дневнике в 1904 году: **«Сколько есть людей всем недовольных, все осуждающих, которым хочется сказать: подумайте, неужели вы только затем и живете, чтобы понять нелепость жизни, осудить ее, посердиться и умереть. Не может этого быть. Подумайте. Не сердиться вам надо, не осуждать, а трудиться, чтобы исправить то дурное, которое вы видите»**¹.

В детстве и юности ВР-ТПЛ максимально личностна, она во многом определяет творческие возможности всей последующей жизни. ГР-ТПЛ при этом, – минимально личностна, поскольку практический опыт жизни в ее начале вообще отсутствует, а затем появляется, но все еще невелик.

По мере взросления и приобретения жизненного опыта ГР-ТПЛ начинает увеличиваться, а рост ВР-ТПЛ, постепенно снижается. Во взрослой жизни большинство людей стремится отвоевывать себе «место под солнцем», для чего реализует себя, пытаясь вписаться в окружающую непосредственно их человеческую, общественную и общественно – политическую жизнь, решая проблемы творческой самодеятельности, организации личного счастья и продолжения рода. Это отнимает

¹ Толстой Л. Н. – Собрание сочинений в 22 томах, том 22-й («Художественная литература», 1978 г.)

много сил и заставляет тратить основное время жизни на решение проблем собственного выживания, в надежде на улучшение условий личной жизни, на создание достаточного для своей семьи и своих потомков комфорта. Для этого творческий потенциал реализуется через творческое разрешение потребностей по горизонтали, через ГР-, через взаимодействие и контакты с представителями разных слоев и статуса общества. Мало кому удается при этом поддерживать значительную ВР-.

Сприближением завершающего этапа жизни ТЛ, постепенно меняется характер ее интересов, что в свою очередь влияет на характер и распределение её потребностей, возникает устойчивое преобладание ГР- над ВР-. Этот процесс объективен, поскольку начинается постепенный переход к периоду старения, но этот факт не должен являться причиной для отчаяния. Во-первых, многие этого просто не осознают, во-вторых, еще многие годы творческая деятельность личности востребуется человеческим сообществом, прежде всего, как потребность в творческой деятельности личности именно по горизонтали – через ранее достигнутую творческую тренированность головы и многообразие разных видов работ руками. А также с помощью приобретенных за годы жизни практических и теоретических знаний, для преподавательской деятельности, воспитания детей и внуков, молодежи, передачи им житейской и профессиональной мудрости, обобщения своего творческого и жизненного опыта, написания мемуаров.

3.

Традиционно-творческое сознание – ТТС – N2

Традиционно-творческая деятельность /ТТД/ – подразумевает творческое освоение, познание того, что неизвестно только конкретному человеку, но известно окружающим его людям – в быту, на производстве, в научной среде, армии. Освоение того, что можно почерпнуть из учебной, технической, научной, энциклопедической, художественной литературы, из других средств информации. Происходит освоение опыта, знаний, умений уже давно накопленных семьей, школой, деятельностью трудовых и научных коллективов, их закрепление как базовых, основополагающих для конкретной личнос-

ти, живущей и действующей в конкретных условиях. Это дает возможность творческой личности, в итоге, подняться в своём осмыслении полученных знаний и умений до уровня признанных мастеров своего дела, стать уважаемым семьянином, родителем, воспитателем детей. Такие родители, умеющие и знающие как воспитывать детей – это те, кто воспитывает их, основываясь на традициях семьи, рода, народа. Творческий подход в этом случае определяется преемственностью опыта бабушек и дедушек, желанием и предрасположенностью самих родителей к воспитательной и педагогической деятельности, их умением работать с разнообразными средствами информации, интуицией.

К сожалению, приходится сталкиваться с тем, что во многих семьях отсутствуют не только традиции, но хотя бы заинтересованно-творческий подход к воспитанию детей, в результате *мы имеем, наверное, несколько поколений взрослых людей, которые не знают, как воспитывать детей, поскольку сами не получили должного воспитания. Раньше этим занималась школа.*

Приобретение полноты этого опыта и умений позволяет растущему человеку максимально, как живому существу, и индивидуально, как творческой личности, приспособиться для элементарно-цивилизованной жизни (гарантированного выживания) и продолжения человеческого рода. Такая традиционная творческая деятельность способствует формированию традиционно-творческого сознания.

Традиционно-творческое сознание – /ТТС/ соответствует миропониманию людей, которые, вступая во взрослую жизнь, овладели основными знаниями и практическими приемами, полученными в процессе семейного воспитания, последующего обучения и приобретения первичного жизненного опыта. При этом такие люди не ставят перед собой задачу схватить очень крупного творческого «журавля», а довольствуются творческой, иногда крупной, но «синицей» в руках. Их развитие тормозится на стадии умения решать проблемы, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни. На протяжении человеческой истории для подавляющего большинства людей проблема выживания явля-

ется основной жизненной задачей, и весь их творческий потенциал, прежде всего, направляется на решение этой проблемы, и именно в этом направлении человечество накопило максимально наглядный опыт и результат. Каждое поколение родителей, приносяло своё понимание в обучение детей творчески приспосабливаться к реальным условиям жизни, но часто бывало и так, что умению выживать новый человек учился на собственном опыте, иногда очень жестоком.

Именно ТТС называют *бытовым, обыденным или обывательским сознанием*. Стремительное освоение нижних уровней ТТС (*мифологические уровни*) в детском и подростковом возрасте часто воспринимается как чудо (ВР-ТПЛ наибольшая). Сохранение детского восприятия жизни индивидуумом в последующие годы, продолжение отражения реалий бытия на тех же уровнях отражения в сознании сначала воспринимается как инфантилизм, а потом может сформировать у взрослого человека мифологическое отношение к окружающему миру, к причинам, влияющим на него, сделать его фанатом или, что еще хуже фанатиком. Люди с таким сознанием часто заводят себя в творческие тупики, а если реализуют себя, то нередко через творчески- и общественно- негативные поступки или виды деятельности. Причем степень образованности не имеет принципиального значения, если оно было получено для накопления суммы знаний, но при этом не осмыслено как возрастание возможностей восприятия сложностей окружающего мира.

На верхних уровнях ТТС раскрываются творческие возможности личности, позволяющие достигать значительных высот в самостоятельном или профессиональном прикладном творчестве, ремесленничестве. Если человек становится лучшим парикмахером, хлебопеком, кузнецом или шофером, изготавливает, например, модели самолетов и кораблей или строит их на самом деле, шьет одежду, крестьянствует на земле и т.д. – свою потребность в творчестве и творческой деятельности, он реализует, отражая в своем сознании все нюансы освоенной им деятельности. В таких случаях широко используется мелкая и крупная рационализация. Классическим примером выдающихся индивидуальных успехов, таланта, профессиональной

результативности таких людей может служить тульский Левша, подковавший блоху, или Данила-мастер из сказов Бажова. Сюда же следует отнести труд актеров и художников, которые, пройдя обучение, поставив голос, освоив кисть, резец, могут воспроизвести то, что было создано до них предыдущими поколениями. Могут создать и новое «творение», введя в свой труд элементы новизны отличные от приемов старых мастеров. К ним можно отнести и специалистов любой другой профессии, если они играют роль творчески реализующих себя исполнителей.

Высшие уровни ТТС могут стать уровнями *творчески эгоистическими*. К многочисленной категории людей с такими особенностями ТТС можно отнести профессионалов, самых разных специализаций, например выдающихся спортсменов, если их творческие интересы не выходят за рамки их же деятельности, а отношение к своему занятию, к своим тренерам, основаны на собственных физических и других личностных данных. **«...В социуме с его патологическими законами принято делать из тела культ, считать красоту тела чуть ли не высшей ценностью. Люди бытового сознания не знают, что у них есть кое-что несравнимо более важное – энергоинформационная сущность, истинное сознание, душа, вот и носятся с красотой тела, как с писаной торбой...»²**

Чем ближе к природе живет человек, тем лучше он ее знает и понимает, тем в меньшей степени он нуждается в дидактически абстрактных установках цивилизованного мира. Этот цивилизованный мир, вооружая человека большим объемом разнообразных знаний, в то же время формирует потребительское отношение к природе, неуважение к ней. **«В подростковом возрасте молодой человек может учиться, например, не очень хорошо, но в своей среде, при решении своих конкретных жизненных задач, нередко проявляет незаурядную смекалку и находчивость, подобно тому, как мальчик из африканских джунглей, кажется не способным к**

² Верицагин Д.С. – «Освобождение. Система навыков Дальнейшего ЭнергоИнформационного Развития» («Афина», ISBN 978-5-91271-011-7; 2012 г.)

решению абстрактных и типовых задач, но отлично справляется с не менее сложными задачами, которые ставит перед ним его собственное окружение»³.

При всем различии условий жизни и знаний этих детей, их сознание относится к ТТС, и им свойственны в одинаковой степени и лучшие, и худшие человеческие качества. И африканский мальчик, и подросток европейский реализуют одни практические задачи – задачи приспособления и улучшения выживания, отличаясь только условиями жизни и характером знаний. Знания и того, и другого служат одной цели, причем умения и знания европейского подростка не выходят за рамки положенных возрасту установок окружающего его общества, дидактических представлений полученных при обучении и в жизни. Отличие заключается в том, что один решает задачи выживания, являясь как бы частью окружающей природы, а другой, будучи частью более цивилизованных условий жизни, решает те же задачи на условиях своего социального окружения.

Известный всем принцип «*бытие определяет сознание*» наиболее наглядно себя проявляет на уровнях обывательского сознания. Ухудшение условий жизни, усложнение задач и проблем выживания способствует заикливание людей на их разрешении, ограничивая и принижая возможности их сознания, часто сводя осмысление ими реалий бытия к примитивизму, крайности, вплоть до жестокости. Если эти ограничения начинают формироваться в юные годы, у подростка, и если при этом нет условий для формирования достойной цели, то для подростка главным становится бутылка на троих, которая очень часто приводит к преступлению. Или наркомания и преступный путь жизни – что ещё более социально опасно.

Многие родители, стремясь к тому, чтобы их дети с большей пользой для себя и своего будущего преодолели сложный переходный возраст, сознательно или подсознательно, но стараются загрузить подростка разнообразными кружками, секциями, поручениями, не давая ему активно общаться с «улицей». Та-

ким образом, они интуитивно продлевают у своих детей период опережающего действия ВР-ТПЛ и способствуют активному повороту их к горизонтальным интересам в старшем, более «умном», стабильном возрасте, формированию реального поля сознания большей площади.

Нетрадиционно-творческое сознание – НТС – N3

Нетрадиционная творческая деятельность /НТД/ – творческое «*придумывание*» того, что неизвестно окружающим данную творческую личность людям, до чего они еще не додумались (например, через изобретательство и новаторство). Чем более знающим является окружение, тем человеку сложнее и почетнее, представить новый плод своих творческих усилий.

Нетрадиционно-творческое сознание /НТС/ - соответствует мышлению талантливых людей, пытающихся получить новый, творчески значимый результат. Созданное творческой личностью новшество (техническое или гуманитарное), становится достоянием других и, воспроизведенное и усвоенное на практике, превращается в доступный всем, дидактически обработанный материал. Это люди, для которых процесс выживания не является первейшей думой и заботой. У них богатый внутренний мир, с развитой способностью абстрактно мыслить и тонко чувствовать. Таким людям свойственно стремление к самосовершенствованию, которое они видят в осмыслении всей глубины своей профессии, своего собственного «Я». Они могут постигать глубины внутреннего мира других людей и таким образом прославить себя как выдающиеся поэты, артисты, медики, музыканты, искусствоведы, адвокаты, архитекторы и т.д. Их всех объединяет одно – они ищут *неизвестные грани* уже известной им и другим людям деятельности. К этой же категории талантливых творческих личностей относятся и те, кто свою творческую деятельность связал с инженерной разработкой, обеспечением и внедрением открытий ученых: конструкторы, технологи, исследователи, додумывающиеся в своей творческой работе до новаций и изобретений.

Деятельность всех этих талантливых лич-

³ Кон И.С. – «Психология ранней юности» («Промсвещение», ISBN 5-09-001053-6; 1989 г.)

ностей, как правило, способствует развитию творческого начала у людей других профессий, на практике реализующих их замыслы.

Гениальное сознание – ГС – N4

Гениально-творческая деятельность /ГТД/ – творческое открытие того, что неизвестно человечеству (*гипотеза – прорыв – осмысление того, что еще неизвестно всем*). Гениальность личности подразумевает, что, давая людям новые знания, она (эта личность) стимулирует их порыв к достижению уровня осмысления окружающего мира, которого он, гений, уже достиг и освоил.

Гениальное сознание /ГС/ – свойственно людям очень талантливым, ведущим творческую жизнь с высоким напряжением интеллектуальных, духовных сил с высокой степенью абстрактного мышления. Причем наивысший уровень отражения в сознании, достигавшийся самым гениальным человеком, не является максимально возможным, но до определенной поры не достигим другими людьми. По сравнению с другими, их РПС максимален, а потенциал сознания реализуется более полно.

К сожалению, иногда гениальные открытия годами и десятилетиями оказываются не востребованными обществом только потому, что им не осмыслена практическая (горизонтальная) ценность открытия. Общество, в этом случае, еще не подготовлено к восприятию совершенно нового знания, не возникает потребности в его практическом использовании, не готово к количественному расширению поля общественного сознания, а, значит, тормозится и расширение поля сознания индивидов.

В настоящее время решение проблем всего человечества (борьба с болезнями, экологическая безопасность, недостаточность энергетических ресурсов, опыты на новейших физических ускорителях и др.) осуществляется усилиями больших коллективов ученых и специалистов многих стран, с вложением в эти усилия больших денежных ресурсов. При таком подходе рано или поздно, но положительный результат достигается. В этом случае использован совершенно другой путь достижения высокого итогового результата. Говорить о гениальности конкретных творческих

индивидуальностей при таких обстоятельствах весьма затруднительно, но их участие положительно сказывается на результате общих творческих усилий.

«Секрет творчества – в сохранении юности. Секрет гениальности – в сохранении детства, детской конституции на всю жизнь... иметь ясное, прозрачное настроение, целостное восприятие мира и растить бескорыстную мысль – чтобы под старость можно было сказать, что в жизни взято все лучшее, что усвоено в мире, все наиболее достойное и прекрасное. И совесть не замарана сором, к которому так льнут люди и который после того, как страсть прошла, оставляет грубое отвращение»⁴.

Прекрасные слова преподобного отца Павла Флоренского о необходимости сохранения состояния детства и юности на всю жизнь, жизнь – в основе творческую, являются подтверждением наших рассуждений о стремлении сохранить на весь период активного человеческого существования преобладание ВР-ТПЛ над потребностями ГР-ТПЛ.

О внедрении гениальных открытий

Каждое гениальное открытие имеет свою историю внедрения, но между этими историями можно проследить некоторые общие черты. Сделав открытие, Гений постепенно обзаводится единомышленниками (впрочем, они у него могут быть и до открытия), дотянувшись своим сознанием до новизны его открытия. Появляется научная школа, кующая кадры последователей и доказывающая пользу этого открытия.

Когда потребность в использовании открытия становится у общества насущной, к его дальнейшей судьбе подключаются те, кто на уровнях НТС стремиться получить максимальную пользу от открытия, внедряя его в инженерную, техническую, гуманитарную практику, делая при этом массу сопутствующих открытию новых изобретений.

После извлечения максимальной творческой, инженерной, экономической пользы эта новая реальность приводится в удобный для

⁴ Павел Флоренский «Детям моим. Воспоминания прошлых дней» («АСТ» - ISBN 5-17-022085-5; 2004 г.)

ее познания (через обучение) вид и становится составной частью использования теми, кто реализует себя в практической (чаще эксплуатационной) деятельности и учебной работе на уровнях носителей ТТС. Учебное и практическое использование нового знания расширяет круг уровней дидактически освоенного поля ТТС, но при этом расположение групп уровней не меняется. Происходит их перераспределение. Освоение новых уровней носителями ГС стимулирует расширение поля носителей НТС, за счет которых, позднее расширяется поле носителей ТТС.

Гениальность Художника

Предложенный взгляд на понимание гениальности меняет принятое представление о понятии «гений». Мы часто употребляем термин «гений» к представителям разных направлений культуры, таким как живопись, скульптура, архитектура, музыка, литература, театр и т.п. Гениальные Художники (в самом широком смысле этого слова), выделяются среди других, не только тем, что имеют большое РПС, но и тем, что имеют высочайшую профессиональность и самобытность своего таланта, который позволяет выявить скрытые для других глубины и взаимосвязи человеческих отношений. Иногда такие художники имеют те или иные психические особенности, но при этом они остро чувствуют специфические особенности человеческого бытия, человеческой сущности. Они показывают жизнь людей ярко, полно, глубоко, своеобразно. И, тем не менее, при нашем подходе они не могут называться гениями. На наш взгляд лучше использовать другие слова, например: «*талантливый*», «*выдающийся*», «*неповторимый*», «*великий*» и им подобные.

Кроме того, есть еще один аспект данного подхода. Можно приветствовать стремление талантливых Художников, имеющих большое реальное и потенциальное поле сознания, пытаться реализовать свою потребность в творчестве через умение нестандартно мыслить и оценивать окружающие реалии, создавая при этом оригинальные, нетрадиционные, своеобразные произведения искусства. Но не надо забывать, что есть необычные и оригинальные произведения, созданные явно психически больными художниками (т.е. людьми, которые по жизни часто ведут себя неадекватно

даже нижним уровням ТТС). Они при всей их оригинальности не должны восприниматься обществом, как гениальные. Отдавая дань уважения медикам и педагогам, за их усилия по возвращению творчества таких больных в общественную жизнь, надо признать, что, к сожалению, общественная необходимость в таких произведениях искусства чаще всего сводится к потребностям рыночных отношений.

Гениальность ученого

Кого считать гениальным ученым? Это человек, который несет людям новое для них знание. Гениальность ученого состоит также в том, чтобы обобщать накопленные научным сообществом знания и сделать из них правильные обобщающие выводы. Высшим проявлением таких выводов является выдвижение новой более совершенной теории или гипотезы. Если посмотреть в историческом срезе, то, можно предположить, что одним из первых гениев, был тот неизвестный нам прапредок, которому первым пришла в голову идея использовать всепожирающий жар огня для того, чтобы взять его под свой контроль, обогревать им жилище и готовить на нем пищу. Вполне возможно, что таких гениев было много в разных концах Земли и на достаточно большом временном интервале. Древние греки считали, что огонь людям принес Прометей, за что боги наказали его. Скорее всего, так могло повезти только древним грекам, остальные жители Земли провидчески додумывались сами.

К числу гениальных открытий давних времен следует отнести также изобретение колеса, орудий труда, одежды, открытие вращения Земли вокруг солнца, и многое другое. Как нам сейчас представляется, эти открытия и последующее их внедрение в жизнь и быт древних народов резко продвинули их по пути более цивилизованной жизни, стали в корне менять их первобытную суть. Уровни сознания древних, соответствовавшие когда-то уровням ГС, сейчас соответствуют знаниям и мировосприятию детей, часто дошкольников, относятся к начальным уровням ТТС. Причем воспринимаются ими как само собой разумеющееся, дидактически обработанное, вписанное в нормы и правила человеческого общежития знание.

Если бы мы могли знать реальную историю и последовательность открытия новых знаний, их хронологию со времен первобытного общества и до наших дней, то смогли бы предлагаемые читателю умозаключения конкретизировать, а все, что здесь излагается, носило бы более конкретный рекомендательно-практический характер. Можно было бы с уверенностью сказать, какие реалии бытия, какие знания о нем в настоящее время, отражаясь в сознании индивидов, относятся к группе ТТС, НТС или ГС. Можно было бы определить, сколько уровней отражения в сознании индивида содержится в каждой из предлагаемых градаций. Но это невозможно, а, следовательно, надо приложить новые творческие усилия, искать новые, дополнительные подходы и пути для определения количества и распределения уровней отражения в сознании современного человека.

Дополнительные сложности возникают из-за того, что при обширности и разнообразии знаний, накопленных человечеством за свою историю, их в полном объеме не может суммировать, уместить и осмыслить ни одна ученая голова. Мировосприятие людей носило и носит весьма фрагментарный характер, несмотря на актуальную необходимость формирования комплексного мировоззрения. Поэтому пока не представляется возможным воспринять все эти знания, как составные части единого целого.

Может быть, по этим причинам человечеству так и не удастся ответить на вопрос: кто мы? откуда мы? зачем мы? Все объяснения носят характер гипотезы (*при научно-материалистическом подходе*) или веры (*при подходе научно-богословском*). Наш компьютеризированный век, способствуя накоплению все большего количества информации, дает возможность выразить себя в сети Internet все большему числу людей. Но при всем разнообразии этой информации, она все более плюралистична по отношению к ГР-ТПЛ, и все сложнее выудить из нее полезное для реализации потенциала собственной ВР-ТПЛ.

Придет время, появятся молодые ученые с настолько высокими значениями потенциалов своего сознания, что осмысление ими фиксируемых наукой все новых и новых фактов и знаний об окружающем нас мире будет приводить к появлению новых, более обобщаю-

щих научных гипотез и поднимать «планку» уровней ГС все выше и выше. Но как бы много не стали знать и осмысливать будущие поколения о Земле и Мироздании, предел их познания всегда будет ограничен верхней границей ГС самого гениального ума, живущего или жившего на нашей планете. Наука всегда будет ограничена неким пределом, поскольку она развивается «снизу-вверх».

С другой стороны, при научно-богословском подходе, итог познания и осмысления окружающего мира уже предопределен. В основе Мироздания лежит Божественное начало, организовавшее жизнь людей по принципу «сверху-вниз». Вопрос о том, может ли человечество, опираясь на приобретенный опыт цивилизационного развития и двигаясь «снизу» подняться до Божественных высот, продолжает оставаться риторическим.

4.

Изложенное выше находит, на наш взгляд, свое подтверждение в Библии. В первых главах Библии, посвященных сотворению человека, сказано:

Бытие. Глава 1

26.

И сказал Бог сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле.

Основываясь на данном стихе Ветхого Завета Библии применительно к нашим рассуждениям, мы можем определенно считать, что Бог, создав Адама по образу и подобию своему, предусмотрел для него и потенциальную возможность иметь сознание с бесконечно большим числом уровней, необходимых первому человеку для осмысления и отражения Божественного Мира. Эти уровни сознания расположены на вертикали, уходящей в бесконечность.

Бытие. Глава 2

19.

Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как

наречет человек всякую душу живую, так и было ей имя.

20.

И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника подобного ему.

Адам оправдал надежды Бога. Для того чтобы давать названия земным тварям, обладать ими и организовывать земную жизнь, Адам должен был обладать более совершенным, более гениальным сознанием, чем те наши гениальные предки, что придумали колесо или укротили огонь.

Сотворив первых людей на Земле по образу и подобию своему, Творец хотел, чтобы Адам, Ева и их потомки были чисты и не познали зла. После грехопадения прародителей человечеству было отказано и в бессмертии, и божественном всезнании. Возможности их сознания резко изменились после грехопадения, оно отклонилось от Божественной вертикали, ограничилось конечным значением.

Бытие. Глава 3

Сказал Бог:

19

В поте лица твоего будешь есть свой хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах превратишься.

И появилась горизонтальная составляющая ГР-ТПЛ, характеризующая с одной стороны, постоянное присутствие первородного греха в человеческой жизни, с другой – необходимость постоянного труда и обустройства изменяющихся условий жизни. Возможно поэтому, некоторые специалисты считают, что у современных людей есть внутри некая «заглушка», которая не позволяет им знать об окружающем нас земном и космическом мире больше, чем «предписано свыше».

5.

Вся организация жизни человеческой цивилизации направлена на преобладание ГР-ТП личности над ВР-ТП. У многих людей существует естественное желание раскрыть вертикальную результирующую своих потенциальных, творческих возможностей, но оно далеко не всегда реализуется. Социум, ограниченный своими историческими рам-

ками и системой государственного устройства, задает определенный набор общественно-значимых потребностей, в той или иной степени сдерживающих творческие интересы индивидов. Потребности возникают у каждого человека, как реакция, как путь приспособления индивидуальных особенностей характера и индивидуальных интересов личности к условиям и возможностям жизни, которой он живет в социуме. В настоящий исторический момент потребности землян, будучи суммой разнообразных потребностей разных народов и государств, реализуемых при разных возможностях людей, все больше привязываются к получению максимальных прибылей. Сошлемся только на одно мнение. Лоуренс Питер писал, что **«у каждого индивидуума есть набор потребностей, выстраивающихся в иерархический ряд. Как только удовлетворяются первичные потребности, связанные с поддержанием жизни, на первый план выдвигаются потребности в безопасности, затем следуют потребности социальные, потребности в утверждении престижа или своего «Я» и, наконец, потребности самореализации. Однако существующая система ценностей приравнивает успех к деньгам так, что обладание деньгами есть одновременно и успех, и символ успеха. Тем, кто не может выразить достижения непосредственно в денежных суммах, отводится невысокое место в иерархии общественного положения. Стремление произвести впечатление превратилось в такую неотвязную заботу, что внешние предметы успеха стали цениться больше, чем сам успех»**⁵.

Мнение Лоуренса Питера характерно тем, что вскрывает некий парадокс наших дней. Часто те, кто имеют реальное поле сознания в пределах ТТС, но распоряжается достаточно большими суммами денег (личных, корпоративных или государственных), устанавливают «правила игры» и влияют на тех, кто творит, имея реальное поле сознания своих возмож-

⁵ Лоуренс Дж. Питер «Принцип Питера, или Почему дела всегда идут вкривь и вкось» («Попурри» - ISBN 985-438-755-0, 1-56849-161-1; 2003 г.)

ностей на уровнях НТС и ГС. Впрочем, у этой проблемы глубокие исторические корни.

Возникая в раннем детстве, персональные потребности сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Потребности возникают постепенно по мере своего появления. Одни потребности единовременно возникнув, затем сходят на нет, другие возникают, от времени до времени. Но есть широкий круг потребностей, который сопровождает человека практически постоянно на длительных промежутках его жизни, иногда и всю сознательную жизнь. Чем больше человек познает окружающий мир, чем больше его эксплуатирует, тем шире круг его потребностей. Все многообразие человеческих потребностей, прежде всего, различается между собой по степени усилий необходимых человеку для их качественного осмысления. Уровень отражения в сознании каждой конкретной потребности определяется кругом интересов, помыслов, целей и задач, стоящих перед человеком и может варьироваться в зависимости от жизненной ситуации, не всегда являясь максимальным. В итоге, весь спектр потребностей осмысленных каждой ТЛ, может распределяться в широком промежутке уровней от ТТС до НТС, до ГС.

Анализируя человеческие потребности, можно представить с некоторой степенью достоверности, как они менялись и меняются от эпохи к эпохе, от поколения к поколению. Если человек очередного поколения, разрешая конкретную потребность, осмысливает ее, как и предыдущее поколение, то можно говорить, что эта потребность сохранила свое отражение в сознании на том же уровне. Если же привносится что-то ранее неизвестное или просто не учитываемое, и при этом качественно и позитивно меняется взгляд на потребность, то разрешение этой потребности осмысливается, реализовывается, в итоге отражается на новом, более высоком, свойственном теперь ей уровне. Если в настоящее время сложился определенный взгляд на степень реализации конкретной потребности, а человек оценивает ее по критериям прошлого, то это может являться признаком того, что эта потребность осмысливается человеком на более низких уровнях отражения в сознании, поскольку им не учитываются или не признаются реалии сегодняшнего дня. Бывает и

по-другому. Если последующее поколение не смогло перенять опыт предыдущего поколения по реализации конкретной потребности, то, «набивая шишки» оно осмысливает реалии данной потребности методом проб и ошибок, в новых условиях, с более низких уровней сознания, постепенно приближаясь к ранее существовавшим уровням осмысления и отражения.

Изменяясь количественно и качественно, потребности постепенно «раскручиваются», от простых к более сложным. Человеческая жизнь складывается из цепочек потребностей, и только реализации одних потребностей открывают возможность полноценно реализовываться следующим потребностям. Переход от реализации одной потребности к другой стимулируется потенциальным творческим началом, заложенным в человеке. К сожалению, на практике реализуемые жизненные потребности имеют, как правило, важную потребительскую ценность, но их творческая ценность часто невелика. Поэтому наличие таких цепочек может привести к возникновению мнения, что сформированное сознание становится консервативным (что терминологически неверно), поскольку при их разрешении не происходит заметного увеличения площади реального поля сознания. Таким образом, разнообразие потребностей и потребительских запросов людей далеко не всегда сопровождается улучшением их качественных свойства. Их осмысление и реализация, очень часто находят отражение на уже привычных, традиционных уровнях отражения в сознании, что не создает стимула к развитию более высоких уровней. *Каждый человек мыслит, действует и реализует свои потребности на любом из уже освоенных им уровней сознания, в зависимости от степени осмысления конкретных реалий и особенностей личности.*

Сформировавшаяся личность для реализации своей жизненной стратегии опирается на ряд конкретных потребностей, считая другие потребности сопутствующими, второстепенными. Такие опорные потребности при определенных обстоятельствах становятся доминантными /ДП/. Они не всегда осмысливаются человеком, но доминантные потребности имеются, как у каждой конкретной личности, так и каждого конкретного сооб-

щества и общества в целом. Набор ДП для человека индивидуален, и, в зависимости от его сути, выстраивается иерархия остальных потребностей. В разные периоды жизни у человека может быть разное количество ДП, по-разному строится и их распределение. Пользуясь своим приоритетным правом перед другими потребностями данной ТЛ, они стимулируют упорядочивание, сдерживание, торможение других потребностей, влияя на распределение иерархии потребностей, за счет ограничения уровней их реализации.

Приведённые здесь соображения являются общими и справедливыми, если жизнь отдельной личности и развитие общества, в котором он живет, идет эволюционным путем. К одной из форм такого развития общества относятся идеи **современного российского консерватизма**, консерватизма XXI века, как системы организации жизни общества, при которой властные структуры государства обязаны предлагать обществу продуманные и выверенные идеи дальнейшего эволюционного развития. Исходя из логики наших размышлений, общество можно считать консервативным, если сохраняется стабильность доминантных общественных потребностей на протяжении длительного ряда поколений. Эти доминантные общественные потребности сохраняют свое определяющее для общества значение даже в случае возникновения новых сопутствующих общественно значимых для него доминант при объективно обусловленном эволюционном его изменении. Постепенное расширение всего спектра потребностей общества является признаком развития общества, как эволюционной системы.

Стабильность доминантных общественных потребностей создает определенность, прогнозируемость, уверенность в завтрашнем дне, как у общества в целом, так и в семье и у каждого творческого индивида в отдельности. Если при эволюционном процессе развития общества, возникает новая общественная потребность, которая становясь доминантной, стимулирует развитие самосознания граждан, вплоть до уровней НТС, то ее влияние на общество можно считать позитивным. Общественно значимые ДП, сдерживающие развитие самосознания творческих индивидуумов на уровнях ТТС – являются непозитивными, ведут к конфликтам и дополнительному рас-

слоению общества.

Но, если в обществе находятся силы, которые начинают стимулировать, тем более насаждать, новые ДП, как приоритетные по отношению к традиционно существующим ДП, то может создаться ситуация, при которой нарушается естественный ход развития, существования и взаимодействия общественно значимых доминант. В зависимости от того, какие конкретные общественно-значимые доминанты и насколько правильно при этих обстоятельствах выберет ТЛ в качестве ориентиров для своей самореализации в изменяющемся обществе, будет определяться и то, насколько она раскроет и использует потенциал своих возможностей.

При стечении определенных обстоятельств в обществе возникает конфликт, при котором навязываемые, декларируемые ДП с одной стороны и привычные, естественные от рождения каждого ДП с другой стороны, приходят в неразрешимое противоречие. Прерывается естественный, эволюционный путь развития общества при постепенной преобладности доминантных потребностей. Возникает революционная ситуация.

В случаях революционных потрясений и других исторических катаклизмов условия выживания людей начинают резко ухудшаться. При этом происходят резкие колебания общественного сознания, меняется характер и распределение общественно значимых потребностей, прежде всего доминантных, уровни их отражения в сознании, что резко влияет на количество и качество индивидуальных человеческих потребностей. В итоге возникает конфликт между людьми, которые ориентируются на вновь формирующиеся цепочки ДП и теми, кто отстаивает старую систему ценностей и, соответствующих ей общественно-значимых ДП. Исторический опыт показал, что после революционных событий наступает период контрреволюции. Контрреволюционный период необходим для окончательного закрепления итогов революции после периода революционной смуты, утверждения у власти тех, кто сумел использовать ситуацию в свою пользу.

Революции ликвидируют существовавшую систему ДП общества и заменяют их на другую, новую систему общественно значимых доминант. Только молодежь, у которой еще

не успел сформироваться круг индивидуальных ДП на основе преемственности, способна безоговорочно принимать новую систему ценностей, с новыми ДП. На них и делает ставку новая элита. И как следствие: любые политические и экономические изменения в жизни государств формируют у новых поколений новые доминантные потребности, что в итоге приводит к существенному различию взглядов на жизнь между младшими и старшими поколениями. Чем быстрее происходят эти изменения, тем существеннее расхождения во взглядах на жизнь у разных поколений. Негативные обстоятельства, затрудняющие в этот период общественной жизни желание человека реализовать свои конкретные потребности, создают предпосылки к снижению реального поля сознания. Обстоятельства, способствующие расширению поля сознания, наоборот, возвышают личность, окрыляя ее и открывая новые горизонты. Следовательно, они способствуют реализации потребности на более высоком уровне отражения реалий бытия в сознании (большой негатив наверняка уже осмыслен, а большой позитив, может быть, данной творческой личностью создан или благодаря ней еще будет). При этом очень многое определяется обществом, общественным мнением, кругом общения внутри которого сформировалась и действует конкретная творческая личность, свойствами ее характера и способностями.

На формирование доминантных потребностей личности серьезное влияние оказывают чувства и эмоции личности.

6.

Чувства и эмоции людей разнообразят и расцветивают жизнь. При этом они или стимулируют или сдерживают познавательный процесс. Они вносят субъективизм в поведение людей и влияют на мыслительный процесс, на его итог «по сердцу». Если бы человек был существом беспристрастным, то мог бы, как компьютер, обрабатывать новую информацию, ее анализировать, раскладывать по полочкам, каждую потребность реализовывать по максимуму ее возможностей, реальное поле сознания стремилось бы достичь максимальных размеров. Но в жизни, как правило, так бывает крайне редко. Для примера рассмотрим некоторые черты характера и свойств человека в значительной степени

находящихся под влиянием чувств и эмоций.

Влюбленность – чувство, не способствующее адекватности оценки избранника реалиям жизни. Влюбленный человек и ведет себя и оценивает любимого человека, как «слепой», как «дурак». Он завывает «планку» такой оценки, видит в нем только то, что хочет или предполагает; недостатки – не замечает, не признает, не придает им внимания. Если потребность любить для влюбленного становится доминантной, то реалии жизни могут отражаться в сознании на более низких уровнях.

Самонадеянность, самовлюбленность, безапелляционность – эти качества личности по своей сути не расположены к развитию, изменению, корректировке, учету новых обстоятельств, мнений, явлений. Отражение реалий в сознании идет односторонне, не учитываются факторы известные окружающим, а иногда и более широкому кругу людей. Реальное поле сознания имеет тенденцию к занижению. Если положительный результат и достигается, то не за счет объективного осмысления задачи и поиска оптимальных решений, а за счет использования других характеристик личности – воли, наглости, упрямства и т.д.

Оптимизм – стремление расширить поле сознания при поступлении даже небольшой новой информации. Последствия расширения поля сознания оцениваются по завышенной оценке, что при определенных негативных обстоятельствах может привести к психологическому срыву или депрессии.

Пессимизм – ограничивает реальное поле сознания, т.к. при поступлении новой информации, нового знания не происходит качественного изменения сознания. Новые реалии осмысливаются и приравниваются к одному из уже освоенных и осмысленных уровней. В худшем случае приобретение новых знаний и новых фактов для осмысления может снизить уровень поля сознания для конкретной потребности и, таким образом, перечеркнуть уже приобретенный ранее опыт. К крайней форме пессимизма следует отнести цинизм, который став мировоззренческой основой ТЛ способен длительное время осложнять её взаимоотношения с окружающими людьми, принижая возможности её реализации.

Таким образом, и оптимизм, и пессимизм

не склонны к адекватной оценке для оптимального разрешения конкретной потребности. Первый завышает, а второй занижает объективную оценку и возможности реализации конкретной потребности.

Честолюбие – «...честолюбие добродетель в твои лета и с твоими средствами, но она делается недостатком и пошлостью, как человек уже не в состоянии удовлетворить этой страсти»⁶.

Влияние алкоголя, влияние наркотиков – в малых дозах при редком потреблении последствий может не иметь. В больших дозах и при частом употреблении закрепляется как сильно действующая доминантная потребность, потребность - вампир. Она примитивизирует мышление, сводя его к крайне низким уровням сознания. Превращаясь в доминантную над другими ДП, она подстраивает под себя весь круг потребностей, свойственных именно этому конкретному индивидууму. ГР-ТПЛ уменьшается, ВР-ТПЛ стремится к нулю. Площадь реального поля сознания уменьшается. Для сохранения своей собственной ГР-ТПЛ, своей личности, хотя бы номинально, алкоголику и наркоману приходится пускаться во все тяжкие и этим усугублять свое положение дальше.

О влиянии болезней – болезнь, которую человек, его физическое тело перебарывают, остается в памяти, как период дискомфорта. Дискомфорта неприятного, но со временем забываемого. Болезнь, если она берет человека в оборот, а впоследствии периодически напоминает о себе или что самое неприятное, берет верх над здоровьем человека, влияет, иногда очень сильно на жизненные приоритеты, жизненные взгляды человека. Болезнь вынуждает заострять на себе внимание человека. Болезнь, как жизнедеятельное, материальное образование, заинтересована в сдвиге жизненных интересов человека, его психических и психологических доминант в сторону подчинения их себе. Если ей это удастся, то постепенно интересы и взгляды человека все больше ограничиваются кругом его болезни, а жизненные ориентиры, как таковые, отходят на второй план. У некоторых больных при развитии болезни резко развиваются эго-

истические, себялюбивые тенденции, у них начинает «портиться» характер. Чем больше болеющий человек зависит от окружающих, тем более капризным он может стать. Если болезнь берет психологический верх над человеком, он как самооценку перестает существовать, он превращается в зомбированное болезнью существо. Примером может служить такая болезнь, как анорексия, которая является печальным следствием попытки через доведенное до абсурда голодание и потерю веса обеспечить свои мечты о карьере и семейном счастье.

Так происходит не со всеми. Некоторые больные находят в себе силы и мужество быть адекватными жизни до последнего часа. Такое поведение и есть, может быть, один из самых главных подвигов в жизни, самая главная мудрость жизни.

При определенных условиях уравновешивание эмоций и чувств, в результате упражнений и приемов позволяет оптимизировать самочувствие. Важное значение имеет также поддержание здоровья через использование медицинских рекомендаций, опыта народного целительства, наработок подвижников от медицины. По какой бы методике мы ни действовали, как только нездоровье перестало создавать дискомфорт в нашем теле, как только мы вернулись к нашему индивидуальному представлению о хорошем самочувствии, то добились главного, не превратили думы о своем здоровье в **доминантную потребность**. Такая потребность, имеющая исторически низкий уровень своей реализации, став доминантной, резко бы снизила уровни разрешения других наших потребностей, а в итоге снизилось бы реальное поле сознания, а, значит, понизилась бы степень отражения реалий жизни в сознании, снизилась бы творческая отдача от человека.

7.

Выводы

Если уважаемый читатель вспомнит, курс школьной математики, то сможет представить прямоугольную систему координат XYZ, как основу модели. По оси абсцисс откладываются годы жизни ТЛ, по оси ординат, уходящей в бесконечность, уровни рассмотренных четырех групп сознания, а по оси Z потребности. Каждая потребность имеет свою координату на оси OZ, но эта координата характеризуется

⁶ Л.Н.Толстой, «Утро помещика», Полное собрание сочинений, том 4, изд. «Художественная литература», 1935 г.

не точкой на оси, а интервалом. Длина интервала определяется количеством интересов, мотивов, целей, задач, предопределяющих формирование данной потребности. Каждой составляющей этого количества соответствует свой уровень ее отражения через потребность в сознании. Предлагаемый подход характеризует потребности степенью их осмысления и реализации, в зависимости от того, что предопределяло возникновение данной потребности, до какого уровня и группы сознания она будет достигаться.

Теперь можно получить представление о сложной пространственной форме графика, о хитросплетениях сознания и потребностей на протяжении всей человеческой жизни. Представляется, что этот график может служить основой для построения реальной модели жизни творческой личности, творческого индивидуума. Будучи построенным, он позволит творческому человеку и в порядке самоконтроля и при лонгitudных исследованиях наглядно представить зависимость сознания от взаимовлияния долговременных, текущих, сиюминутных, личных, общественных и других потребностей на протяжении жизни ТЛ.

Поскольку сознание формируется не только под влиянием потребностей, то данную модель, для ее полноты, необходимо дополнить другими факторами влияния, предусмотрев для них дополнительные оси. В итоге модель сможет наглядно демонстрировать всю сумму условий, взаимовлияющих на становление и жизнь творческой личности.

При лонгitudных исследованиях, с учетом их продолжительности и сложности целесообразно оценивать их еще по одному критерию.

Человеческая жизнь, человеческая судьба, которая анализируется на протяжении многих лет, десятилетий, может дать исследователям много разной, ценной информации. Но сравнительные выводы надо делать крайне вдумчиво, поскольку психологические особенности разных людей круга ТТС, НТС или ГС (и даже внутри этих групп) могут существенно отличаться. Как известно, для получения объективных выводов желательно сравнивать то, что потенциально сравнимо.

Определенным затруднением для практического использования модели является, как указывалось ранее, отсутствие научного обоснования единицы сознания, что вполне закономерно, поскольку нет и однозначного научно обоснованного понятия «сознание». Однако, рассмотренные подходы, позволяют с помощью модели ориентироваться и получать ответы на целый ряд вопросов, в системе относительных сравнений. Мыслится, что в перспективе контролировать, прогнозировать формирование потенциально-творческого сознания, движение от одного уровня отражения в сознании до другого можно с помощью специально разработанного тестирования. Контрольных тестов должно быть очень-очень много, чтобы не было смысла их репетировать, запоминать и передавать другим.

Результаты тестирования должны носить строго индивидуальный характер и не могут служить основанием для сравнения одной личности с другой. Результаты тестирования будут характеризовать прогресс в творческом развитии личности, от одного обследования до другого, в ее индивидуальном масштабе.

Valentin A. Dobrynin. Some approaches to the justification of a visual model of life creative personality

Summary

The article attempts to outline some approaches to justify the model of the human formation and life, as a creative person, with a certain objective and subjective dependence on the range of needs that define the limits of its capabilities. The development of a visual model will contribute to the understanding and control of the process of personal self-development of creative individuality and understanding of the process of education and formation of creative personality in the conditions of family and social influence and learning. A number of concepts that will allow everyone, from schoolchildren to pensioners, to assess consciously changes in their creative growth.

Keywords: creativity, creative personality, consciousness, needs, model.

О ВОСКРЕСЕНИИ В БИБЛИИ

Аннотация

В статье предлагается обзор истории возникновения концепта «воскресение из мертвых» в иудаизме и его развитие в новозаветном христианстве. Кроме того, обозначаются основные смысловые коннотации слова «воскресение» в Библии. Автор делает вывод о том, что в формировании терминологии, связанной с воскресением, большую роль играло представление древней ближневосточной культуры о том, что смерть и сон тесно связаны друг с другом. Идея воскресения хорошо выражается через метафору пробуждения и вставания от такого сна смерти, чтобы быть в бодрствовании полноты жизни. Далее показывается, что в Новом Завете воскресение мертвых связывается с воскресением Христа, в котором и начинается победа над смертью, которая закончится со Вторым пришествием. Новозаветные авторы описывают природу воскресшего тела с помощью образов небесных тел, а также сравнивают воскресших с ангелами, поскольку они подобны ангелам в их бессмертии и принадлежности к небесам, а также в их сиянии и славе на небесах.

Ключевые слова: Библия, Новый Завет, иудаизм, христианство, смерть, посмертная участь, воскресение, бессмертие, метафора.

Во многих современных картинах мира, определяющих специфический способ восприятия действительности того или иного народа, социальной или религиозной группы, в концепте «воскресение» (англ. resurrection, нем. Auferstehung, фран. résurrection) часто выделяется лишь его метафорическая часть, выражаемая словами «возрождение», «обновление», «восстановление», «возвращение к истинному я», «осознание себя». Однако в Библии, через прочтение и осмысление которой, слово «воскресение», по-видимому, и входит в русскую культуру, спектр его значений гораздо шире. Мы читаем о воскресении

Иисуса Христа на третий день после Его смерти и погребения, когда жены-мироносицы приходят к Его пустому гробу и получают откровение от ангела: «Его нет здесь – Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь» (Мф 28:6). Таким образом, Св. Писание подчеркивает для нас и то, что Его воскресение телесно и поэтому несводимо лишь к «обновлению» или «осознанию себя». С другой стороны, сами явления Воскресшего неоднозначны – Он появляется и исчезает, Его путают с ангелом или духом.

Новый Завет рассказывает не только о воскресении Христа, но и о воскресении мертвых. Так, апостол Павел пишет: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг,

во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор 15:51-52). Жизнь воскресших, также как и жизнь Воскресшего резко отличается от привычного земного существования: «сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения (Лука 20:35-36).

Итак, что же такое воскресение в Библии? Мы попробуем проследить историю возникновения этого концепта в иудаизме и его развитие в новозаветном христианстве, а также обозначим основные смысловые коннотации этого слова в Св. Писании.

Возникновение библейской веры в воскресение

Прежде всего, нужно сказать, что воскресение – это одна из центральных (хотя и не единственная) форм посмертного существования в иудаизме II в. до н.э. – I в. н.э. Сложно сказать определенно, когда сама идея о том, что мертвые могут снова ожить, появилась в иудейском религиозном сознании. Вообще, представления о полноценном посмертном существовании в телесном или бестелесном виде практически не встречаются в иудаизме вплоть до эллинистического времени (прим. до 334 г. до н.э.).

Вот как, если судить по текстам еврейской Библии, древний израильтянин в период до Вавилонского плена видел посмертную участь. В отличие от религий окружающих народов (Египет, Месопотамия), Ветхий Завет очень сдержан относительно того, что ждет человека после смерти. Израильская религия фокусируется на проблеме выбора между добром и злом и на идее завета, который подразумевает полноту и благословение жизни в этом мире без каких-либо аллюзий на жизнь после смерти. Кроме того, интерес к загробной жизни наверняка повлек бы за собой и разнообразные формы почитания мертвых или духов, что могло увести Израиль от строгого монотеизма, провозглашаемого в качестве нормы в библейской откровении.

Последним пристанищем мертвых служит Шеол. Это своего рода подземный мир, где души умерших продолжают существовать в

каком-то «теновом», неполноценном состоянии. Смерть, умирание воспринимается как разлучение с Богом и людьми, уход в этот потусторонний мир, куда не простирается рука Господня (Ис 38:11,18), но где лишь мрак и нет возможности видеть и понимать, и где его обитатели забыты всеми (Эккл 9:5,10). Человек высоко ценит жизнь, страшась смерти и глубоко осознавая свою смертность (2 Цар 14:14). Он стремится насытиться жизнью и умереть в преклонных годах, окруженным своей семьей (Быт 35:29). После смерти жизнь человека могла продолжаться в «семени», то есть в детях и, вообще, в жизни рода или клана (ср. Быт 38:8-26; Втор 25:5-10; Руфь 4:10).

Впрочем, и в древнем Израиле можно найти некоторые примеры «оптимистичного» взгляда на посмертную участь, например, когда речь идет о так называемой «хорошей» или «плохой» смерти. Так, Давид, наставляя перед смертью Соломона, велит ему уничтожить Иоава и не дать ему умереть в мире: «не дай седине его сойти в Шеол в мире» (3 Цар 2:5-6). Имеются также и явные примеры оживлений, которые мы видим в рассказах об Илии и Елисее (3 Цар 17:17-24; 4 Цар 4:18-37; 13:20-21).

И все же именно в библейском откровении мы можем найти богословское основание веры в то, что полноценная жизнь после смерти возможна. Только Господь – Источник и Владыка жизни, а также и Творец всего сущего. Итак, Бог властвует над жизнью и смертью: «Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю» (Втор 32:39). Хотя здесь еще не говорится прямо о возможности новой жизни после смерти, потенциально здесь эта идея содержится. Именно вера во всемогущество Божье, Его справедливость и любовь, которых можно достичь в полноте только после смерти, могла дать внутренний импульс к развитию представлений о жизни после смерти в иудаизме. Эта вера впоследствии реализовалась в готовности мучеников времен Маккавейских войн принять смерть за верность Богу и Его Закону. Они возложили всю свою надежду на Бога, Который может вновь дать им жизнь, и восстановить их тела, уничтоженные гонителями: «Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы теперь

не падите самих себя за Его законы» (2 Мак 7:23).

Оказавшись в Вавилонском плену, а затем и под властью эллинистических правителей, Израиль испытывал и влияние персидских и греческих религиозных идей. Действительно, хотя Гомер (например, *Ил.* 24.550) и Эсхил (*Еит.* 648) провозглашают, что воскресение как обретение вечной жизни невозможно, а Платон развивает идею бессмертия души как наиболее желаемую форму посмертного существования, для многих людей греко-римской культуры полноценное посмертное существование без тела выглядело неполным. Идеи Платона были популярны только в узком кругу философов. Для народного сознания истинное бессмертие, свойственное богам, подразумевало вечное единство души и тела и ... поэтому виделось практически недостижимым. Существовала и вера в то, что некоторые люди получили физическое бессмертие в теле после оживления или переселения в мир божественный (например, Ганимед у Гомера в *Ил.* 20.232–235, Менелай в *Од.* 4.561–569). Соприкосновение с персами и их зороастрийскими взглядами на посмертную участь также могло повлиять на формирование иудейских идей о воскресении, хотя это влияние можно считать более сложным, чем греческое. К основным точкам пересечения в персидской и иудейской мысли можно отнести идеи некоего блаженного посмертного существования и воскресения в новом теле (это зороастрийское верование было известно уже с IV в. до н.э.), а также связь воскресения с судом и воздаянием.

Несмотря на возможное внешнее влияние, несколько библейских отрывков могут служить основанием для дальнейшего развития веры в воскресение (например, Ос 6:1–2; Ис 26:19; Иез 37:1–14), в том числе и для формирования образов и терминологии, связанными с этой формой посмертного существования. При этом изначальный контекст этих отрывков далеко не всегда предполагал именно веру в воскресение, но чаще это было лишь пророчество о восстановлении Израиля и его возрождении как нации и государства. Ос 6:1–2, например, говорит о том, что израильтяне будут оживлены и воскрешены на третий день, чтобы «жить перед лицом Его». В Ис 26:19 мертвые метафорически названы «по-

верженными во прахе», которые проснутся и восстанут к жизни. Эта тема развивается и в других, более поздних ветхозаветных книгах, а также и в иудейских апокрифах. Наиболее явно вера в личное воскресение из мертвых в конце времен выражена в Дан 12:2–3. Автор этого текста усваивает и перерабатывает образы и язык Ос 6:1–2 и Ис 26:19, представляя воскресение через метафоры пробуждения и вставания от сна смерти:

И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда.

Здесь, в отличие от Ос 6:1–2; Ис 26:19 и Иез 37:1–14, которые говорят о возрождении Израиля через образы воскресения, напрямую указывается, что это пробуждение «спящих» праведников к «жизни вечной». Грешники, согласно этому тексту, также воскреснут, но для суда и наказания.

Формирование терминологии, связанной с воскресением

Как видно из приведенных примеров, достаточно общим словесным образом в изображении воскресения выступает пробуждение и вставание от сна. Этот образ и связанные с ним метафоры воскресения не случайны. Они больше, чем только лишь красивый языковой прием для выражения абстрактной идеи. Они связаны с представлением древней ближневосточной культуры о том, что смерть и сон тесно связаны друг с другом. Смерть часто описывается как сон, от которого невозможно пробудится. Так, например, Библия говорит о смерти как «вечном сне» (Иер 51:39, 57) или как о сне, от которого человек не может пробудиться «до скончания неба» (Иов 14:12). Сам Шеол как мир мертвых виделся как теневой и сонный, а души в нем существуют так, как если бы они спали, и не могли проснуться. Действительно, такие свойства сна как неподвижность, связанность и бессилие, по-существу, говорят о том, что его нельзя назвать полноценной жизнью. Соответственно, идея воскресения хорошо выражается через метафору пробуждения и вставания от тако-

го сна смерти, чтобы быть в бодрствовании полноты жизни. Так воскресение постепенно приобретает формы своего языкового выражения. Когда Ветхий Завет был переведен с древнееврейского на древнегреческий язык, терминология воскресения наиболее часто оказалась выражена формами греческих глаголов *anístēmi* («вставать», «подниматься») и *egeírō* («просыпаться», «вставать от сна»), а также существительными *anástasis* («вставание», «поднимание») и *égersis* («пробуждение»). Позже, именно эти слова и стали наиболее частыми репрезентантами воскресения в Новом Завете и более поздней христианской литературе. Важно отметить, что сами эти термины, связанные с метафорикой пробуждения и вставания, прямо не указывают на телесное воскресение, поэтому библейские авторы делают это дополнительно. Так, Евангелисты стараются предать явлениям воскресшего Христа более телесный облик, что хорошо видно в Лк 24:35–43, где Он предлагает ученикам осязать Его, чтобы убедиться в том, что Он имеет тело, и в Ин 20:24–27, где Он предлагает Фоме вложить персты в раны, чтобы удостовериться в истинности телесного воскресения.

Воскресение в иудаизме

В иудаизме идея воскресения была тесно связана с идеей «двух путей»: пути жизни, определяемом послушанием заповедям Божьим и пути смерти, как поведения, противного Богу и несогласующегося с Его заповедями. Со временем приверженность пути жизни стала восприниматься не только как основа земного существования праведника, но и как путь к жизни вечной. Действительно, в Ис 26:29 воскресение, это награда праведникам. Затем эта идея развилась в веру в то, что после Суда в конце времен праведникам будет дарована вечная жизнь (1 Енох 22:13; 102:4–8; 103:4; 104:2–6; 108:9–12; Псалмы Соломона 3:10–12; Книга Юбилеев 23:30–31). Однако в других текстах, таких как Дан 12:2–3 (см. также, например, 1 Енох 51:1–2; 3 Ездра 7:31–38; 2 Варух 30:1–5; 42:8; Пророчества Сивилл 4:181–182) воскресение происходит после Суда в конце времен. При этом воскресают и праведники, и грешники. После этого праведникам даруется вечная жизнь, а грешники будут наказаны и подвергнуты мучени-

ям. Несмотря на такие расхождения в иудейских взглядах на воскресение в конце времен, нужно сказать о том, что воскресение праведников могло восприниматься и как позитивная часть всеобщего воскресения, потому что только оно, по-существу, и является истинным воскресением к вечной жизни.

Кроме эсхатологического воскресения иудейская традиция знала и другой тип воскресения, которое можно было бы назвать индивидуальным. Оно напрямую не соотносится с концом мира и последним Судом, поскольку появляется в контекстах, связанных с посмертной участью отдельной личности. Примером такого воскресения служит и уже упомянутая выше история о мучениках времен Маккавеев (2 Мак 7). Здесь телесное воскресение обещано праведникам за их верность Закону вплоть до смерти и потери физического тела. Более того, 2 Книга Маккавейская показывает и истоки веры в силу молитвы за умерших: Иуда Маккавей молится за тех, кто пал в битве и приносит за них жертву за грех, чтобы очистить их от греха и сделать возможным их грядущее воскресение (12:42–45).

Несмотря на то неоспоримое обстоятельство, что иудеи верили в воскресение, необходимо сказать и то, что они по-разному понимали характер воскресения. Так, в одних текстах мы встречаем веру в телесное воскресение (см. 2 Мак 7; 3 Ездра и 2 Варух). Однако в Дан 12:2–3 воскресшие праведники обретут некое славное состояние и будут сиять подобно звездам и небесным светилам, наслаждаясь небесной жизнью в окружении ангелов. В древности звезды часто ассоциировались с ангелами, поэтому и воскресение мертвых могло представляться как своего рода превращение в ангелоподобное существо, живущее на небесах. Однако, прежде всего, сравнение с ангелами указывает на то, что праведные обрели бессмертие, подобное ангельскому, и стали сиять, потому что были удостоены славы небесной.

Итак, к началу I в. н.э. воскресение стало одной из основных форм посмертного существования, в которые верили иудеи. Кроме воскресения были также распространены верования в загробное бестелесное существование. Иные же, например, саддукеи, отрицали любую возможность жизни за гробом (Лк 20:27).

Воскресение в раннем христианстве

В новозаветном христианстве воскресение становится основной формой посмертного существования. Прежде всего, в Новом Завете идет речь о воскресении Христа, которое произошло на третий день после Его смерти на кресте и погребения (Мк 16:1–2; 24:1; Мф 28:1; Лк 24:1; Ин 20:1; ср. Ос 6:1–2). Для христиан, это воскресение – уникальное событие, произошедшее с одним человеком и, поскольку оно имело место не в конце времен, его можно отнести к индивидуальному типу воскресения. Апостол Павел говорит о связи между эсхатологическим воскресением мертвых и Вторым пришествием Христа (1Фесс 4:13–17). Более того, он соединяет воскресение Иисуса и эсхатологическое воскресение мертвых:

Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают; ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков (1 Кор 15:12–19; ср. Рим 6:5).

Далее Павел описывает эсхатологическое воскресение как процесс, состоящий из двух этапов (1 Кор 15:20–23), которые соответствуют двум категориям людей. Воскресший Иисус принадлежит к первой категории, Он – «первенец из умерших». Верующие во Христа принадлежат ко второй категории. Поскольку смерть вошла в этот мир после греха Адама, избавление от смерти приходит к нам через Христа (15:22) как нового Адама. Своей смертью и воскресением Христос побеждает смерть, и это служит основанием для грядущего воскресения верующих в Него (15:57). Итак, для Павла истинное воскресение, это воскресение тех, кто верен Христу (1 Фесс 4:14; 1 Кор 15:23). Он не говорит о том, что произойдет с остальным человечеством.

Возможно, апостол и не отрицает всеобщего воскресения, но ему важно подчеркнуть важность воскресения христиан, поскольку он пишет христианским общинам. Надо сказать, что автор Евангелия от Марка поступает схожим образом и не говорит о всеобщем воскресении (12:25; ср. 13:27). Между тем, другие новозаветные авторы говорят и о всеобщем воскресении, и о воскресении праведников (Мф 12:41–42 и 22:30; Лк 14:14; 20:35 и Деян 24:15; Откр 20:4–6 и 20:12–13; Ин 5:29 и 6:39; 11:25).

Как христиане видели само событие воскресения? Согласно Павлу, оно начнется с громкого возвещения о начале воскресения, затем раздастся глас архангела и звук трубы. Все эти громкие сигналы можно рассматривать и как метафору призыва к пробуждению тех, кто спит сном смертным. Пробудившиеся воскреснут и будут взяты на небо вместе с теми, кто на тот момент будет жив. Вместе, они встретятся со Христом, который сойдет с неба (1 Фесс 4:16–17; 1 Кор 15:52). Затем, Он победит и уничтожит смерть: «Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглочена смерть победою» (1 Кор 15:54).

Последнее, что мы рассмотрим, это вопрос о том, каким древние христиане видели воскресшее тело? Новозаветные тексты дают различные описания его природы. Так, Павел проводит аналогию между таким телом и небесными телами (1 Кор 15:39–41), отличая его от земной плоти и провозглашая, что «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия» (1 Кор 15:50). Поскольку земная плоть подвержена тлению, тело воскресения, это новая сущность более высокого порядка. Она нетленна, прославлена и духовна (15:42–44). Не останутся без изменения и те, кто на момент воскресения будет жив. Во время Второго пришествия их физические тела будут преображены и приобретут новое и славное состояние нетления и бессмертия (15:51). В Евангелиях воскресение мертвых описано с помощью терминологии, которая напоминает воскресение праведников в Дан 12:2–3: они сравниваются с ангелами и названы сынами Божьими (Мк 12:18–27; Мф 22:23–33; Лк 20:29–40). Также как и в Книге Даниила они подобны ангелам в их бессмертии и прина-

длежности к небесам, а также в их сиянии и славе на небесах.

В заключение, надо отметить, что новозаветные авторы не стремились заострить внимание на вопросах посмертной участи и дать подробную информацию о небесных тайнах и наградах, которые ожидают воскресших. Подобно Ветхому Завету, который приводит минимум подробностей о жизни после смерти, и старается сосредоточить внимание на том, как нужно жить перед Богом в этом мире, Новый Завет также оставляет без подробностей многие подобные темы. При этом ответ на главный вопрос получен: смерть побеждена Христом распятым и воскресшим. Смерть не разлучает человека с Богом, поскольку уже после смерти верующие соединяются со Христом (Флп 1:23) в ожидании воскресения. *Все остальное – второстепенно.*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сомов А.Б., «Библейские представления о посмертной участи» // Дорога вместе 1, 2010, 14-15.
2. Сомов А.Б., «Особенности представлений о загробной жизни в картине мира, отраженной в иудейской литературе периода Второго Храма и в Новом Завете» // Религиоведческие исследования 5-6 (2011), 74-90.
3. Сомов А.Б., «Концепт “воскресение из мертвых” в картине мира авторов библейской и околобиблейской литературы» // Религиоведческие исследования 7-8 (2013), 169-194.
4. Bauckham, Richard, “Life, Death, and the Afterlife in Second Temple Judaism” // *Life in the Face of Death*. Edited by Richard N. Longenecker. Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1998, 80–95.
5. Segal, A.F., *Life after death: a history of the afterlife in the religions of the West*. New York: Doubleday, 2004.
6. Endsjø, Dag Øistein, *Greek Resurrection Beliefs and the Success of Christianity*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Alexei B. Somov. About the resurrection in the Bible

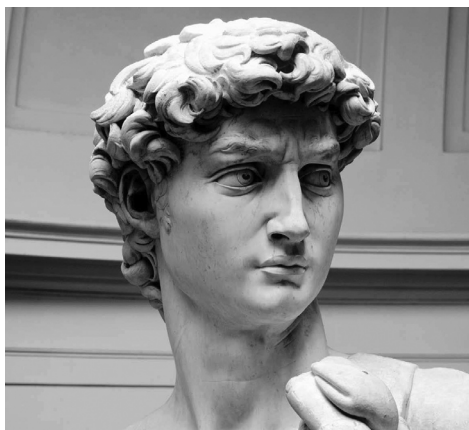
Summary

This article is devoted to a short survey of the history of the origin of the concept of resurrection from the dead in Judaism and its further development in the Christianity of the New Testament period. In addition, it describes basic semantic meanings of the word “resurrection” in the Bible. The author concludes that the ancient Eastern Mediterranean idea of the link between sleep and death played an important role in the formation of the terminology of resurrection. Resurrection is well represented by the metaphor of awakening and getting up from the sleep of death to be in the wakefulness of the fullness of life. Furthermore, the article demonstrates that in the New Testament the resurrection of the dead is linked to the resurrection of Christ, which inaugurates the victory over death. This victory will be accomplished in Christ’s Parousia at the end of time. The New Testament authors describe the nature of the resurrected body by means of the imagery of heavenly bodies and compare the resurrected ones with angels. Indeed, the resurrected are like angels in their immortality and celestial existence as well as in their radiance and glory in heaven.

Keywords: The Bible, New Testament, Judaism, Christianity, death, posthumous fate, resurrection, immortality, metaphor.

НИКОЛАЙ ГАРТМАН НА «ДНЯХ ФИЛОСОФИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ – 2014»

Обзор работы

Микеланджело «Давид» – эталонный образец для послойного анализа Н.Гартмана

21-22 ноября 2014 г. в рамках «Дней философии в Санкт-Петербурге – 2014», проведенных Институтом философии Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургским философским обществом при поддержке Российского гуманитарного научного фонда совместно с Комитетом по науке и высшей школе и Правительства Санкт-Петербурга состоялись круглый стол «Николай Гартман и культура XX века» (руководитель – д. филол. н., проф. С.В.Чебанов, секретарь – зам. директора Музея-института семьи Рерихов Ю.Ю.Будникова) и конференция «Николай Гартман и предельные вопросы» (руководитель – д. филол. н., проф. С.В.Чебанов, секретарь – к. мед. н. А.Л.Чужов).

Заседание круглого стола проходило на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета (в том числе, на кафедре классической филологии – Университетская набережная, 11), конференции – в Музее-институте семьи Рерихов (МИСР – 18-я линия В.О., д. 1). Всего в круглом столе и конференции приняли участие 17 человек, из них – 8 профессоров. Содействие и помощь в организации и проведении конференции оказали администрация и сотрудники Музея-института семьи Рерихов. В работе

конференции участвовали представители научных, учебных и практических учреждений Санкт-Петербурга (14 человек), Петрозаводска, Лондона и Иерусалима (по 1 человеку).

За 2 рабочих дня заслушано 10 докладов. Докладчики представили широкий спектр тем, прямо или опосредованно связанных с жизнью и трудами Николая Гартмана – от широких мировоззренческих (С.В.Чебанов, В.В.Емельянов, И.С.Дворкин, А.М.Буровский) до конкретных философских (Б.Ф.Шифрин, А.Л.Чужов) и биографических (А.Л.Верлинский, Ю.В.Линник, Ю.Ю.Будникова). Часть докладов (Ю.Ю.Будникова, Б.Ф.Шифрин, А.Л.Чужов) была подготовлена участниками постоянно действующего междисциплинарного эвристического семинара «Предельные вопросы» (руководитель – С.В.Чебанов).

Вводное слово **С.В.Чебанова** (СПбГУ), открывающее заседание круглого стола (21.11.2014 г.) было посвящено месту Н.Гартмана в истории русской университетской философии. Введя определение философии как аподиктического эмпирически нефундированного знания и противопоставляя ей так называемое любомудрие, рассматриваемое в качестве эмпирически фундированной всеохватности, выступающий сформулировал

основную проблему: можно ли говорить о традиции философствования в России, в русской культуре и принадлежит ли к ней Н.Гартман? Попытка позитивного ответа приводит нас к необходимости первым в ряду претендентов среди выпускников Санкт-Петербургского университета за все годы его существования поставить Николая Гартмана – получившего мировое признание творца новой онтологии (рис. 1).

Рис. 1. Философ Николай Гартман (1882–1950)

Рассмотрение органологических категорий «натурфилософии» Н.Гартмана (жизнь, формы и процессы жизни, сохранение формы и процесса, органическая детерминация, равновесие воспроизводства и смертность) в ретроспективе шумероязычных текстов древней Месопотамии конца III – начала II тыс. до н.э. было предпринято **В.В.Емельяновым** (СПбГУ) в его докладе, посвященном представлениям о предбытии в текстах шумерской литературы.

Б.Ф.Шифрин (ГУАП), основываясь на тексте книги «К основоположению онтологии» (1935)¹, показал, что осмысление Н.Гартманом онтологической специфики человеческого существования предполагает рефлексию некоторого «метафизического фона». По мнению докладчика, разработка позднее слоистой онтологии имела в качестве одного из исходных импульсов желание включить метафорические и образные представления в рефлексивно-контролируемый философский дискурс. Иными словами, онтологию Гартмана следует считать эмпирически фундированной, что могло бы быть

преодолено феноменологической редукцией (С.В.Чебанов).

Свой доклад о мотивах витализма в творчестве Н.Гартмана **Ю.В.Линник** (ПетрГУ, Петрозаводск) построил на анализе противоречивого отношения к нему Б.Л.Пастернака, который в период учебы в Марбургском университете свой первый доклад сделал 18 июня 1912 г. именно на гартмановском семинаре. Анализируя маршруты творческих исканий обоих, докладчик отмечает неявный, но очень глубокий – сущностный – параллелизм: оба круто повернули в сторону от неокантианства и совершили онтологический поворот – каждый в своём измерении совершили рывок к почвенному, вещному, жизненному, витальному. Для них телесное бытие во всех своих видах неоспоримо ценнее бытия идеального. Но виталистом в дришевском² смысле философ не был. Для такого размежевания есть две причины:

1. Понятие целостности, которое Г.Дриш связывал исключительно с жизнью, Н.Гартман распространял также и на небиологические образования.

2. Н. Гартман отрицал реальность энтелехии как нематериального фактора³.

Однако полемизируя с Гансом Дришем, он всё же признает в биологических явлениях «нечто иррациональное, метафизический проблемный остаток, непроверяемый и неразрешимый одновременно»⁴, полагает, что «своеобразие жизненного процесса остается метафизической загадкой»⁵. И все же, на место неуловимой энтелехии мыслитель ставит способность к самоорганизации, самовоссо-

² Дриш Г. Витализм: его история и система. / Пер. с нем. А.Г.Гурвича – М.: URSS, 2007. – 280 с.

³ Этот вопрос требует дальнейшего прояснения, поскольку Г.Дриш вводит представление об энтелехии двумя способами и далее отождествляет их. Необходимо прояснить, что именно ставится под сомнение одна из двух (вроде бы именно одна – энтелехия как Е-фактор) или же обе интерпретации энтелехии, а может быть их отождествление.

⁴ Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В.Медведева, под ред. Д.В.Скляднева. – СПб: Наука, 2003. – С. 90.

⁵ Там же. – С.91.

¹ Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В.Медведева, под ред. Д.В.Скляднева. – СПб: Наука, 2003. – 639 с.

зданию (*Selbstwiederbildung*), предваряя на несколько десятилетий теорию диссипативных структур. Для истолкования феномена жизни Гартман предлагает «бесцельное возникновение целесообразного»⁶ и «само собой сохраняющееся равновесие без субстанциональности»⁷.

Сфера живого для Николая Гартмана – промежуточная: «Именно здесь – большой пробел в нашем познании: своеобразный тип детерминации в жизненном процессе нам неизвестен. Это – причина, почему в нашем осознании живого либо каузальные, либо финальные представления постоянно выходят вперёд и затемняют тот факт, что своеобразие жизненного процесса остаётся метафизической загадкой»⁸.

Далее докладчик рассказал о тернистом жизненном пути автора лучшего отечественного исследования философии Гартмана – Татьяне Николаевне Горнштейн (1904–1980), которая была настоящей героической подвижницей подлинной философии. В начале 30-х годов прошлого века она вела в Физико-технический институте методологический семинар, на котором рассказывала будущим нобелевским лауреатам о Б. Расселе и Л. Витгенштейне. Она заведовала кафедрой философских вопросов естествознания в Ленинградском государственном университете. Будучи беспартийной, получила от самого С.М. Кирова почётное назначение директором Университета культуры для партийного актива. После убийства Кирова и последовавших гонений провела полгода в одиночной камере, долгие годы на Колыме и в Магадане, впоследствии – в спецпоселении в Ачинске. Ей пришлось дважды защищать докторскую диссертацию.

А.Л. Верлинский (СПбГУ) посвятил своё выступление подробностям связанного с Санкт-Петербургом отрезка жизни Гартма-

на. По завершении учебы в четырех старших классах немецкого училища (=гимназии) при кирхе Св. Екатерины на Васильевском острове (1897–1901 гг.) осенью 1902г. он поступил на Медицинский факультет Дерптского университета, но уже в 1903г., следуя влечению к философии, перешел на Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где до весны 1905г. посещал лекции по философии, истории и филологии. Основным его преподавателем в этот период был выдающийся философ-кантианец А.И. Введенский (Кафедра философии). Также он посещал занятия филологов-классиков Ф.Ф. Зелинского и Ф.Ф. Соколова, историков Э.Д. Гримма и И.М. Гревса. Прекратив из-за революционных событий в России занятия, Гартман, уже испытавший влияние трудов марбургских философов-неокантианцев Г. Когена и П. Наторпа, поступил в Марбургский университет, где учился в течение четырех семестров в 1905–1908гг. (с перерывом на зимний семестр 1907–1908гг.).

По завершении программы круглого стола проф. А.Л. Верлинский сделал сообщение об истории Кафедры классической филологии Санкт-Петербургского университета (которая располагалась во времена обучения Гартмана в здании 12 коллегий) и её библиотеки.

Заседание конференции (22.11.2014г.) было открыто сообщением **С.В. Чебанова**, посвященном слоистой онтологии Николая Гартмана и ее отношению к так называемым предельным вопросам. В этом сообщении Н. Гартман рассматривался как последний в европейской традиции создатель философской системы, причем системы онтологии, что вообще является редкостью для XX века, озабоченного аксиологией, этикой, эпистемологией. Поэтому новая онтология Гартмана привлекает особое внимание. Наиболее яркой чертой философии Гартмана при этом является выделение разных слоев онтологии, а не признание однородности бытия. Такая слоистость прослеживается им не только в онтологии, но в этике и эстетике. Принципиально важно разобраться при этом в природе слоистости и выяснить, не имеет ли место здесь неявное фундирование философского знания эмпирическими данными. Если же такое фундирование отсутствует и слоистость выявляется, например, методом феномено-

⁶ Гартман Н. Этика / Пер. А.В. Глаголева. – СПб: Владимир Даль, 2002. – С. 239.

⁷ Hartmann N. Philosophie der Natur. Abriss der speziellen Kategorienlehre. – Berlin: De Gruyter, 1950. – S. 468.

⁸ Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В. Медведева, под ред. Д.В. Складнева. – СПб: Наука, 2003. – С. 91.

логической редукции, то рассмотрение такой слоистости может быть отнесено к сфере предельных вопросов (точнее, запредельных ответов на них). При этом встает вопрос о методе феноменологической редукции как средстве работы с предельными вопросами.

А.Л.Чужов (Пушкинский ПТД СПб ГБУЗ) свой доклад посвятил анализу взглядов Николая Гартмана на психофизическую проблему. Ссылаясь на фундаментальный труд Т.Н.Горнштейн⁹, докладчик сообщил, что, полагая ментальные состояния онтологически отличными от физических процессов, Н.Гартман, тем не менее, в поздний период своего творчества свою позицию радикально изменил. В таких своих сочинениях как *Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis* (1921) и *Der Aufbau der realen Welt* (1940) он ограничивает причинность исключительно неорганическим слоем, отрицая тем самым причинность психофизическую. Его позиция в этот период неотличима от дуализма картезианского типа (психофизического параллелизма). Позднее, как свидетельствует анализ текста *Philosophies der Natur* (1950), отношения сознания и тела ему представлялись уже отношениями *sui generis*, подобными не пространству, а времени. Связь объект и субъекта по Гартману дана нам в качестве феномена. Структуру и механизмы этой детерминации, названной им транскаузальной, он полагал загадочными и непознаваемыми (*resp.* апоприя знания). Следует отметить, что психофизическая проблематика в позднем периоде творчества уходит из поля интересов философа. Вероятно, это связано с отмеченным С.В.Чебановым быстрым размытием в XX в. категорий «физического» и «психического», и все отчетливее обозначившимся тупиком психофизической проблемы. Такой подход А.Л.Чужов назвал «инструментальным скептицизмом» и высказал предположение, что в наше время, когда в рамках аналитической философии происходит острая дискуссия по этому вопросу между физикалистами, функционалистами и антифункционалистами, Николай Гартман принял бы точку зрения

последних.

Речь **А.М.Буровского** («Издательство Андрея Буровского»), вызвавшая бурный отклик у аудитории, была сконцентрирована на проблеме изменения роли профессиональной философии в современном мире. Основываясь на так называемых «ступенях бытия» Аристотеля и разработанной им «лестнице существ», докладчик показал, что на текущем историческом этапе каждый человек является самому себе и ученым, и философом и это предрешиено самим фактом его существования. Обобщая социальную практику последнего тысячелетия истории цивилизации, докладчик делает вывод, что в основе формирующихся таким образом личных мировоззрений лежит оценка эффективности или, напротив, не эффективности того или иного подхода. Действие такого отбора оказывается сродни естественному отбору в дарвиновском смысле.

Ю.Ю.Будникова (МИСР) рассказала о параллелях жизненного пути Николая Рериха и Николая Гартмана, остановилась на причастности обоих к культурной среде Петербурга того времени. И тем более удивительным оказывается различие их конкретных взглядов, интересов и личных приоритетов. На вопрос является ли Н.Гартман русским философом, докладчик ответила, что это так, ровно в той степени, в какой Санкт-Петербург является русским городом.

В докладе **И.С.Дворкина** (Иерусалимский университет) основной акцент был поставлен на осмыслении факта перехода Н.Гартмана от неокантианства к феноменологии с сохранением, тем не менее, характерной для неокантианства проблематики исследования, в частности – проблем этики. Это требует подробного рассмотрения, так как для феноменологии этика является чужеродным элементом. Гартман пытается вывести этику из неокантианского негативного методологизма в область позитивной аксиологии: от вопроса о субъективных предпосылках к вопросу об объективных ценностях. В предисловии к книге он пишет: «Питая традиционный для Нового времени интерес ко всему субъективному, философская этика XIX века ограничивается анализом нравственного сознания и его актов. Задуматься об объективном содержании нравственных требований, заповедей,

⁹ Горнштейн Т.Н. Философия Николая Гартмана. (Критический анализ основных проблем онтологии). – Ленинград: Наука, 1969. – 278 с.

ценностей ей в голову не приходило»¹⁰.

Гартман пишет свою «Этику» в Марбурге в 1925г. Следующим образом он отзывается на популярные в те годы идеи Бубера, Розенцвейга и их круга: «Фундаментальный феномен «Я и Ты» одновременно разделяет и связывает их. Единство и противоположность соотнесены друг с другом. Но их соотнесенность иная, нежели у субъекта и объекта в познании. Оба суть субъекты, и оба – объекты» и «Именно это фундаментальное отношение «Я и Ты» в конечном счете делает невозможным теоретически разорвать эгоизм и альтруизм»¹¹. Отход от формализма и методологизма неокантианцев, от негативного к позитивному приводит Гартмана к Аристотелю. Этика Гартмана как и у Аристотеля становится продолжением онтологии.

1925г. – плодотворное время для Веймарской республики в условиях обостряющихся социальных и этических проблем. Однако Гартман продолжает заниматься академической этикой ценностей и эти проблемы его не трогают. 2-е издание выходит в Берлине в 1935г. без изменений. В 1948г. выходит 3-е издание, в предисловии к которому Гартман отмечает, что вносить изменения причин он не видит. В связи с этим докладчик задает вопрос: какова ценность такой этики ценностей,

которая не реагирует на реальность?

После закрытия конференции **Ю.Ю.Будниковой** была проведена экскурсия по выставке Музея-института семьи Рерихов (рис. 2), посвященной 700-летию величайшего подвижника земли Русской преподобного Сергия Радонежского.

Рис. 2. Санкт-Петербургский Государственный Музей-институт семьи Рерихов (особняк академика М.П.Боткина)

Подводя итоги работы круглого стола и конференции С.В.Чебанов отметил, что главные цели, поставленные перед этими мероприятиями – новое «открытие» личности Николая Гартмана и введение его философии в научный обиход, выполнены, хотя и не в полной мере, тем не менее, некоторый прогресс в этом достигнут был.

Материал подготовили: А.Л.Чужов, С.В.Чебанов.

¹⁰ Гартман Н. Этика / Пер. А.В. Глаголева. – СПб: Владимир Даль, 2002. – С. 83.

¹¹ Гартман Н. Этика / Пер. А.В. Глаголева. – СПб: Владимир Даль, 2002. – С. 146.

«ГОСПОДЬ ВСЕ ДЕЛАЕТ ТОЛЬКО К ЛУЧШЕМУ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА»

Интервью со священником, д.м.н., профессором Г.И.Григорьевым¹

Трудно, я думаю, найти человека, более подходящего для разговора на заданную журналом тему, чем доктор Григорьев. Будучи профессиональным врачом-психиатром – доктором медицинских наук, профессором он вот уже более 35 лет занимается извлечением людей от вредных привычек и зависимостей, приводит многих своих пациентов в ограду Церкви, их силами за пять последних лет построен великолепный храм в Юкках, настоятелем которого по благословению священноначалия он стал.

– Отец Григорий, разговор на тему «Жизнь. Исцеление. Воскресение» хотелось бы начать с достаточно философского вопроса: от кого или чего, по-вашему, зависит жизнь человеческая, ее продолжительность и качество – исключительно от воли Божией, от самого человека и его образа жизни, либо от каких-либо внешних факторов – генетики, успехов здравоохранения, экологии и т.п.?

– Воля Божья дает человеку безграничные возможности, оставляя за ним право выбора самому изменить свою судьбу. Мы знаем, что Господь может все, но он не может сделать человека святым. Только сам человек решает какую дорогу ему избрать: путь святости, или путь греха.

Господь все делает только к лучшему для человека

– Почему же тогда умирают молодые, почему гибнут дети, особенно безвинные – не успевшие ничего еще осознать и определиться с выбором пути? События в Украине пока-

зывают нам множество жертв, казалось бы, случайно попавших под обстрел, погибших от осколков, под завалами зданий, от шальных пуль. Им же никто не дал шанса подготовиться и сделать что-то для спасения своей души...

– Господь призывает душу человека когда она созреет, подобно тому как созревают плоды земные. Неважно, сколько лет человеку – значит, душа его прошла свой земной путь в этом мире. Я верю, что *Господь все делает только к лучшему для человека*, иначе вечность теряет свой смысл...

При этом главным условием попадания в Царствие Небесное является, я думаю, максимальное усилие самого человека, ведь «Царствие Небесное силою берется и прилагающий усилие восхищает Его». А также великая нужда человека, ведь как сказал Спаситель: «Ищите прежде Царствия Небесного и правды Его». И, конечно же, беспредельная Божия милость. Это устремление души человека к Богу превыше всего.

– Так что же тогда, не нужно делать добрых дел, проявлять милосердие, помогать ближним?

¹ Беседу вела Светлана Троицкая

– Нужно, конечно, дела милосердия крайне важны, ведь творя добро, мы встречаемся с живым Богом. Но, не следует надеяться, что через дела мы спасемся, добрых дел нам всегда не хватает. Мы спасаемся, в первую очередь, по беспредельной Божией милости. Но и одно доброе дело бывает крайне важно, даже оно может послужить спасению души. В жизнеописаниях святых св. Димитрия Ростовского рассказывается об одном случае из жизни св. Григория Двоеслова. Однажды, проходя по развалинам римского ареопага, он вспомнил, что здесь когда-то царствовал один из римских императоров, который при жизни был жестоким завоевателем и тираном. Непостижимым Божиим промыслом св. Григорий понял, что душа злого правителя мается в аду и почувствовал, что за него необходимо помолиться. Хорошо зная жизнь данного человека, он постарался вспомнить хоть одно доброе дело этого тирана, ради которого можно просить у Господа о снисхождении к его посмертной участи. Святому подвижнику вспомнился один случай когда на пути царского войска перед ним предстала бедная вдова и смело просила императора о денежной компенсации за смерть ее мужа и обоих сыновей, погибших в сражении в его войске. Удивившись подобной дерзости, правитель сдержал свой гнев и пообещал выполнить ее просьбу по возвращении из похода. Но женщина не унималась и заявила, что император сам может погибнуть в этой войне и потребовала выдать ей деньги немедленно. Все подданные ждали немедленной и жестокой расправы над бедной вдовой, но неожиданно для всех злой диктатор сжалился над ней и приказал выдать деньги. Именно этот поступок и позволил святому св. Григорию вымолить погибающую душу из ада. Так что и одно доброе дело может нас спасти, если за нас станет молиться святой подвижник.

Спасение возможно и на смертном одре

Мне вспоминается история, произошедшая с одним известным психиатром. Я столкнулся с ним в 1993 году накануне защиты своей кандидатской диссертации. Мне надо было сдавать ему экзамен по наркологии. Он был выдающийся специалист в этой области.

Я очень волновался, так как моя психотерапевтическая работа по исцелению людей от пьянства проводилась под окормлением Русской Православной Церкви, а профессор этот был некрещеный. К моему удивлению, он проявил живой интерес именно к моему сотрудничеству с приснопамятным протоиереем Василием Лесняком. Он задавал мне много вопросов, из которых я понял, что он достаточно хорошо осведомлен в вопросах взаимодействия медицины и церкви в дореволюционный период. Именно его поддержка очень мне помогла на защите.

А через год после защиты, когда я был на службе в храме Ефросиньи Полоцкой в Белоруссии, мне позвонили и сообщили, что он умер. Вспомнив все добро, которое он мне сделал, я стал за него молиться на Божественной Литургии, не подавая записки в алтарь – зная, что он некрещеный. И вдруг перед моим мысленным взором появился его образ – радостный, сияющий, в белых одеждах... Я был немало удивлен этому, а, уже вернувшись в Петербург, узнал, что за день до смерти профессор крестился и причастился Святых Христовых Тайн прямо в отделении интенсивной терапии.

– То есть уже на смертном одре человеку хватило мудрости и мужества, чтобы развернуть себя в другую сторону и направить свою душу ко спасению?

– Думаю он и раньше шел ко Христу, но перед смертью узаконил эти отношения.

– А если все-таки рассмотреть вопрос продолжительности и качества жизни человека вне духовной составляющей, то какие все же факторы являются приоритетными?

– Я считаю, что на 80 % здоровье человека зависит от его генетики и наследственных факторов, на 10 % – от его образа жизни, и на 10 % – от успехов медицины.

– Так мало зависит от самого человека? Я была убеждена, что образ жизни во многом определяет здоровье и качество жизни человека.

– 10 % не так уж и мало, а если человек, к тому же будет знать свои наследственные потенциально слабые места, то сможет их защитить. В общей сложности это уже будет 20 %. И в этом смысле встает вопрос об ответственности человека перед последующими поколениями.

Что касается медикаментозного лечения,

то здесь нужна предельная осторожность при назначении лекарств тому или иному человеку. Как сказал один известный врач: если я назначаю больному одно лекарство, то я знаю, как оно подействует, если два – предполагаю, если три и более, то последствия такого лечения уже совершенно непредсказуемы, ибо мы не всегда знаем, как подействует на организм сочетание нескольких химических веществ: положительно или отрицательно. И все же иногда без лекарств не обойтись.

**Господь слышит любую мысль,
тем более крик**

– Более 25 лет Вы являетесь директором Международного института резервных возможностей человека, куда обращаются за помощью люди, страдающие различными формами патологических зависимостей. За эти годы через Вас и Ваш институт прошло более 130 тысяч зависимых людей. Как Вы думаете – их обращение за помощью было продиктовано их личным желанием к исцелению или желанием их родственников?

– Чаще больные приходили на лечение по желанию близких. Думаю, это правильный и хороший поступок – послушать своих близких, пойти им навстречу, пожертвовать своей страстью. Я не знаю, в какой степени в их исцелении было мое личное участие. Лечит врач, а исцеляет – Господь. Но всегда эти люди мне помогали встретиться с Богом, и за это я их очень люблю. Господь слышит любую мысль человека и всегда ему помогает, если человек Его просит.

– Но ведь чаще всего человек не считает себя зависимым и идет на лечение лишь под давлением родственников.

– Да, и задача врача в том, чтобы человек осознал себя больным и попросил о своем исцелении Бога. Чтобы человек сам крикнул: «Господи, помоги мне спастись!». Господь обязательно услышит этот крик. В Ветхом Завете в послании Иисуса сына Сирахова сказано: «Человек, прогневавший Бога, да предастся в руки врача». Посредник между Богом и человеком необходим, чтобы человек не возгордился. Вот таким врачом – стоящим между Богом и человеком – хочется быть.

– А если человек упирается и не хочет сам обращаться за помощью, стоит ли род-

ственникам зависимого человека молиться за него, читать регулярно молебны и акафисты у иконы «Неупиваемая Чаша», как это делается во многих приходах?

– Конечно – стоит. Ведь нельзя же бездействовать когда близкие гибнут. Молиться за болящих, конечно, нужно, даже если польза от этого для страждущих будет менее 1 %.

Сегодня в церковных обществах трезвости состоят в основном родственники пьющих, порой на 90 % и более. До революции все было наоборот. У основателя Всероссийского Александро-Невского братства трезвости священника Александра Рождественского в обществе было более 70 тыс. человек. 90 % из них составляли сами отрезавшие люди и лишь 10% – их родственники.

– Как Вы относитесь к проблеме помощи созависимым?

– Созависимые – это собутыльники, пьющие вместе. По отношению к родственникам пьющих применима поговорка: «Сколько водки выпито, столько слез пролито». Такие люди всегда находятся в состоянии невроза. Думаю, этот диагноз более корректен, чем термин – созависимость. По отношению к ним особенно значимы слова прп. Серафима Саровского: «Спасись сам и тысячи возле тебя – спасутся». Так что надо спасать себя – «...стяжать мирен дух». Это значительно более поможет больным, чем душеспасительные пьяные беседы или стрессы в период выхода из запоя. Тогда и близкому человеку, может, от пьянства своего избавиться захочется...

– Как Вы относитесь к групповой работе с зависимыми людьми?

– Иногда такая работа необходима. Но она должна быть строго регламентирована и ограничена во времени. Больных полезнее помещать в здоровую среду, нежели больную. Иногда реабилитационные центры крайне необходимы, но лишь на время, а дальше необходима реабилитация в здоровой среде. Древнегреческий философ Софокл сказал: «Разум человека вырастает сообразно тому, что встречается ему в пути». Одноименная русская поговорка говорит: «С кем поведешься – от того и наберешься». И ап. Павел нас предупреждает: «Худые сообщества развращают добрые нравы». Наркоманов нужно обязательно развлекать здоровыми людьми, лучше всего погружать их в крепкий сплочен-

ный приход. Для зависимых людей крайне важна мотивация, а она появится сама собой, если они в здоровую трезвую среду вольтуются, увидят любящих людей вокруг себя.

История чудесного исцеления и испытание веры

– Сегодня, после воскресной Литургии Вы поставили перед алтарем рядом с собой одну девочку и поблагодарили всех собравшихся за молитвы об ее исцелении, сообщили, что страшный диагноз с девочки снят, и попросили за нее дальнейших молитв, дабы благополучно завершилось ее лечение. Можете рассказать эту чудесную историю подробнее?

– Да, хотя поначалу мы не хотели предавать ее огласке. Затем все же посчитали, что для ребенка важнее подключение к молитве как можно большего количества верующих людей, искренне просящих Бога об ее исцелении. В итоге за нее мы всем миром молились – все батюшки из Иоанно-Предтеченского братства «Трезвение», два синодальных отдела, монахи с Афона, из Израиля и многих других монастырей. Я 15 дней подряд служил Божественную Литургию и каждый раз причащал ее Святых Христовых Тайн и соборовал. В этом деле меня очень поддержал епископ Выборгский и Приозерский Игнатий, председатель Синодального отдела по делам молодежи. А потом мы ее отправили в Германию.

– А что, все было настолько серьезно, что местные врачи не справились бы, даже при Вашем обилии знакомств в медицинском мире?

– Здешнее обследование и компьютерная томография с контрастным веществом показало наличие серьезного онкологического заболевания – остеосаркомы. Проконсультировавшись со знакомыми врачами, мы решили выполнить их рекомендацию и отправить ее в Германию, причем важно было это сделать как можно быстрее. Мы послали диски с записями компьютерной томографии с рентгеноконтрастным веществом в клинические центры Гамбурга и Дюссельдорфа. Там диагноз подтвердили и рекомендовали как можно быстрее приехать на обследование и лечение.

Когда же девочка со своей мамой прошли полное обследование в г. Киль, где находится лучшая детская клиника Германии, то все

признаки онкологического заболевания исчезли.

– Чем же объясняют это сами немцы? Вряд ли они верят в силу молитв и Таинств...

– Они очень удивились и не смогли дать внятного объяснения произошедшему. Но наши прихожане, все кто молились, и я лично верим, что Всеблагий Господь по молитвам людей сотворил чудо.

Разделяется Церковь – разделяется и Государство

– Я знаю, Вы посвятили одно из своих еженедельных выступлений в программе «Точка опоры» на православном канале «Союз» событиям на украинской земле...

– Да, и эту передачу посмотрело в интернете уже несколько тысяч человек. Поводом к разговору послужили вопросы зрителей, интересующихся странным, нелогичным поведением воюющих там людей. Есть медицинские данные, что люди на Майдане действовали под воздействием психотропных и наркотических веществ. Я согласен с этой точкой зрения – не случайны эти массовые раздачи еды и напитков участникам боевых действий и свободная продажа антидепрессантов и транквилизаторов в аптечной сети Украины. Все это делается для усиления внушаемости людей, их оглушения и физического подавления.

Хотя началось все гораздо раньше, еще 23 года назад, когда велась постоянная пропаганда, направленная против России. И этому есть более глубокие причины. Еще со времен идеолога мировой революции – Льва Давидовича Троцкого началось движение за всемирную революцию, за глобализм, за отмену государственных границ и введение единого всемирного языка. А известно, что лишение нации своего языка – это лишение ее национальной самоидентификации и жизнеопределяющих базовых ценностей.

Так вот, с тех пор как миром стали пытаться управлять транснациональные корпорации в своей попытке создать однополюсный мир, они стали навязывать многим странам против их желания либерально-демократический путь развития, где человек предельно оглушается и превращается в винтик государственной машины. Либерально-демокра-

тический лагерь пытается разрушить у людей все духовно-нравственные ценности, и, в первую очередь – Заповеди Божии. Духовный мир человека все больше исключается из сферы интересов таких деятелей от культуры.

Россия же пока остается на религиозно-патриотическом пути развития и является костью в горле либерал-демократов.

В нашей стране с каждым годом строится или реставрируется все больше православных храмов, все более наполняемых верующими людьми. В Украине же еще накануне мятежа произошел мощный церковный раскол. Там уже действует кроме Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, еще и немало раскольнических сект. А когда разделяется Церковь, разделяется и Государство. То есть там произошло вначале духовное повреждение, а потом и политический раскол. А так как направлен он в первую очередь против России и Европы, нам как никогда сейчас важно сплотиться вокруг Единой Соборной и Апостольской Церкви, проявить истинное единство и согласие. Каждый прихожанин и дома и в храме должен молиться за мир, за своего предстоятеля перед Богом, за нашего патриарха и президента. Пятая колонна давно объявила бы нам войну, если бы не наш ядерный потенциал. Вот почему национальное единство, самосознание и патриотизм

– залог нашего успеха.

Мы, конечно же, устоим, ведь Россия – дом пресвятой Богородицы, и Господь Вседержитель не даст его уничтожить. А вот Украине сейчас не позавидуешь. Там изначально сделана ставка на то, чтобы большая часть населения Юго-Востока ушла со своих исконных земель. Не обязательно всех убивать при этом – достаточно разрушить детские сады, школы, роддома, заводы, железную дорогу и прочую инфраструктуру, чтобы люди не смогли выживать на этих выжженных территориях. Нужно разрушить все живое, чтобы никто не мешал заниматься добычей богатейших запасов урана и сланцевого газа, который возможно уже обещан транснациональным корпорациям...

И боюсь, что нынешнее перемирие – лишь временная и вынужденная мера, необходимая для того, чтобы собраться с силами и начать новые действия по зачистке лакомой территории. Но и здесь последствия войны трудно прогнозируемы, ибо лишь Господь знает, как разрешить любую трагическую ситуацию ко всеобщему благу. А пути Его, как известно, неисповедимы. Мы же, все священники и русской и украинской православной Церкви, будем продолжать молиться за мир и за вразумление людей, живущих и правящих на этой многострадальной земле.

Светлана Троицкая

Татьяна Никифорова «Дверь в дверь»

«ОНА ВИДЕЛА АД И РАЙ»

Рассказывает Сергей Романов

Я не могу забыть ее, ее красивые черные глаза с поволокой и губы, шепчущие куда-то в пустоту: «Я так не хочу умирать. Я хочу жить!»

Мария – умирала. Она была безнадежно больна. Что могло измениться? Врачи приговорили ее к смерти: рак матки; метастазы, расплзающиеся, точно черные змеи, внутри тела, ее жалящие. Сил не было терпеть. Время шло томительно медленно, как раскаленный песок сквозь пальцы – оно текло куда-то в безбрежное пространство. «А что потом?» – беспокойно металась мысли. Никто из знакомых и коллег по работе не навещал ее.

Однажды она не выдержала: «Если все уже давно решено – зачем жить? Быть обузой для близких, родных? Мучиться – зачем? Не лучше ли будет... покончить с этим? Раз – и навсегда?»

Аптечка была рядом. Собравшись с силами, она высвободила из оболочек ядовито-желтые таблетки, собирая их в пригоршню. Ну, вот и все! Осталось только единым залпом опрокинуть их внутрь себя и запить водой. Рука медленно потянулась к стакану...

Но что это? Будто сон охватил Марию, нармертво сковывая ослабевшие члены. Пот проступил на лбу. Она забылась. И видела Мария, точно в кино, следующую картину: вот идет

она по полю, по бесконечному выгоревшему пространству жизни, и слышит нечеловеческие стоны. И подходит Мария к огромной бездонной яме, из которой валит клубами черный дым. И пытается посмотреть вниз, но не может. Там – огонь. Там – стоны, крик и плачи. Там – тюрьма. Там... – ад! В ужасе отшатывается Мария и просыпается.

И просыпается, и снова впадает в забвение. И видит она другую картину: вот сидит она у кристально-чистого ручья, а вокруг птицы поют, цветы переливаются всеми цветами радуги. И так хорошо и тепло на душе у Марии. «Это – рай, место твоего покоя и отдыха», – слышит Мария такой знакомый и ласковый голос свыше. И – просыпается.

И встает Мария, дивясь виденному, и выбрасывает ядовито-желтые таблетки в мусорное ведро, и точно не замечает уже прежней боли, радуясь случившемуся с ней.

«Мария, – попросил я, навестив ее однажды, – позволь записать твою историю на диктофон. И если кто-то спросит, существуют ли ад и рай, я включу твой рассказ, и этот человек уверует в Бога. Можно?»

Она кивнула головой, и я включил красную кнопку.

Через неделю Марии не стало...

РОДЧЕНКО Валерий Аркадьевич

Татьяна Никифорова “Полёт кукушки над родным гнездом”

Всю нашу жизнь, буквально каждый миг

нам должно выбирать одно из двух;

а нам бы и в обход, и напрямик,

как Гамлет предпочел и плоть, и Дух.

Единым духом жизни не прожить,

но мы хотим, идя сквозь круговерть,

суметь всей нашей жизнью заслужить

воистину божественную смерть!

НОСТАЛЬГИЯ

Мне бы выйти из себя когда-то,
дверь закрыть и выбросить ключи!
– Всё равно, в былое нет возврата
сердцу, заплутавшему в ночи.

Мне бы выйти из себя и снова
веру хоть во что-то обрести!
– Без нее не вынести былого,
как воды не унести в горсти.

Мне бы выйти из себя, а двери
двери крепко-накрепко забить!
И опять во что-нибудь поверить,
а Египет рабства позабыть.

СМЕШИНКА ТАЕТ

В этот самый, в этот вечный миг
солнышко смеётся надо мной,
потому, что я такой смешной...,
– Сам себе показываю фиг
и с самим собой наперебой
хохочу то над, то под собой.

Всё шучу. А ведь ещё чуть-чуть
и свернётся в кукиш млечный путь.

Вот тогда заплачу. Заплачú!
А сейчас хочу и хохочу,
и навстречу вечному лучу
я смешинкой тающей лечу.

А ЧТО ПОТОМ?

Проблема вечного покоя
нам век покоя не дает.

– И умница, и идиот
одной снедаемы тоскою,
одним вопросом: «Что потом?»
Мы вслух его не задавали
и зададим его едва ли,
но каждый думает о том:
«А что потом?»
... Все что-то делают на свете,
по сути, делая лишь вид
что делают. За всем за этим
одной немой вопрос стоит!
Молчит прозревшая Джоконда
и сфинкс, постигший тайну, нем...
А тонны интегральных схем,
и ЭВМ, и КИП, и зонды,
увы, не в силах объяснить
большого нашего вопроса.
Что алкоголь? Что папираса,
когда трещит рассудка нить?
Нет мукам ни конца, ни края!
– Боясь однажды умереть,
мы живы только лишь на треть,
а на две трети помираем
от страха близкого конца,
которому конца не видно!
Нам в этом сознаваться стыдно,

нам, отвергающим Творца.
Боясь стыда, стыдимся страха
и, гордо голову задрвав,
во имя неких псевдо-правд
с улыбкою взойдем на плаху,
которую построим сами...
Точней, построили уже!
На плаху в сотни этажей,
уже построенную нами
взойдем. Из-за пятна на карте,
с погонами и без погон,
поскольку каждый – эпитон
каких-то архаичных партий,
идей, вождей, особых взглядов.
Не лучше ли взглянуть в себя
и, Образ Божий возлюбя,
без шороха уйти из стада.
Послушай собственное сердце!
– Ответ на все вопросы там!
Не забегая в ближний храм,
войди не в храм, но в Божью Церковь.
В ее единственную Дверь,
поверь, распахнутую настезь,
но незаметную теперь.
Ты Свет своей особой застишь.
и Сущий Свет, иже еси,
завесу тайны приподнимет,
заветное откроет Имя...
Ты только очень попроси!

Расплескались потёмки лица,
лебединая песнь отзвучала.
Я дожил до конца. До конца.
До...
начала!

Есть в Церковь Дверь.
Она одна.
Всегда распахнута она,
а посему и не видна
духовно заспанному глазу.
– Едва заметна и не сразу.
Войдешь, а изнутри
Их Три.

ВОИСТИНУ ХРИСТОС!

Опять закат распят
пятью перстами чувств.
От головы до пят
опутанный мечусь.

Я вижу песнь Матые,
я слышу холст Дали,
небес небытие
и грозный груз Земли.

Но вот заря на крест
глухих оконных рам
взошла. Рассвет воскрес:
еси вселенский Храм.

На золоте небес
бесовской черни нет.
Ликуй! – Рассвет воскрес!
Воистину Рассвет!

САЛЕЦКИЙ Пётр Васильевич

Кругом в природі рівновага,
Земля, живий то організм.
До неї має бути повага,
А не людський наш егоїзм.

Радієм, винахід зробили,
Щоб краще жити нам було.
Живого скільки загубили,
Що за законами жило.

На цій планеті ми чужі,
І тут з'явилися випадково.
Ведем себе як ті бомжі
І все руйнуємо навколо.

В гармонії усе живе,
Ніхто нікому не мішає,
Людина ж так себе веде:
Немов нічого тут не знає.

Ми кажем розум у нас є
І робим висновки з моралі.
А жити гірше все стає,
І що робити будем далі?

Ми ставим вище всіх себе,
Що ми істоти розумові
Куди ж той розум нас веде
Коли всі дії помилкові.

В природі все переплелось,
Одне доповнює другого,
А ми з усім тим боремось,
І місця тут не маєм свого.

І якщо розум у нас є,
То як же так не розуміти,
Що ми руйнуємо своє,
І де ми потім будем жити.

Земля не може залічить
Тих ран, яких ми наробили.
Мабуть не тут ми мали жити,
Сюди нас просто підселили.

Нас манять незвідані далі,
Ми рахуєм себе як бувалі.
Скрізь свого носа суємо,
Ради вигоди щось зіпсуємо.

На землі ми вже перерили,
Під водою були, небеса засмітили
Почали вже на Марс зазирати,
У надії, що можна там рай заснувати.

Місяць давно у нас під прицілом,
Багаті себе уже тішать наділом.
Там починають ділянки купляти
Щоб від правосуддя туди утікати.

Та поки що в нас один є суддя
Він їх дістане із відтіля.
Ніхто ще не зміг його підкупити
Яма мала, щоб туди все зложити

У кожного у серці місце є,
У кожного своя дорога,
І кожному відміряно своє,
І всі надіються на Бога.

Надії наші сповнені бажань
Ми хочемо багато і відразу,
Та завжди переходимо ту грань
І руки зводимо щоразу.

Слідкуймо щоб нас не обманули,
І завжди було чисто під порогом.
Про місце що у серці ми забули
Де можемо зустрітися із Богом.

На світі є планет багато,
Але одна із них - Земля.
Вона за вищим повелінням
Людей до себе прийняла.

У давні ті часи далекі,
Коли боялися богів,
На ній жили Адам і Єва,
Не маючи іще гріхів.

Землею Бог розпорядився,
Кругом гармонію зробив.
Ніщо нікому не мішало,
Ніхто нікого не гнітив.

У мирі всі жили в спокої
І звір за звіром не гонив,
Лишень одне категорично
Господь людям заборонив.

Заради ж їхньої турботи,
І Бог цього дуже хотів,
Щоб у раю вони не брали
З одного дерева плодів.

Спливали дні, минали роки,
Вони жили собі нівроку.
Та якось Бог їх полишив,
І чорт до Єви підступив.

Коли вони цей плод вкусили,
Пізнали зразу ж наготу,
Заволоділа ними заздрість
Й забули Божу доброту.

І почалися негаразди
Із тих далеких нам часів:
Диявол спокусив людину,
А Бог нам того не простив.

І так живемо у спокуті
Під тягарем старих гріхів,
І Землю ту, що була раєм,
Гриземо із усіх боків.

Ліси зрубали на будови,
З землі дістали, що могли,
Всю воду геть ми забруднили
І рибу з'їли до ікри.

Ми так звели все до кончини,
Занапали увесь рай
Заради яблука одного,
Яке сказав Бог: "Не чіпай".

Сяє із неба проміння величне,
У ньому надія і доброта -
Це твориво Боже. Наше спасіння -
Впустити у душі Ісуса Христа.

Тисячу років ми боремось ревно,
І є в нас надія одна,
Немає нічого вічного в світі -
Вічна лишень боротьба.

Нас полонили діявольські слуги,
Щоб роз'єднати віру єдину.
Ті, що розіп'яли Господа Христа, -
Хотять розіп'ять Україну.

В їхніх стараннях межі немає,
В діяннях у них - лицемірство й обман,
В їх арсеналі - блуд і розпуста,
П'янство, безвір'я і різний дурман.

Ми вже не знаєм, що нам робити,
Душі скалічені вкрай,
А ті сатрапи все обіцяють,
Що виведуть нас вони в рай.

З надією очі ми зводим до неба,
Де ж осяйна благодать?
Скільки ще мук і терпіння з нас треба,
Щоб довгожданну свободу дістать?

Згадуем Бога, коли для нас важко,
Місця в душі для Ісуса нема,
Із сатаною боротись не хочем,
Ну, а за що нам пошле Бог добра?

Татьяна Никифорова "Выход"

Батькам на родість народився.

Коли до школи ще ходив,
У небо часто він дивився.
Його до себе Бог мавив.

Він бачив там казкові хмари,
В думках собі фантазував.
До нього ангели злітали
І він із ними розмовляв.

І в час таких видінь чарівних
На нього з неба йшло тепло.
І він радів, коли подібних
З ним більше випадків було.

Він це сприйняв як поклик долі,
Відчув покликання своє,
Він підкорився Божій волі
Й себе служінню віддає.

Він прославляє вчення Боже,
Благословляє нас усіх
І прихожанові поможе
Спокутать перед Богом гріх.

Дивлюсь у вікно

І сум огортає,
Як швидко оте
Життя пролітає.

Дощ б'є у скло,
З дерев листя опадає,
В морщинах чоло,
І сльоза підступає.

Не знав я малим,
Як жорстоке життя,
Все було новим -
Ще не мав поняття.

І от, на порозі,
Назад подивився,
Змарнів у дорозі,
А чого я добився.

Боровсь за життя
Хотів щось доказати,
Та черствість буття
Не зміг подолати.

На себе взяв відповідальність,
Щоб Бога ми усі молили.
Ми бачимо, яка реальність.
І що б без нього ми робили?

До нас несе він Боже слово,
Єднає нас з усім святим.
І ми усі безпомилково
Ідем до Бога разом з ним.

І, як вожак ключ журавлиний,
Нас підіймає в небеса.
Нехай же буде він щасливий
Й душею чистий як роса.

Нехай він Бога прославляє
І проповідує святе,
В поривах скверних нас спиняє,
Ми будем вдячні всі за те.

Ми щастя й долі в Бога просим.
Хай буде мир і доброта.
До неба руки всі підносим
За многі-многі літа!

НАТАЛЬЯ КОШИНА

За что? – я знаю сама.
Цена? – говорят, по силам.
И все-таки эта зима
Сиротская – подкосила.

Пусть отменен приговор –
Отсрочен? – милостью Божьей,
Чувствую до сих пор,
Как застывают под кожей.

Брызги кипящей смолы –
Будущие метастазы.
И недостойно малы
Все оправдания сразу.

Легче – всё вниз и вниз
Талой водой вдоль склона...
Что это – эпикриз
Или каприз сезона?

Вот и душа не парит,
Оцепенела в коме.
И не прощенных обид
Ноша ещё весомей!

Вот он – последний шанс!
Так почему же медлю?
Золотом дан аванс.
Весь разменяла медью.

Вот он – последний край
Жизни! – но всё, как прежде...
Господи, силы дай
не изменить надежде!

ЕСТЬ

Есть что-то очень важное на свете:
Едва от колыбели – за порог,
Его мы сердцем ищем в звуке, в цвете.
Его зовем, плутая без дорог.

Единожды поверив в исцеленье,
Единожды узнав, что выход есть,
Естественно откроем, как спасенье,
Евангельскую повесть Воскресенья –
Единственно благу миру весть!

“Любовь не ищет своего...”
И не приемлет состязанья.
Вдруг, оглушило пониманье,
Что не любила никого.

Что здесь, в несовершенном мире,
Могла, у всех страстей в плену,
Лишь чувственной, любовной лире
Любую отпустить вину.

Всегда лелея вдохновенье –
Влюбленностей незрелый плод,
Страдала, что одно мгновенье
Во мне живет его полет.

Все остальное – будни, серость,
Огонь без света и тепла.
А мне необходима смелость,
Чтобы преграды сжечь дотла.

Но, путаясь в сетях желаний,
Влача забот и долга воз,
Не разглядела очертаний
Цветущих под ногами роз...

Любовь не ищет своего.
А я лишь своего искала.
Прости, но я не понимала,
Что не любила никого.

Татьяна Никифорова "После дождичка в четверг"

Дольше всех вела беседы,
Позже всех огонь роняла.
Знала все мои секреты,
Все мои обиды знала.

Ничего ведь не просила,
Так расти не каждый может.
Ты прости меня, Осина,
Что твой век тобой не прожит,

Что сама кору сдирала,
Обнажая нежность тела.
Ты прости, я сад спасала,
Убивать я не хотела.

Яблонь веселеют ветки,
Ожил вновь кусочек сада.
Только я совсем не рада:
Почему, чтоб жить на свете,
Умереть кому-то надо?

.....

Из отрубленного корня,
Из мельчайшего кусочка
Рвется, рвется к высям горным
Чубчик глупого росточка!..

Мои песочные дворцы,
Плывущие по небу льдины,
Одни начала и концы,
И нет весомой середины.

Не разгадав, зачем была,
Чего ждала, куда спешила,
Сложу усталых два крыла,
Когда души иссякнет сила.

И в эти несколько минут
Скольженья между «до» и «после»,
Какие мысли промелькнут,
Увижу ли кого-то возле?

Успею ли «прости» сказать
И получить, как дар, прощенье,
И, вдруг, понять, как написать
Последнее стихотворенье?

И рухнут все мои дворцы.
Мир глянет, как с чужой картины.
И уплыву осколком льдины
Туда, где сходятся концы,
Начала все и середины.

Все короче стих.

Все яснее путь.
Будет вечер тих,
В нем проглянет суть.

И узрешь лик,
И оплачешь всех.
Может, в этот миг
Твой простится грех.

И отхлынет жар,
Смолкнут громы битв.
Это Божий дар,
Плод твоих молитв.

СКУЧАНИЕ ПО БОГУ

Скучаю по старым друзьям и веселому лету,
По первой любви, безоглядно спешившей в дорогу,
По детской печали, похожей на светлую эту,-
Скучаю по Богу.

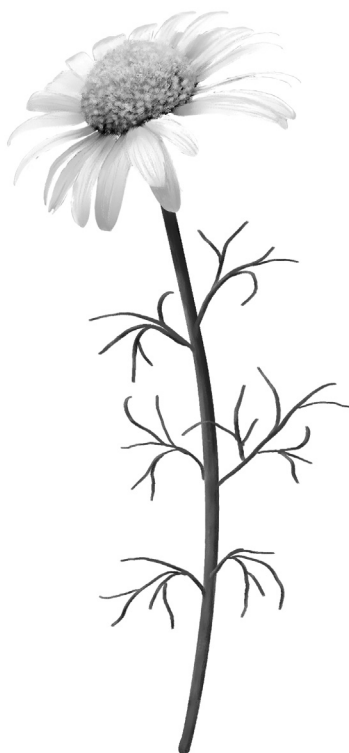
Домашний очаг остывает, и взрослые дети
Другими дорогами ходят к другому порогу.
И круг разомкнулся. И руки упавшие эти -
Скучание по Богу.

Скучаю по теплomu нежному прикосновению,
По взгляду родному, летящему мне на подмогу.
Мы здесь, на земле, привыкая к ее тяготенью,
Скучаем по Богу.

Скучаю по редкой минуте, где ритмы и рифмы,
Питаясь любовью, невольно приходят к итогу,
Что каждую клеткой и каждую капелькой лимфы
Скучают по Богу.

И если от первого крика до смертного вздоха
Душе не унять бесконечную боль и тревогу,
Я знаю, о чем она просит, когда очень плохо:
Скучаю по Богу!

НАТАЛЬЯ ХАУСТОВА

Господи, за радость ожидания,
За восторги и безумство встреч,
За чарующее расставанье,
За расправленность сутулых плеч,

За возможность созерцать и слышать,
За любовь, которой наделил,
За всё то, что делает нас выше, –
За всё то, что Ты мне подарил...

Я благодарю Тебя! Мне странно,
Что была глупа я столько лет.
Грусть, пришедшую ко мне так рано,
Та девчонка не свела на нет.

Не свела! (Ах, если б захотела!)
Но, наверно, нужен был тот путь...
Сердце замирало и робело –
Сердце плакало! – рождалась суть.

Не напрасно на дорогу эту
Ты меня поставил. Я иду
Через тьму по направлению к свету...
(С абсолютным большинством иду!)

Не в когорте “избранных” чеканю
Строевой, стремительный свой шаг.
Я иду, как многие, не зная...
Я иду... (Ты ведаешь ведь, как!)

Господи, прекрасна та дорога! –
Лёд, стихи и призрачный хрусталь...
Господи, ведь этого так много!
Разве может быть чего-то жаль?!

Разве можно было падать духом,
Когда Ты от грязи очищал?!
Я была, наверно, близорука...
(Но Ты мне даже ее прощал!)

Ты прощал... Я боль всю изливала
На листок бумаги, на столе...
Пред Тобою свечка оплывала...
Господи, разве могу в Тебе

Сомневаться?! Без Тебя ушла бы,
Как уходят в море корабли...
Только не за тем пришли сюда мы –
Мы пришли для счастья земли!

Мы пришли, чтоб делать мир добрее,
А не в эгоизме прозябать.
Разве можно жить, себя жалея, –
Жить, желая чем-то обладать,

Кроме своего внутри лежащего,
Самого доступного из всех,
Счастья земного (настоящего!),
Счастья, которое не грех?!

НАШИ АВТОРЫ

АРХИМАНДРИТ ИАННУАРИЙ (Ивлиев) – профессор Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. Является членом Синодальной богословской и библейской комиссий РПЦ МП. Куратор редакции Священного Писания Церковно-научного центра “Православная Энциклопедия”. Член международного научного общества Colloquium Paulinum. Участник многочисленных международных конференций и консультаций. Является также преподавателем Санкт-Петербургского Государственного Университета.

ДОБРЫНИН Валентин Александрович – выпускник технического вуза, инженер по специальности. Получил подготовку по теории решения изобретательских задач (ТРИЗ). Преподавал факультатив по ТРИЗ в школе. Круг интересов носит гуманитарно-христианскую направленность, с акцентом на проблемы творчества и поиск оптимальных путей становления и сохранения творческой активности человека.

КОШИНА Наталья Павловна – родилась на Урале в семье учителя в 1952 году. Школьное детство прошло на Северном Кавказе в городе Нальчик, а студенческие годы в Ленинграде. Жила и работала на берегу озера Отрадное. Первые публикации стихов появились в районной газете в конце 90-х годов, а уже в 2001 стала членом Союза писателей. Своими «крестными в литературе» считала литературоведа Ирму Кудрову, которая первая из профессионалов заметила ее дарование, и поэта Галину Гампер, впервые включившую её стихи в коллективный сборник под названием «Созвучие» (2002 г). В 2010 году в свои именины 9 сентября скончалась от рака легких в хосписе г. Санкт-Петербурга.

ОЛЬШАНСКИЙ Дмитрий Александрович – частный психоаналитик. Секретарь Группы Лакановского Психоанализа, Российский редактор журнала The Philosopher (Лондон), сотрудник

Institut des Hautes Études en Psychanalyse (Париж) и Института Клинической Медицины и Социальной работы им. М. П. Кончаловского (Санкт-Петербург). Автор более 230 научных работ и переводов.

РОДЧЕНКО Валерий Аркадьевич - родился 28 августа 1946 г. в Ленинграде. Автор нескольких поэтических сборников.

РОМАНОВ Сергей Александрович – главный редактор газеты “Вечный Зов”. E-mail: romanov@vzov.ru

САЛЕЦКИЙ Пётр Васильевич – родился 14 февраля 1958 г. в Ровенской области Украины. Водитель скорой помощи. Начал писать стихи с 2000 г. Автор поэтического сборника “Мое життя” (2010).

СОЛОВЬЁВ Сергей Леонидович – выпускник лечебного факультета ЛСГМИ (Академия им. Мечникова) 1986 года, специализировался по психиатрии. С 1990 по 1993 годы работал в Македонии и Венгрии как представитель альтернативной медицины. В 1998 году получил второе высшее образование по специальности «Социально-психологический тренинг». Участвовал в проектах Гильдии Психотерапии и Тренинга как ведущий учебных групп с программами «Использование измененных состояний сознания для творческого роста», «Духовная психотерапия». С 2001 по 2008 годы работал ведущим психологом СПб ГУ ИТМО, вел программу «Информационные потоки. Экология сознания». В настоящее время – ведущий тренингов и мастер-классов по темам, связанным с психической культурой, самореализацией, духовным ростом, оптимизацией психофизического статуса; проводит индивидуальные консультации и лечебные сессии. Область профессиональных интересов: творческое развитие личности, самореализация, эволюция сознания человека, вопросы жизненного предназначения и духовных традиций.

СОМОВ Алексей Борисович – родился 13 апреля 1971 г. в Москве. Доктор теологии (PhD), кандидат философских наук. Консультант переводческих проектов Института перевода Библии. Член Society of Biblical Literature (SBL) и European Association of Biblical Studies (EABS).

ТРОИЦКАЯ Светлана Ивановна – практический психолог, кандидат философских наук, член Союза журналистов РФ, руководитель Центра по психокоррекции зрения, автор многих книг и статей.

ХАУСТОВА Наталья – родилась в 1989 году в Курске, окончила Курский государственный медицинский университет. Публикуется с 2008 года в курских газетах, альманахах. Автор поэтических сборников “Цветы грусти” (2010), “В ладонях сентября” (2012), “К Тебе” (2014).

ЧЕБАНОВ Сергей Викторович – герменевт, доктор филологических наук, профессор кафедры математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Окончил биолого-почвенный факультет СПбГУ («биолог-микробиолог», 1976).

Работал в Институте акушерства и гинекологии АМН СССР, во Всесоюзном научно-исследовательском нефтяном институте ВНИГРИ, в Институте геологии и геохронологии докембрия АН СССР, в НИИ земной коры СПбГУ, Институте эволюционной физиологии и биохимии им. С.М. Сеченова РАН, Центре исследовательских и образовательных программ Санкт-Петербургского союза ученых, Высшей религиозно-философской школе, Балтийском

государственном техническом университете (Военмех им. Д.Ф. Устинова). Член Института национальной модели экономики.

В 1984–1987 гг. – аспирант кафедры математической и структурной лингвистики СПбГУ.

Один из основателей и руководителей семинара по теоретической биологии (1972) (ныне семинар по биогерменевтике).

Автор около 350 публикаций (в т.ч. пяти книг).

ЧУЖОВ Александр Львович – заместитель главного врача СПб ГБУЗ «Пушкинский противотуберкулезный диспансер» по медицинским вопросам, врач-фтизиодерматолог высшей категории, консультант ФГУ СПб НИИ фтизиопульмонологии, кандидат медицинских наук (2009), тема диссертации «Клинико-морфологические особенности и диагностика различных форм туберкулеза кожи», автор 28 научных публикаций, в том числе – монографии «Туберкулез и другие микобактериальные инфекции кожи» (2007).

ШЕСТЕРИКОВА Ольга Авенировна – родилась в Ленинграде. Обучалась на кафедре культурологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Работала преподавателем философии, культурологии, биоэтики в СЗГМУ им. И.И. Мечникова. В 2014 году защитила диссертацию на тему «Трансформация медицинского дискурса в современной европейской культуре».

ЩЕПАНОВСКАЯ Елена Михайловна – кандидат философских наук, член союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга.

*В номере использовались картины Санкт-Петербургских художников:
Сергея Соловьёва и Татьяны Никифоровой*

Материалы публикаций принимаются в электронном виде на дискете или по электронной почте (E-mail): holiz@inbox.ru с пометкой «Статья в журнал»

Рукописи статей не рецензируются и не возвращаются.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Подробнее об условиях публикации статей в журнале «Холизм и здоровье» читайте в разделе «Авторы» на сайте журнала - www.holiz.ru (journal.celenie.ru)

CONTENTS

- 3 *From editor*
- 4 *Archimandrite Januarius (Ivliev). The man in the Scriptures (exegetical approach)*
- 10 *Schepanovskaya Elena M. The problem of immortality in mythology and philosophy*
- 17 *Shesterikova Olga A. Fragmentation and internal differentiation of modern medical discourse and attempts at gaining wholeness*
- 25 *Olshansky Dmitry A. Psychoanalysis and Psychiatry: The Sense and Meaning of Clinics (Lecture at the Chair of Psychiatry and Narcology of North-Western State Medical University on 16 October 2014)*
- 30 *Solovyov Sergey L. Essay on meaning of dreams*
- 36 *Dobrynin Valentin A. Some approaches to the justification of a visual model of life creative personality*
- 52 *Somov Alexei B. About the resurrection in the Bible*

THE SCIENTIFIC LIFE

- 58 Nicolai Hartmann on THE DAYS OF PHILOSOPHY IN ST. PETERSBURG - 2014

INTERVIEW

- 63 “*God does everything for the best for man*“ – an interview with the priest, MD, professor G.I.Grigorev

SKETCHES FROM LIFE

- 68 *Romanov Sergey A. She saw hell and heaven*

POETRY

- 69 *Rodchenko Valery A. All our lives, literally every moment ...*
- 71 *Saletsky Peter V. We invite unexplored distances...*
- 74 *Koshina Natalia P. There is something very important in the world...*
- 77 *Khaustova Natalia Lord, for the joy of waiting...*

- 78 OUR AUTHORS